

А. И. Матвеева

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Казань
Издательство «Бук»
2016

УДК [91+1]:001(075.8)

ББК 87я73

М 33

Ответственный редактор:

К. Н. Любутин, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор
Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Рецензенты:

С. Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии Уральской государственной
сельскохозяйственной академии, почетный работник высшего
профессионального образования России, действительный член
Академии военно-исторических наук (г. Екатеринбург);

В. М. Русаков, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и культурологии
Института международных связей (г. Екатеринбург)

Матвеева, А. И.

М 33 **История и философия науки:** учебное пособие / А. И. Матвее-
ва. — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — 202 с.

ISBN 978-5-9908020-1-8

В данном учебном пособии раскрываются наиболее сложные проблемы методологии научного познания. Особое внимание уделено философско-методологическим проблемам социально-гуманитарных наук.

Учебное пособие предназначено аспирантам и соискателям, приступающим к подготовке и сдаче кандидатского экзамена по истории и философии науки.

УДК [91+1]:001(075.8)

ББК 87я73

ISBN 978-5-9908020-1-8

© Матвеева А. И., 2016

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в связи с происходящими в нашей стране социально-экономическими изменениями, частью которых является и реформа высшего образования, увидели свет самые разнообразные учебники и учебные пособия по курсу философии, предназначенные для студентов вузов. В этих учебниках была преодолена имевшая место в прошлом некоторая односторонность, заключавшаяся в том, что содержание и история философии рассматривались как процесс подготовки и формирования марксистско-ленинского учения, а идеи и концепции, выдвинутые представителями других направлений и школ, подчас недооценивались.

Новая литература значительно расширила круг философов, знание биографий и основных идей которых — показатель успешного освоения учебного курса. Несомненна положительная роль этих изменений в формировании духовного облика будущих специалистов, в их приобщении к культуре. Вместе с тем указанные изменения сопровождались и некоторыми негативными моментами. В силу перегруженности курсов философии сугубо философским материалом стали значительно меньше времени уделять рассмотрению роли конкретно-научных вопросов в формировании логических и методологических навыков будущих специалистов, в понимании ими философского и культурного значения крупнейших открытий и обобщений в естествознании и социально-гуманитарных науках. Поэтому учащиеся — студенты и аспиранты — затрудняются ответить на такие, например, вопросы: «В чем философское значение открытия закона сохранения и превращения энергии? Что такое наука, когда она возникла? Что такое энтропия? Что такое молекулярная биология? В чем философский смысл трудов Коперника? Кто такие Винер, Эшби? Каковы современные космогонические представления? В чем смысл социальной экологии? Кто такой Ч. Дарвин, в чем смысл его учения и что такое глобальный эволюционизм? Что такое синергетика и в чем ее философский смысл?» и т. п.

Иными словами, в преподавании философии произошло разобщение конкретно-научного и философского знания. Преодолению этого разрыва должен служить курс истории и философии науки, причем преодолению как в умах учащихся, так и в головах преподавателей, которые зачастую наряду со своими учениками не могут ответить на приведенные выше вопросы. Именно этими соображениями руководствовались авторы настоящего учебника, подготавливая его к изданию.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с программой экзамена кандидатского минимума по истории и философии науки, разработанной Министерством науки и образования Российской Федерации. Изложение материала рассчитано на читателя, не имеющего фундаментальной философской подготовки, но в достаточной степени знакомого с той или иной отраслью научного знания и желающего как успешно сдать кандидатский экзамен, так и овладеть навыками самостоятельного научного исследования.

Выпуская в свет данный труд, мы надеемся, что он будет способствовать успешной философской подготовке соискателей степени кандидата наук различных нефилософских специальностей. Мы понимаем, что наш труд со временем может быть улучшен, и рассчитываем на конструктивную критику со стороны наших читателей, на их предложения по дальнейшему совершенствованию учебного пособия.

Тема 1

ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

1.1. Мировоззрение и философия

Один российский философ проницательно заметил: «Сильный страшный враг всего одушевленного — не косная материя... самый страшный и беспощадный враг — это идеи. С идеями, и только с идеями, нужно бороться тому, кто хочет преодолеть ложь мира»¹. Человек стал философствовать задолго до того, как появилась философия в качестве особой отрасли знания. Рано или поздно человек решает для себя лично старый и вечно новый вопрос: «Я и мир. Каково мое место в нем? Каков смысл жизни?» Человеческие отношения имеют атрибутивный «философский» аспект, а рассуждения о них насыщены философствованием. Вспомним названия книг, русских писателей: Герцен «Кто виноват?», Решетников «Где лучше?», Чернышевский «Что делать?». За каждым названием — обращение к человеку, за каждым обращением — проблема, решение которой непременно упирается в философское истолкование человека, общества, взаимоотношения человека и мира. Философствовать — это и значит рассматривать отношение человека к миру в целом. Таково исходное самое абстрактное указание на предмет философствования. Стало быть, ответы на философские вопросы носят мировоззренческий характер.

Отечественным сциентистам, готовым вместе с политизированным «марксизмом-ленинизмом» отправить в историческое небытие и философию (дабы возвысить теологию), уместно привести мнение «пророка» не из нашего отечества, американского философа Джеймса Сай-

¹ Шестов Л. Странствования по душам // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 382.

ра. Мировоззрение? «По сути дела, это необходимый шаг на пути к самосознанию, постижению себя самого к осмыслению своей личности... мировоззрение — это ряд предпосылок (истинных полностью, отчасти или совершенно ложных, которых мы придерживаемся (сознательно или бессознательно, последовательно или непоследовательно), размышляя об основных слагаемых нашего мира»².

Всякое мировоззрение предполагает, что человеку противостоит нечто. Но что именно? «Одни считают (независимо от того, думали они об этом или нет), что единственная основополагающая субстанция — это материя. Другие тоже придерживаются такого мнения, но полагают, что эта данность есть Дух, Душа или некая нематериальная субстанция»³.

Каковы же основные вопросы любого мировоззрения? Они, в общем-то, одинаковы, ответы на них разные. Таких вопросов, по Сайру, как минимум семь: «Что представляет собой первичная реальность, то есть реальность самой реальности?... Какова природа внешней по отношению к ней реальности, то есть того мира, который нас окружает?... Что такое человек?... Что происходит в момент смерти?... Почему вообще возможно познание?... Каким образом мы узнаем, что правильно и что неверно?... В чем смысл человеческой истории?»⁴.

Первоначально ответы на мировоззренческие вопросы формировались в рамках первобытной мифологии. Мировоззрение первобытного коллектива — миф (предание). Этимология слова «миф» к проблеме мифа как формы сознания имеет весьма отдаленное отношение.

Миф — фантастический образ, воспринимаемый как реальность. В мифе, во-первых, нет потустороннего и посюстороннего мира, реальное и идеальное не разделены; во-вторых, самосознания индивида не вычленено из «стадного сознания»; в-третьих, мысль и практическое действие в мифе не разделены, миф синкретичен и по отношению к действительности человека. Вопреки просветительской (и унаследованной марксизмом) утопии мифологическое сознание не исчезло. Современное общество полно мифологических знаний. В XX в. мифы распустились еще сильнее и великие достижения науки и техники стали одним из их источников. Миф — характерное состояние и современного политического сознания. Маркс, к сожалению, явно впал в иллюзию, когда прогнозировал исчезновение мифологии с наступлением действительного господства над силами природы⁵. Таким образом, возник-

² Сайр Джеймс. Парад миров. Типология мировоззрений. СПб., 1997. С. 14.

³ Сайр Джеймс. Парад миров. Типология мировоззрений. СПб., 1997. С. 15.

⁴ Там же. С. 15–16.

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 737.

нув в первобытную эпоху в качестве синкретического мировоззрения, миф связывает с наделением окружающего мира человеческими чертами, как «практическое» сознание, регулятор человеческого поведения сохранил удивительную устойчивость.

Возникшая в лоне мифологии религия — более развитое мировоззрение, связанное с постижением сложности мира, его удвоением на потусторонний и посюсторонний. Возникает фантастический образ потустороннего мира и вера в его сверхъестественное существование. Религия как мировоззрение обладает огромной компенсирующей силой, помогающей людям преодолевать убожество действительной жизни. Она открывает человеку временность его земного бытия и дает ему утешение («опиум народа»).

По мере усложнения общественной жизни, разделения труда и возникновения социальной (классовой) дифференциации, отделения умственного труда от физического и появления «мыслящих» групп в лоне мифологии и религии формируется философия, категориальная основа теоретического мировоззрения. Маркс сделал важное открытие: «Философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере»⁶.

Таким образом, мировоззрение — система взглядов на положение человека в мире. Человек, мир, отношение — таковы три аспекта всякого мировоззрения. Миф, религия, философия — главные формы мировоззрения, обрастающие исторически связанными с другими формами общественного сознания — наукой, искусством, нравственностью, политикой...

1.2. Основная проблема философии. Состав современного философского знания

Основной вопрос всякого мировоззрения — вопрос об отношении человека к миру, мира — к человеку, точнее субъекта любого объема и уровня — к объекту любого объема и уровня. Структура мировоззрения как духовного явления включает, во-первых, уровень непосред-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 23.

ственного взаимодействия субъекта и объекта — чувственный (мироощущение, мировосприятие, миропредставление) и уровень опосредованного постижения — рациональный (рассудок и разум). Их связующий компонент — эмоциональное отношение (миропереживание), выступающий в оценках: чувственных и рациональных. Все это вместе взятое дает мировоззренческое миропонимание, единство фактуального и функционального знания, которое ставится регулятором практического поведения субъекта любого уровня.

Мифология концентрируется в мирочувствовании, религия — в миропереживании, философия — в миропонимании. Философия в перспективе оказывается теоретической основой мировоззрения и теорией этого мировоззрения (метатеория). Она синтезирует поиск истины, добра и красоты и рефлексию над наукой. Язык философии — интуитивные очевидности (непосредственное чувственное и рациональное знание) и коренные понятия (категории). По мере дифференциации философии как синкретического знания мировоззрение приобретает более широкую предметную область, базируясь на философии как теоретической основе. И мировоззрение, и философия в зависимости от отношения к науке могут иметь научный, ненаучный или антинаучный характер. В философии концентрируется самосознание субъекта.

Английский мыслитель Эрнест Геллнер не без иронии по адресу философов заметил: «Церковник, который утратил веру, отказывается от своей профессии; философ, который теряет свои убеждения, изменяет определение своего предмета»⁷. Видимо, это явление имеет всеобщий характер. Оно было характерно и для советской философии. В начале 70-х годов профессор М. Н. Алексеев выпустил спецкурс лекций «Предмет и структура марксистской философии»⁸. Этот спецкурс объемом почти 400 стр. содержал, кроме прочего, характеристику 16 методологических догм (ошибочных положений), сложившихся в отечественной литературе. «Совмещение их с истинными положениями породило», как посчитал автор, 34 (тридцать четыре) точки зрения на предмет философии вообще. Надо заметить, что книга покойного М. Н. Алексеева по сию пору в историографическом плане остается уникальным произведением. А. Потемкин в книжке «О специфике философского знания», которая вышла в свет в том же 1973 году в Ростове, насчитал более десятка позиций по части понимания предмета философии.

⁷ Геллнер Э. Слова и вещи. М., 1962. С. 333.

⁸ См. Алексеев М. Н. Предмет и структура марксистской философии. М., 1973.

фии. Кстати, такого рода разноречивой, по-нынешнему плюрализм, касался понимания и предмета «марксистско-ленинской философии».

Со времен Роджера Бэкона европейское сознание развивается под знаком «Знание — сила». Правда, далеко не все выдающиеся просветители фиксировали неуничтожимость «незнания» и догадывались о том, что незнание может стать еще большей силой. Марксистская традиция, хотя это не вытекало из ее основания, тоже не избежала абсолютизации науки и в советское время была окрашена явно в светски-религиозное отношение к науке. Думается, что и Маркс до конца не освободился от просвещенческого социологического рационализма. Что же касается философии, так то определение «единственно научной» философии, которое варьировалось в советской философии с начала 30-х годов, восходит к произведению, первым получившему официальный гриф «учебник для комвузов и втузов»⁹. Вот что по этому поводу сказано в одном из наиболее популярных изданий эпохи «развитого социализма»: «Как же следует определить предмет диалектического материализма?... Мы можем сказать, что диалектический материализм есть наука о соотношении бытия и мышления и о наиболее общих законах развития бытия и мышления. В более сжатой форме можно сказать, что это наука о соотношении и наиболее общих законах бытия и мышления. Бытие здесь понимается как материальное бытие, как природа и общество. Если учесть, что отношение мышления, как вторичного, к бытию, как первичному, тоже выступает как закон, характеризующий взаимосвязь этих основных сторон реальности, а законы диалектики являются законами развития бытия и мышления, рассматриваемых в их взаимосвязи, можно сказать еще более кратко: наука о наиболее общих законах бытия и мышления»¹⁰.

Но какое же отношение такое понимание философии имеет к Марксу, с чьим именем прочно была связана та версия философии, которая долгое время выступала в качестве государственной философии СССР? Достаточно отдаленное. Получилось так, что важнейшие философские произведения Маркса были опубликованы весьма поздно, когда уже сложился не только ленинизм, но приобрела в СССР господство его сталинская версия. Получилось так, что философию, называемую марксистской, в России, и не только, постигали сквозь призму «Анти-Дюринга» и «Людвига Фейербаха».

Названные работы, особенно «Анти-Дюринг», достаточно специфичны в силу своей полемичности. Напомним общеизвестные высказыва-

⁹ См. Диалектический и исторический материализм: в 2 ч. М., 1934.

¹⁰ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 37.

ния Энгельса о том, например, что современный материализм — «это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»¹¹. Сказано более чем ясно. Энгельс говорит о философии как «ныне покойной». Еще не менее четкий тезис: «Как только перед каждой отдельной наукой становится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней»¹². Неоднократно говорится о том, что из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Именно самостоятельное существование, поскольку «все остальное входит в положительную науку о природе и истории»¹³.

Вместе с тем тут же Энгельс говорит о том, что диалектика есть или должна стать наукой: «Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»¹⁴. Все эти, столь исключаящие друг друга мысли, высказаны Энгельсом в одной и той же книге. Они и породили различные трактовки предмета философии в марксистской литературе от сугубо онтологической до гносеологической.

Что же касается сути дела, то фактически возрождается стоящая над «положительными науками» наука наук — диалектика. Она и выступает как философия, тождественная особой науке, специфика которой усматривалась в ее качественной и количественной всеобщности. В набросках плана работы, которую советские издатели назвали «Диалектика природы» и который составлен в период между 1878 и 1880 гг., находим: «Диалектика как наука о всеобщей связи. Главные законы: превращение количества и качества — взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности, — развитие путем противоречия, или отрицание отрицания, — спиральная форма развития»¹⁵.

Эту сциентистскую позицию Энгельса трудно понять и тем более принять. Во-первых, можно ли вести речь о «всеобщих законах» бесконечного мира? Мы впадаем при этом в неразрешимое противоречие, если не попытаемся выйти за пределы материального мира и принять

¹¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 142.

¹² Там же. С. 25.

¹³ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 145.

¹⁵ Там же. С. 343.

в качестве точки отсчета Абсолютную идею, Бога, одним словом творца материального мира, который, по меньшей мере, в качественном плане должен признаваться конечным образованием. Во-вторых, как можно, оставаясь приверженцем идеи качественной и количественной бесконечности мира в пространстве и времени, допускать конечное число «всеобщих законов», говорить о трех «главных законах»?

В общем, сциентистская трактовка философии Энгельсом как науки о всеобщих законах, по сути, без выделения их гносеологической специфики, вела философию в тупик, порождала множество противоречий, обилие точек зрения, якобы свидетельствующих о творческом развитии этой философии. На деле же, в конечном счете (естественно, не всегда) все замыкалось схоластическими дискуссиями, связанными со столкновением друг с другом далеко «непричесанных» мыслей Энгельса. И началось это уже давно¹⁶.

На Западе среди марксистов господствовало мнение, которое четко изложил Франц Меринг в статье «Исторический материализм»: «Маркс и Энгельс всегда оставались на философской точке зрения Фейербаха, поскольку они ее не расширили и углубили, распространив марксизм на область истории; коротко и ясно говоря, в области естествознания они были механическими материалистами так же, как в области истории материалистами историческими»¹⁷. В России, в 90-е годы XIX в. Плеханов и Ленин полагали, что марксизм вообще устранил философию и старую, и новую. В «Очерках по истории материализма» (1896) Плеханов писал: «Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была освободить социальную науку из лабиринта противоречий. По выполнению этой задачи философия могла бы сказать: «Я исполнила свой долг, я могу уйти, так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии»¹⁸. Ленин держался более жесткой позиции. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895) читаем: «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между отдельными отраслями положительной науки»¹⁹. Правда, напомнить об этом выводе Ленина в советский период никто не решался, а сам автор, не прошло и десяти лет (когда стало нужным теорети-

¹⁶ См. Любутин К. Н. О предмете философии: субъектно-объектный сюжет // Современные концепции философии. Казань, 1998.

¹⁷ См. "Die Neue Zeit". 1910. № 29. S. 549–550.

¹⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. Т II. М., 1956. С. 148.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 438.

чески расправиться с Богдановым), как признал и философию вообще, и марксистскую философию, в частности, которую вслед за Энгельсом именовал наукой об «общих законах».

В рамках материала, который вошел уже в качестве доказанной теории в науку, по мнению Плеханова и Ленина, было учение о развитии — диалектика. Оба они видят в диалектике метод. Ленин поясняет: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм»²⁰.

В скором времени, по причинам политическим прежде всего, Ленин существенно корректирует свою точку зрения. В работах «Марксизм и ревизионизм», «Материализм и эмпириокритицизм», «Три источника и три составные части марксизма», «Карл Маркс» он заговорил о философии марксизма: «Философия марксизма есть материализм»²¹. Это именно философия. Но диалектику он понимает как науку. В написанном для «Энциклопедического словаря Гранат» биографическом очерке «Карл Маркс» (1914) Ленин именует диалектику «наукой об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»²². Причем сказано, что это «по Марксу». Меж тем, у Маркса ни у раннего, ни у зрелого, ни у позднего нет такого определения. Оно взято из «Людвиг Фейербаха» Энгельса. Все сказанное позволяет сделать некое обобщение: философия государственно-феодалного социализма, сталинская философия, прежде всего, была философией, весьма слабо связанной с позицией Маркса. Маркс, в сущности, был не востребован. На опубликованные в начале 30-х годов работы Маркса «Рукописи 1844 г». и «Немецкую идеологию» обратил внимание Н. Бухарин. Но к нему уже не прислушивались.

Бухарин пишет: «Чтобы показать всю оригинальность философского творчества Маркса, целесообразно начать анализ с вопроса об отношении субъекта и объекта, где сразу обнаруживается, что Маркс открыл совершенно новую эпоху в историческом развитии философии»²³. Появление собственно марксовской философии связано с открытием того фундаментального факта, что общественная жизнь является по существу практической, связано с анализом практической деятельности людей.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.

²¹ Там же. Т. 23. С. 43.

²² Там же. Т. 26. С. 54.

²³ Бухарин Н. И. Учение Маркса и его историческое значение // Памяти Маркса. М.; Л. 1933. С. 20.

Философия Маркса — социальный материализм, или философия практики. Предметно-практическая деятельность, по Марксу, — способ существования человека и человечества. Практика в качестве материальной целеполагающей деятельности синтезирует натуру и культуру, формирует человека как природно-общественное существо. Философская антропология Маркса — это онтология принципиально незавершенного мира, это социология принципиально незавершенного познания, это философия, которая из анализа практического взаимодействия субъекта и объекта выводит принципы материальности (преодоление созерцательности) и развития (преодоление метафизичности). Существование человека в качестве природно-сверхприродного образования в конечном счете определяется сущностно суммой тех связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу и к природе. Общество производит человека как человека, человек производит общество как общество. Общество есть сущностное единство и человека с природой. Только в обществе природа выступает в качестве основы собственно человеческого бытия. Отсюда и понятно известное положение Маркса: «Ни природа в объективном, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана человеческому существу адекватным образом»²⁴.

Все теоретические, духовно-практические проблемы Маркс решает «через человека», дает характеристику будущего общества как завершенного натурализма, равного гуманизму; завершенного гуманизма, равного натурализму (коммунизм — действительное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, его существованием и сущностью, опредмечиванием и самоутверждением, свободой и необходимостью, индивидом и родом). Философская антропология Маркса органически гуманистична. Величайшее богатство для человека — другой человек, смысл жизни человека — в безграничном саморазвитии безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу²⁵. Такого рода философская ориентация характерна для всего творчества Маркса, «раннего», «зрелого» и «позднего».

Исходная точка философского анализа Маркса — «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»²⁶. Предметное поле философского размышления, по Марксу, — «человек и мир». Оно имеет, следовательно, два по-

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 164.

²⁵ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

²⁶ Там же. Т. 3. С. 18.

люса, оно в сущности своей полярно, биполярно, в ответах альтернативно. Иное дело, что не все основные аспекты были более или менее Марксом теоретически проработаны, и, как всякая живая концепция, учение Маркса вовсе не вылито из одного куска стали, а содержит противоречия и незавершенности.

Маркс критиковал теоретиков, исключавших из истории отношение людей к природе, т. е. производство и воспроизводство самой материальной жизни. До тех пор, пока существуют люди, считал он, история природы, а именно то развитие, которое ей придает человек своей деятельностью, и история людей взаимно обуславливают друг друга. В этом смысле человек всегда имеет перед собой историческую природу и природную историю. Единство человека с природой и единство человека с человеком имеют социальное происхождение, хотя на начальных ступенях культуры природа выступает, прежде всего, как естественный поставщик средств жизнедеятельности. Труд является источником богатства только в единстве с природой — «первоисточником всех средств и предметов труда». Веществу природы человек сам противопоставит как сила природы. Труд, созидатель потребительных ценностей есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей. Марксова онтология — это онтология человеческой практики. Это одновременно и гносеология как социология знания, как диалектика (что было совершенно точно схвачено Лениным). Материальное начало, с которым непосредственно имеет дело философия, — практическая деятельность людей, то, что через нее вовлечено в человеческую жизнь. Родовая жизнь человека — переработка предметного мира. Благодаря производству природа оказывается его (человека) произведением, «человек удваивает себя не только интеллектуально, но и реально, деятельно и созерцает себя самого в созданном им мире»²⁷. Правда, длительное время, как обнаружил теоретически Маркс, практическая деятельность людей выступает в отчужденной форме, даже готовит человеку апокалиптическую участь. Маркс же был убежден, что рано или поздно человечество преодолеет отчуждение, на той ступени развития, когда человеческая сущность станет «природной, природная — человеческой».

Таким образом, анализ духовной, в том числе религиозной и философской, истории человечества и практической его истории привел Маркса к выводу, согласно которому предметное и проблемное, исторически развивающееся поле философии — «человек и мир». Его философия, как было подмечено Бухариным, оформляется в категориях «прак-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 94.

тика» и «познание», «объект» и «субъект», «объективное» и «субъективное», «материальное» и «духовное», одним словом, в категориях, раскрывающих принцип материальности и принцип развития. Философия Маркса, по праву носящая эпитет научной, — это субъектно-объектное размышление, теоретически в своей основе и по существу своему выступающее в качестве основы мировоззрения. И когда Энгельс фиксировал в качестве основного вопроса философии вопрос об отношении сознания к материи, он выделял предельное основание субъектно-объектного взаимодействия, отношения человека к миру. Самосознающая себя научная философия отталкивается от практически действующего человека. Субъект в целом предстает в качестве иерархически сложного образования: человек, группа, общество, человечество. Объект-природное (фрагмент материи, на который направлена материальная и духовная деятельность людей) и социальное образование (материальное и духовное). Взаимодействие субъекта и объекта: практическое, познавательное, ценностное. Практика, которая, согласно известному афоризму, обладает по отношению к познанию и достоинством всеобщности, и непосредственной действительности, позволяет из исходного понятия объекта как фрагмента материальной действительности вывести категорию материи. Из целеполагания (практика как целереализация неотделима от духовной деятельности — целеполагания) — полярную ей категорию сознания.

Иерархичность субъекта и объекта, многоаспектность их взаимодействия, сама двухполюсная система человек и мир (субъект и объект) создают гносеологическую возможность альтернативных ответов на философские вопросы: чувственно-качественные характеристики либо присущи предметам, либо есть порождение субъекта, тоже с красотой и прогрессом, материальным и духовным... Да и философские системы в целом бывают онтологические, гносеологические, аксиологические... Маркс, как справедливо писал тот же Бухарин, дал синтез философского знания, основы современного синтеза, который можно только развивать, но не игнорировать.

Философия предстает как синтез научного, нравственного и эстетического освоения человеческого отношения к миру. Синтез познания и переживания, поведенческое воплощение мировоззренческих установок делают творческое философствование (в отличие от научного познания) индивидуально-неповторимым актом, сближая тем самым философию с искусством. Философия синтетична. Всякая редукция ее обедняет. Маркс выделил практический, теоретический и практически-духовный способы освоения мира. Практически-духовные: художе-

ственный, религиозный, политический, нравственный, то есть ценностные способы освоения. Его непосредственная основа — опыт человеческого бытия, мера освоения мира человеком и мера человечности этого освоения. Философия осваивает сущее сквозь призму должного. Марксова философия завершила коперниканский переворот, начатый Кантом. Фактуальное и оценочное знание предстают в единстве на основе веры как убежденности и надежды. Обычное философское сознание («форма сознания») существует в одном мировоззренческом поле с религиозным сознанием, философская теория как смыслообразующая антропология замыкается на рациональной вере. Духовность, о которой ныне много пишут, есть, в сущности — настроенность человека на поиск истины, добра, красоты, переживание такого поиска и движения к этим высшим ценностям, которые приобретают значение идеала.

Синтез научно-рационального, нравственно-волевого, художественно-эмоционального аспектов на почве субъектно-объектного раздвоения порождает философию — теоретическую в основе систему, которую М. Бахтин определил как «метаязык всех видов познания и сознания». Фиксирующие субъектно-объектное разделение, парные понятия оказываются не только качественно-количественными абстракциями, но и формами мысли. Философия — это диалог между субъектом и объектом и субъекта с субъектом, вопрошание мира и человека, спор, порождение и разрешение противоречий. Диалекта Маркса — не глобальное онтологическое учение о всеобщих законах, как таковых, которые можно зафиксировать вне субъектно-объектного взаимодействия, сектора, «вырубленного» в мире человечеством. Разве можно вне этой «прорези» отнести любой процесс к причине или к следствию, к необходимости или к случайности, к сущности или к явлению?.. Практический характер онтологии Маркса, его «практический материализм» определяют антропологическую окраску понимания Максом диалектики. Это не только учение о противоречиях рационального познания и стоящих за ними реальных отношениях. Это учение о противоречиях чувственной эмпирии, противоречивой игры эмоций и столкновении воли субъектов разного уровня, противоречиях интересов и мотивов, отражающих реальные коллизии. Одним словом, это не только Гегель, но и Фейербах, Шопенгауэр, Кьеркегор... Категории философии поэтому — не только формы мысли, но и ценностные ориентиры. Короче говоря, на них лежит неискоренимая печать практического происхождения и поведенческого знания. «Мы видим, — писал Маркс, — что разрешение теоретических противоположностей само оказывается возможным только практическим путем, только и посредством практической

энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой действительную жизненную задачу, которую философия не могла разрешить именно потому, что видела в ней только теоретическую задачу»²⁸.

Из специфики философского знания с необходимостью вытекает то, что в качестве основы мировоззрения оно завершается выработкой, сотворением смысла жизни. Не поиском смысла, ибо смысл — не грибы, а именно сотворением. Вне человеческой истории, которая есть субъектно-объектное и субъектно-субъектное взаимодействие, нет истины и заблуждения, добра и зла, прекрасного и безобразного. Сотворять смысл жизни — значит формировать индивида, как личность, как субъекта, соавтора человеческой истории.

Таким образом, философское знание возникает и развивается исторически в связи с размышлением о месте человека в мире, об отношении человека к миру и мира к человеку. Еще И. Кант представил убедительные доказательства того, что философия как знание, и как понимание (выявление смысла), и как оценка замыкается на человеке, «самом главном предмете в мире». Единство знания, понимания, оценки и есть мудрость.

Философия раскрывает человека в мире и мир для человека, субъектность и субъективность человека, объективность и объективность мира. Практическая природа отношения человека к миру предопределяет специфику философского знания, его аксиологическую природу, ориентацию на поиск истины, добра, красоты.

Альтернативность и комплементарность философских концепций восходят к парности философских понятий, которые коренятся в «расколе» будущего на субъект и объект и превращает эти понятия в категории. Философские парадигмы не сменяют друг друга, они существуют во взаимном дополнении.

Мы разделяем марксову парадигму и полагаем, что развитие философии как синтеза теоретического (научного) и внетеоретического подхода сохранит ее в качестве непреходящего основания философствования. Справедливо сказано: «В сущности, диалектический материализм — это сегодня основной тип современного материализма. И как бы его ни называть — марксистским, неомарксистским, постмарксистским, он в наши дни не может быть сведен к совокупности формулировок столетней давности»²⁹. Речь идет о критическом развитии этой философии, отказе

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 123.

²⁹ Кармин А. С., Бернацкий Г. Б. Лекции по философии. Екатеринбург, 1992. С. 17.

от устаревших положений и интерпретации ее на современном научном и социально-историческом материале. С какого-то момента развития философского знания вопрос о смысле человеческой жизни и деятельности превращается в вечный вопрос всякого философствования. Прав Гегель: «История философии по своему существенному содержанию имеет дело не с прошедшим, а с вечным и вполне наличным и должна быть сравнима в своем результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов»³⁰. Как подтверждение справедливости гегелевских оценок выглядит нарастающая гуманизация философии — осознание человека не только в качестве основного объекта философского знания, но и признание его в качестве абсолютной ценности и самоценности. Формула «человек — мера всех вещей» как в реальном содержании, так и в его осмыслении обретает истинность только в развитии человечества. Удивительно емкие оценки философии извлекают из изучения ее истории чаще всего не сами профессионалы. Вот пример такой оценки философии: «Но философия — та никогда не подведет. Исчерпать ее невозможно. Она многообразна, как человеческая душа. В ней есть величие, поскольку она занимается познанием мира в его целом. Она трактует о вселенной, о боге и бессмертии, о свойствах человеческого разума, о цели и смысле жизни, о способностях человека и о пределе этих способностей; и если она не может ответить на вопросы, которые преследуют человека на его пути через темный и таинственный мир, то хотя бы убеждает его сносить свое невежество без ропота. Она учит смирению и вливает мужество. Она пленяет не только интеллект, но и воображение; и дилетанту, — вероятно, много больше, чем профессионалу, — она дает пищу для размышлений и грез, которыми приятнее всего коротать часы досуга»³¹.

Проблемное поле философии подвижно. Но при всем его изменении остается нечто вечное — это учение о мире (бытии), онтология, и учение о познании (гносеология), человеке, антропология. Поскольку философски понять человека — значит брать его в отношении к миру, а понять мир — значит брать его в отношении к человеку, связующим звеном выступает общая концепция ценностей (аксиология). В зависимости от того, на каком материале интерпретируются категории философии, складываются учения о познании (гносеология), философия природы, философия истории, философия науки, философия техники и т. д., и т. д. Философия одна и едина, лики ее многообразны.

³⁰ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 9. М., 1934. С. 9.

³¹ Мозм В. Сомерсет. Подводя итоги. М., 1957. С. 177.

1.3. Философия в системе духовной культуры

Духовность как стержень духовной культуры связана с ориентацией на поиск истины, сотворение добра и красоты. Духовность как «душа народа» имеет своим основанием мировоззрение, которое разделяет соответствующий субъект (индивид, группа), будь то мифологическое, религиозное, философское мировоззрение.

Крушение устойчивого социального бытия сопровождается усилением разного рода религиозных и мистических настроений. И тогда «массовая культура» вытесняет подлинную, астрология — астрономию, знахарство — медицину. Наука выбрасывается на периферию общественной жизни. Кошмарный мир рождает кошмары, в том числе философские. Вас. Вас. Кандинский гениально просто выразил одну из тенденций связи бытия и духа: «Чем ужаснее становится мир (а именно теперь он ужасен, как никогда), тем абстрактнее становится искусство, тогда как счастливый мир создает искусство реалистическое»³². Не исчезли мифы. Более того, XX век дал им новую жизнь. Социальные иллюзии, ложные стереотипы внедряются в общественное сознание. Мифотворчеством заняты различные влиятельные политические силы. Средства массовой информации, расхваченные политическими группировками, — главное орудие формирования и тиражирования мифов. Но это уже не та мифология — не «бессознательно-художественная» (Маркс) переработка данных внешнего мира. Это — социально-политический миф. Вновь набирает силу (в немалой степени при поддержке СМИ) религия — богопознание, создание фантастического сверхъестественного мира и вера в него.

Меж тем повседневная жизнь требует здравого смысла. Он составляет суть того обычного сознания, которым люди руководствуются ежедневно. Вытекающая из него вера в реальность внешнего мира, в достижимость практических целей лежит в основе философского мировоззрения, которое исторически и логически оказывается стихийно материалистическим и может стать базой формирования научной философии, квинтэссенции духовной культуры, синтеза научного и вненаучного знания, житейского миропонимания.

Генрих Гейне полагал, что каждый век, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза. К сожалению, новые философские идеи возникают крайне редко. Тем не менее в переломные эпохи большие надежды возлагались на философию. Например, известный русский историк фи-

³² Цит.: Иностранная литература. 1960. № 5. С. 201.

лософии в 1914 г. писал: «В наш век, когда в массе религиозные идеалы падают, а новых еще не создано, пышно расцвели всякого рода преступления и пороки... Единственным средством борьбы с этими преступлениями может быть только установление идеала всего человечества, и именно к этому ведет философия. Итак, во имя борьбы с преступлениями изучение истории философии необходимо распространять в массе»³³.

Очевидно отчаянное преувеличение роли философии и ее истории. Но сколь же велика должна быть любовь к философии и вера в силу философского знания у автора этих строк!

Рано или поздно каждый человек сталкивается с философскими вопросами и ожидает на них ответа. Из этого ожидания вытекает социальная функция философии, формирование общественного самосознания, ответы на старые и вечно новые вопросы: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?». Это вопросы и всего человечества, и отдельных народов, приобретающие трагически-болезненное звучание в периоды социальных кризисов, подобных тому, что ныне переживает Россия. Социальная роль философии двулика: по отношению к прошлому, особенно к прошлому обычного сознания людей, духовным догмам и стереотипам главное — критический анализ, критика «идолов», декартовский скепсис. По отношению к будущему — философский прогноз, высвечивание идеалов различных социальных групп, ценностная ориентация, которая, конечно, неотделима от идеологического пристрастия мыслителя.

Философия полифункциональна, а в человеческом обществе все виды общественного сознания выполняют какие-то социальные функции в зависимости от их специфики. Из социальной роли философии вытекает вторая важнейшая ее функция — мировоззренческая. Философские вопросы и философские размышления — это и есть мировоззренческие вопросы, а сама философия выступает в качестве теоретического решения мировоззренческих вопросов в проблемном поле «человек — мир».

Таким образом, «социальный заказ» диктует потребность в мировоззрении, разработка теоретических основ которого ставит вопрос о том, как его достигнуть. В связи с этим возникает фундаментальная функция философии — методологическая. Речь идет о знании того, как теоретически разрешаются мировоззренческие вопросы.

В этих двух фундаментальных функциях — мировоззренческой и методологической — и выражается собственное содержание философии.

³³ Сотонин К. Таблицы по истории философии. Казань, 1914. С. 4–5.

Все ее категории и принципы одновременно выступают в этих двух отношениях и интерпретируются на любом материале. Нет в материальном и духовном мире ни одной сферы, которую нельзя было бы втянуть в сферу философского анализа. Но только опосредованно. Объект философии — не реальность сама по себе, будь то объективная или субъективная. Ее объект — человеческое знание реальности, человеческое понимание реальности, человеческая оценка реальности.

Скажем: наука и философия. С одной стороны, и та и другая — теоретическое знание, ориентированное на поиск истины. С другой, философия постигает объект только в ракурсе человеческого отношения. И поэтому философское знание — не только знание о сущем, но и должном, о высших нравственных ценностях, которые выступают как идеалы, регулирующие наши отношения и стремления. Философия — совокупность альтернативных суждений, которые невозможно доказать или опровергнуть опытным путем. Поэтому раз возникшие типы философствования прошли через всю человеческую историю и благополучно существуют сейчас. Соответственно, есть общее и есть различие между философией и искусством, философией и религией. Это достаточно сложные отношения как на уровне видов общественного сознания, так и на уровне теории.

Следовательно, философствование есть обретение мудрости, единства знания, понимания и оценки, а все это опредмечивается в поведении человека. Подлинная философия лишена утилитарности: для добывания хлеба насущного, как говаривал Гегель, нет средства хуже, чем философия. История философии породила многообразие способов философствования, соответственно, исторических типов философии.

1.4. Основной вопрос философии и принцип развития

Полагают, что слово «философия» впервые употребил Пифагор (580–500 гг. до н. э.), образовав его из двух греческих слов «philio» (люблю) и «sophia» (мудрость). Философ — мудрец, то есть человек знающий, понимающий, оценивающий в соответствии с ориентацией на поиск истины, творящий добро и красоту. Мудрость — правление ума, которое ведет к высшей добродетели, к справедливости. Вопрос, что есть философия, по сию пору останется вопросом, который заново решает для себя каждый думающий человек, и не просто решает, он переживает это ре-

шение. Теоретические конструкции всегда оказываются вплетенными в эмоционально-волевую ткань. Лорд Рассел, подлинный современный мудрец, пишет: «Всё точное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия. Почти все вопросы, которыми больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия. Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает независимыми способностями? Имеет ли влияние какое-либо единство или цель? Развивается ли вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является и тем, и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы его можем достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется таковой, — просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории. Теологи претендовали на то, чтобы дать на эти вопросы ответы и при том весьма определенные, но сама определенность их ответов заставляет современные умы относиться к ним с подозрением. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, — дело философии...

Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, — это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею»³⁴.

Таким образом, философия — это знание о знании, о знании мира и отношении человека к нему, рефлексия над рациональным и иррациональным знанием. В конечном счете, знание о мире и отношении к нему, содержащееся в науках, имеет либо эмпирическое, либо фор-

³⁴ Рассел Бертран. История западной философии. М., 1959. С. 7–9.

мальное происхождение. «Что есть дом?» или «Что есть корень квадратный числа 144?». Но имеются иного типа вопросы и ответы на них: «Что есть время? Куда ушло прошлое время?». И вообще: «В чем смысл человеческой жизни?». В общем, есть множество вопросов, ответ на которые не может быть найден эмпирически или логически, он зависит от общего ответа на вопросы об отношении человека к миру, от трактовки отношения самого вопрошающего начала, сознания, к предметной реальности. Говорим ли мы о добре и зле, истине и лжи, о том, есть бог или нет бога, мы упираемся в основной для философии мировоззренческий вопрос об отношении нашего субъективного бытия к бытию объективному, субъективной реальности — к реальности объективной. Короче говоря, речь идет об отношении сознания человека и человечества к тому, что существует вне его, к материи. Ф. Энгельс полагал, что это отношение следует рассматривать с двух сторон, первая сторона: что первично, сознание или материя, вторая: как наше сознание относится к материи, способно ли оно познать материю или нет?

От решения основного вопроса философии зависит решение иных философских вопросов, в процессе этого решения и складываются исторически основные типы философии и философствования. Сам «раскол» бытия на материальное и идеальное, материальную реальность и наше «я» порождает возможность принимать за первичное либо то, либо другое начало, либо признавать равноправными оба. В глубокой древности возник и процветает поныне тип философии, утверждающий первичность материи и признающий сознание в качестве ее свойства — материализм. Столь же древен и устойчив противоположный тип философствования — идеализм, признающий первичность сознания. Собственно, философия и развивается исторически в полемике этих двух ведущих направлений философствования, борьба которых, видимо, неустраима, пока люди мыслят, аргументация окончательная в пользу истинности того или иного воззрения недостижима. В конечном счете, все замыкается на философской вере. Были и есть мыслители, которые признают равноправными материальное и духовное начала — дуалисты (от лат. — двойственный, тогда как признающие одно начало — монисты, от лат. *monos* — единый).

Не так давно дуализм вновь было предложено рассматривать в качестве современной философии под шапкой «философского реализма». Мировоззренческая суть его такова: «Материальное начало как исходное начало природы может рассматриваться не само по себе (в этом случае оно лишено внутреннего источника развития), а лишь в единстве с идеальным началом, которое выражает процесс структурирова-

ния материи с вполне определенным направлением (увеличение энтропии, стрела времени и т. д.). Самоорганизация — общая природная закономерность, имеющая место как на человеческом, так и на дочеловеческом уровне. А раз так, то уже в неорганической природе должно содержаться то, что структурирует, в определенной мере детерминирует природный процесс. Думается, что в самом общем виде это может быть отнесено к понятию идеального начала природы»³⁵.

Авторы полагают, что философский реализм неразрывно связан с современной научной картиной мира, естественно-научные предпосылки которой созданы в последние десятилетия в рамках неравновесной термодинамики и теории самоорганизации (синергетики). В. С. Егоров пришел к выводу о том, что размышления Энгельса об основном вопросе имеют лишь исторический познавательный интерес: «Современная наука утвердила бесспорное природное первенство по отношению как к человеку, так и его духу, сознанию. Понятие мирового духа, божественного начала — это уже другой уровень постановки вопроса. Мировой дух может быть интерпретирован как идеальное начало природы, наряду с материальным природным началом, и в таком случае этот вывод нам кажется перспективным»³⁶. Надо сказать, однако, недостатка в подобных интерпретациях не было и ранее. А итог? Не более, чем в притче о попе и его собаке. Автор, в общем-то, это и признает, с разного рода оговорками: «Наша позиция, выдвигающая в качестве стержня исторического процесса человека, является дуалистической, ибо в основе нашего подхода лежит дуализм человеческой деятельности, как единства ее предметной и познавательной сторон, что, в свою очередь, отражает дуализм самой Природы, как единства материального, идеального начал»³⁷.

Что же касается второй стороны основного вопроса философии, то в зависимости от ее трактовки выделяются учения, признающие познаваемость мира (их большинство), и отрицающие ее — агностики (от греч. «не знаю»). Агностицизм существует в качестве особого типа философии.

Итак, основных типов философии четыре: материализм, идеализм, дуализм, агностицизм. Существует много специфических их разновидностей.

Прежде чем кратко их обрисуем, напомним, что на каждый тип философии особое влияние оказывает трактовка материи и сознания

³⁵ Егоров В. С. Философский реализм. М., 1994. С. 4.

³⁶ Там же. С. 77.

³⁷ Там же. С. 90.

с точки зрения принципа развития: рассматривают ли материю и сознание диалектически (от греч. *dialektika* — веду беседу, рассуждаю), как развивающиеся, или метафизически (от греч. *metaphisika*, после физики), т. е. вне развития.

Исторически выделяются несколько форм материализма, прежде всего в связи с трактовкой развития материи и сознания, философской аргументации. Наивный материализм древних, опирающийся на обыденный опыт и в той или иной мере признающий развитие. Материализм XVII–XVIII вв. с его опорой на данные механики больших масс и уже в силу этого неспособный «схватить» суть развития, остававшийся в основном метафизическим. Диалектический материализм, возникший в середине XIX в. в Германии и России, соединивший принципы материальности и развития, давший фундаментальный философский синтез.

Идеализм так же имеет разные формы: объективную и субъективную. Объективный идеализм связан с признанием в качестве основы существующее мировое духовное начало (идеи, воли, Бога и т. п.), субъективный — с признанием первичности человеческого сознания.

Существует и иные подходы к типологизации философии. Большинство авторов учебников придерживается формационного принципа, выделяя древнюю, средневековую философию, философию нового времени и современную³⁸. Другие авторы используют геополитический подход, полагают, что есть три типа мировой культуры, три типа исторического развития человечества, соответственно три типа философии — восточная, западная и русская³⁹. Полагают, что восточная философия связана с поиском абсолютного смысла бытия, западная — с поиском абсолютной истины, русская — с поиском абсолютного добра.

1.5. Целевая ориентация философствования и ее реализация

Исторические типы философии реализуются в определенных способах философствования, которые, как и сами типы, сопутствуют всей истории человечества, возникнув в древности, находят свое специфическое проявление в каждую историческую эпоху в рамках национальных философских учений.

³⁸ См. напр., Философия. Ростов н/Д., 1995.

³⁹ См., напр., «История философии: Запад — Россия — Восток» Кн. 1–4. М., 1996–1999.

Речь идет о соответствующих ориентациях, об акцентах, о тех центрах, вокруг которых вращается весь материал, говорящий о мире и человеке. Таковы космоцентризм (природоцентризм), теоцентризм, антропоцентризм, социоцентризм.

Для мыслителей Древней Индии, Древнего Китая, античных досократиков человек — часть космоса (греч. Вселенная), который мыслится как упорядоченное единство. Космическим мир впервые был назван, видимо Пифагором, находившим в нем порядок, гармонию. Мир — макрокосмос, человек — микрокосмос. Подлинная мудрость — жить в согласии с Космосом. Таково философствование пантеистических натуралистов эпохи Возрождения (Н. Кузанский, Д. Бруно), многих мыслителей Нового и Новейшего времени на Западе (Б. Спиноза, П. Гольбах, ранний Ф. Шеллинг, Л. Бюхнер, А. Бергсон и др.), русских космистов (Н. Федоров, К. Циолковский, В. Вернадский и др.).

Теоцентризм соотносит тайну человека и мира с тайной Бога (Августин. Фома Аквинский, П. Флоренский, Ж. Маритен). Для них человек — «малый Бог».

Взгляд на мир через человека порождает антропоцентрический (антропологический) способ философствования. Человек мыслится как конечная цель философии, а далее принимается и как исходный ее пункт. Антропоцентризм Возрождения, И. Кант, Л. Фейербах, А. Шопенгауер, Н. Чернышевский, антропологическая философия XX в. — во всех такого рода учениях предельным основанием философствования выступает сам человек, взятый в каком-либо определенном статусе.

Антропоцентризм имел одним из своих следствий социоцентризм, ярким проявлением которого явился социальный материализм (или философия практики) К. Маркса и марксистов.

С конца XVIII в. набирает силу синтетическая тенденция, объединяющая различные способы философствования и различные аспекты содержания философского знания (таков современный материализм, таковы некоторые религиозно-философские учения).

Библиографический список

1. Алексеев М. Н. Предмет и структура марксистской философии. М., 1973.
2. Бухарин Н. И. Учение Маркса и его историческое значение // Памяти Маркса. М.; Л., 1933.
3. Рассел Бертран. История западной философии. М., 1959.
4. Геллнер Э. Слова и вещи. М., 1962.
5. Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 9. М., 1934.

6. Диалектический и исторический материализм: в 2 ч. М., 1934.
7. Егоров В. С. Философский реализм. М., 1994. С. 77.
8. Кармин А. С., Бернацкий Г. Б. Лекции по философии. Екатеринбург, 1992.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1.
10. Любутин К. Н. О предмете философии: субъектно-объектный сюжет // Современные концепции философии. Казань, 1998.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12.
13. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 142.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч 1.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1.
17. Моэм В. Сомерсет. Подводя итоги. М., 1957.
18. Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. Т II. М., 1956.
19. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973.
20. Сайр Джеймс. Парад миров. Типология мировоззрений. СПб., 1997.
21. Сотонин К. Таблицы по истории философии. Казань, 1914. С. 4–5.
22. Шестов Л. Странствования по душам // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990.
23. "Die Nene Zeit". 1910. № 29. S. 549–550.

Вопросы для самоконтроля

1. Что означает термин «философия»?
2. Каковы теоретические предпосылки философии как самостоятельной области знания?
3. В чем отличие философского мировоззрения от других его исторических типов.
4. Какой вопрос приобрел статус «основного», «фундаментального» вопроса философии?
5. В чем отличие материалистического монизма от идеалистического?
6. Что такое дуализм?
7. В чем отличие предмета философии от предмета других наук?
8. Какие методы познания называются всеобщими?
9. Какова структура философского знания?
10. Каждый ли человек обладает мировоззрением?

Тема 2

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ПРЕДМЕТ, МЕТОД, ФУНКЦИИ

Под «философией науки» первоначально имелась в виду ветвь так называемой аналитической философии (логического позитивизма), которая занимается изучением науки и претендует на научную обоснованность своих результатов. В начале XX в. она возникает на стыке трех областей — науки, истории науки и философии. Известный специалист в этой области А.Л. Никифоров поясняет суть дела: «Прежде, чем приступить к исследованию науки и попытаться отвечать на какие-то вопросы относительно научного знания, ученый должен иметь определенное представление о том, что такое человеческое познание вообще, каковы его природа и социальные функции, его связь с производственной практикой и т. п. Ответы на эти вопросы дает философия, причем, разные философские направления дают разные ответы. Поэтому каждый философ науки с самого начала вынужден опираться на те или иные философские представления»⁴⁰. Таким образом, с учетом различий в философских направлениях, исследуемых областей науки — возникает множество вариантов философии науки. Существует множество «методологических концепций» — концепции Э. Маха, А. Пуанкаре, П. Дюгема. В конце XX в. — концепции К. Поппера, М. Поланьи, Т. Куна, И. Лакатоша, С. Тулмина, П. Фейерабенда. Однако постепенно выкристаллизовывался более или менее единый, однородный предмет философии науки, поскольку при всех различиях в методах и способах его изучения — им остается современная наука. Большую роль в разработке философии науки сыграли концепция «фальсификационизма» К. Поппера, «научных революций» Т. Куна и «эпистемологического анархизма» П. Фейе-

⁴⁰ Егоров В. С. Философский реализм. М., 1994. С. 350–351.

рабенда⁴¹. Философия науки отвечает на следующие основные вопросы: что такое научное знание, как оно устроено, каковы принципы его организации и функционирования, что собой представляет наука как производство знаний (с точки зрения ее отличий от других видов знания, с точки зрения истории и как социальный институт), каковы закономерности формирования и развития научных дисциплин, чем они отличаются друг от друга и как взаимодействуют? Философия науки, в отличие от предшествующей метафизики, в наше время преодолела иллюзии о создании универсального метода или системы методов, которые могли бы обеспечить успех исследования для всех наук во все времена. Она выявила историческую изменчивость не только конкретных методов науки, но и глубинных методологических установок, характеризующих научную рациональность. В XX в. она показала, что сама научная рациональность исторически развивается и что основополагающие установки научного сознания могут изменяться в зависимости от типа исследуемых объектов и под влиянием изменений в культуре, в которые наука, в свою очередь, вносит свой специфический вклад. Предметом философии науки являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и в исторически изменяющемся социокультурном контексте⁴².

2.1. Общая характеристика позитивизма

Позитивизм как течение в буржуазной философии оформился в 30-х гг. XIX в. и уже к 40-м годам получил широкую европейскую известность. Основными представителями «первого» позитивизма принято считать О. Конта, Д. С. Милля и Г. Спенсера. Главный труд Конта «Курс позитивной философии», в котором излагались ведущие идеи новой философской доктрины, вышел в свет в 1830–1842 гг.⁴³

⁴¹ См. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012.

⁴² См.: Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012.

⁴³ См.: Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.

Став одним из наиболее влиятельных направлений философского мышления на протяжении последних двух столетий, позитивизм претерпел изменения, связанные с потребностями общества и развитием научного познания. До сих пор он продолжает оставаться не только одной из философских доктрин, но и важной составляющей современного западного стиля мышления, характерного как для теоретического, так и обыденного уровней общественного сознания.

В эволюции позитивизма можно выделить три этапа.

Первый — охватывает период с 30-х годов по конец XIX в., когда были сформулированы основные мировоззренческие и методологические установки позитивизма в трудах О. Конта (1798–1857), Д. С. Милля, Г. Спенсера. Позитивизм завоевывает своих сторонников во Франции, Великобритании, России, Польше.

Второй этап характеризуется возникновением в начале XX в. новой формы позитивизма — *махизма*, или *эмпириокритицизма*. Представителями этого течения были: Э. Мах в Австрии, Р. Авенариус — в Швейцарии, К. Пирсон — в Англии, эмпириомонисты А. Богданов и П. Юшкевич — в России.

Третий этап, начавшийся в 20-е годы нашего столетия, длится по настоящее время. Он связан с течением *неопозитивизма* и его разновидностями — логическим позитивизмом (Х. Рейхенбах, Ф. Франк, А. Айер — в Европе и А. Бламберг, Э. Нагель, Ч. Моррис, П. Бриджмен — в США) и философией логического анализа в Великобритании (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Д. Мур и К. Поппер)⁴⁴.

Чтобы оценить место и роль позитивизма в современной культуре, необходимо выделить *общие и существенные черты* позитивистского подхода к пониманию мира, нашедшие свое воплощение в различных сферах духовной жизни XIX и XX вв.

Главной проблемой позитивизма является *вопрос о взаимоотношении философии и науки*. На разных этапах своего развития позитивизм по-разному отвечал на этот вопрос, однако, общим было стремление лишить философию статуса самостоятельной науки, имеющей свой предмет исследования.

Сциентизм. Продолжая традицию рационализма эпохи Просвещения, позитивизм придает ему форму сциентизма (от лат. *scientia* — знание, наука). В связи с этим следует определить границы применения терминов «рационализм» и «сциентизм». *Рационализм* как мировоззренческий

⁴⁴ См.: Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.

и методологический принцип утверждает приоритет разума во всех сферах деятельности человека; *сциентизм* же делает упор на роль научного, прежде всего естественнонаучного знания, полагая его достаточным основанием для ориентации человека в мире, рассматривает науку как абсолютный эталон всей культуры, признает ее единственной силой социального преобразования. Значительную роль в формировании такой мировоззренческой установки сыграли выдающиеся достижения естествознания XIX в. Итак, сциентизм можно рассматривать как первый характерный признак позитивистской философии.

Одной из особенностей рационалистической философии XVI–XIX вв., от Декарта до Гегеля, был ее спекулятивный характер. Спекулятивное рассуждение представляет собой чисто теоретическое постижение истины, не нуждающееся в обращении к опыту. Позитивизм выступил против спекулятивной философии и ее претензий на трансцендентное знание⁴⁵, предложил относиться к разуму трезво, практически, не ставить перед ним невыполнимых задач. С точки зрения позитивизма, наука должна заниматься не поиском сущностей, а изучением и обобщением явлений. В этом плане к заслугам позитивизма можно отнести критику понятий «жизненной силы», «теплородных флюидов» и других ошибочных представлений о неких особых сущностях бытия, свойственных естествознанию XVIII–XIX вв. В противовес спекулятивной философии позитивизм отрицал существование любых сверхразумных истин, в которые следует только верить, и настаивал на рациональной и эмпирической проверке любого знания.

Феноменализм. Постановкой вопроса о соотношении теории и эмпирии в научном познании позитивизм во многом обязан традиции английской школы эмпириков и сенсуалистов, начиная с Ф. Бэкона. Однако в истолковании самого *опыта* позитивисты склонялись к субъективно-идеалистической позиции Д. Юма и Дж. Беркли, поскольку рассматривали его как совокупность феноменов (явлений), *наблюдаемых* человеком в процессе чувственного восприятия. Подобная трактовка явлений сохранилась и в современных школах позитивизма. В феноменах подчеркивается, прежде всего, *субъективная* сторона, так как их рассматривали как *совокупность актуальных и потенциальных ощущений*⁴⁶. Такой подход получил в философии название феноменализма. Та-

⁴⁵ Трансцендентное знание — знание неведомой сущности бытия, которое не дается нам в непосредственном чувственном опыте, выходит за его пределы и может быть постигаемо через интуицию и веру.

⁴⁶ См.: Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

ким образом, вслед за сциентизмом *феноменализм* выступает как вторая характерная черта позитивизма и выражает требование описывать только то, что доступно наблюдению, не пытаться проникнуть в сущность явлений. Тем самым позитивизм демонстрирует метафизический (в значении антидиалектический) взгляд на соотношение сущности и явления, отрывая одно от другого.

Однако любая наука стремится к познанию законов. Позитивизм объявляет естествознание эталоном научного познания и стремится по этому образцу выстроить исследование общества. О каких же законах можно говорить, если не признавать возможность проникновения в сущность бытия? Единственно возможными законами, доступными научному познанию, с точки зрения позитивизма, являются феноменологические закономерности. Задачи науки в таком случае сводятся не к поиску причин происходящих явлений, а к простому их описанию и обобщению в форме статистических закономерностей. Таким образом на долю философии остается *только систематизация достижений естественных и общественных наук*⁴⁷.

Натурализм как универсальный принцип объяснения всего сущего является третьей особенностью позитивизма. В соответствии с ним возникновение природных и социальных явлений зависит от действия естественных факторов, например, влияния климата, биологических особенностей людей и т. д. Позитивизм стоял на точке зрения *методологического монизма*, то есть утверждал принципиальное единство методов естественных и общественных наук⁴⁸.

Основатели позитивизма Конт, Спенсер, Милль всячески стремились подчеркнуть значение объективного исследования природы и общества. Однако требование *объективности* исследования находилось в противоречии с феноменологической трактовкой опыта, особенно явно это проявилось у Милля и Спенсера, которые в этом вопросе явно тяготели к субъективному идеализму.

Вот почему раннему позитивизму так и не удалось последовательно реализовать объективный метод исследования, поставленная задача не была выполнена. В процессе дальнейшего развития позитивизма его феноменологическая, субъективно-идеалистическая тенденция, роднившая его с юмизмом, проявлялась все более четко. Вместе с тем следует отметить, что благодаря натурализму позитивизм, особен-

⁴⁷ См.: Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013.

⁴⁸ См.: Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

но на ранней стадии своего развития, еще сохранял многие элементы естественнонаучного материализма эпохи Просвещения и стихийного материализма, распространенного в естествознании XIX в. Это особенно заметно в произведениях Конта и Спенсера, стремившихся создать синтетическое философское обобщение достижений частных наук.

Одной из особенностей, унаследованных позитивизмом от ранних форм натурализма, был *редукционизм*, проявившийся наиболее ярко в понимании общества. Стремление объяснить социальное с помощью психических или биологических явлений, а психическое и биологическое — с помощью механических и энергетических моделей, сведение качественных изменений к количественному росту или уменьшению — вот формы редукционизма, широко распространенные в позитивистской методологии. К разновидностям биологического редукционизма (сведения социального к биологическому) относятся органицизм (Спенсер, Лилиенфельд, Шефле, Уормс и др.), расизм и «социальный дарвинизм» (Гобино, Лапуж, Гумплович, Гальтон, Пирсон, Ратценхофер и др.)⁴⁹. Органицизм объяснял развитие социальных систем, проводя прямую аналогию с живыми организмами. Социал-дарвинизм рассматривал процесс общественного развития, широко применяя терминологию эволюционной концепции Дарвина (естественный отбор, борьба за существование между индивидами, группами, народами, расами).

Позитивизму так и не удалось овладеть диалектическим методом мышления. Однако идея всеобщего развития уже «носилась» в духовной атмосфере XIX в. В наиболее полном виде она была разработана Гегелем, но гегелевская философия, с точки зрения позитивизма, носила спекулятивный (в его понимании — антинаучный) характер. Естествознание XIX в., прежде всего биология, вплотную подходило к обоснованию идеи эволюции, этнография в лице Л. Г. Моргана — к идее общественного прогресса и единства исторического пути человечества. Социальные потрясения конца XVIII и начала XIX вв. заставляли задуматься о закономерностях социальных изменений. И позитивизм дает свой ответ в решении этой проблемы, выдвигая принцип эволюционизма для обоснования природных и социальных процессов. В эволюционизме выразился односторонний подход позитивистов к идее развития, толкование его как постепенного плавного развертывания и усложнения объектов, подчеркивание прежде всего его прогрессивной направленности, преобладание количественных характеристик в описании процессов

⁴⁹ См.: Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

и недооценка качественных изменений систем, неумение видеть диалектику прерывности и непрерывности в переходе от одних форм бытия к другим.

Эволюционизм был отличительной чертой раннего позитивизма, тогда как сциентизм, феноменализм и натурализм — это общие черты, присущие позитивизму на разных этапах его развития⁵⁰.

В целом же следует отметить, что позитивизм как философское течение представляет собой весьма непростой объект для исследования в силу аморфности его содержания, включающего разрозненные элементы идей разных философских направлений идеалистического, материалистического и юмистского толка, естественнонаучных обобщений, а порой весьма расхожих и банальных рассуждений. Присущая позитивизму либеральная и оптимистическая окраска, вера в социальный прогресс и здравый смысл хорошо соответствовали мироощущению буржуазии того времени.

Рассмотрим подробнее каждый период развития позитивизма и причины, обусловившие переход его от одной исторической формы к другой.

2.2. Ранний позитивизм

Основатель позитивизма *Огюст Конт* (1798–1857) в своих теоретических исследованиях опирался на ряд идей социалиста-утописта Сен-Симона, секретарем которого он был в течение 1818–1824 гг.

Контом была предпринята первая попытка классификации наук. По сути дела он хотел представить научную картину мира на уровне достижений науки XIX в. В основу классификации им было положено три принципа: науки располагались от общего к частному, от простого к сложному, от более точного к менее точному знанию. Конт разделил все науки на две группы — теоретические и прикладные. Иерархия наук Конта основывалась на мысли о том, что каждая последующая наука опирается на предшествующие ей в этом ряду, но к содержанию последних не сводится⁵¹.

⁵⁰ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; История и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010.

⁵¹ См.: Там же.

Недовольный предшествующей наукой, опиравшейся в познании на спекулятивные рассуждения, Конт предлагает *позитивный метод* научного исследования, опирающийся на обобщение *фактов* и данных, доступных непосредственному наблюдению. Только такой подход позволит, по его мнению, получить достоверное положительное (позитивное) знание. Наука не должна ставить вопрос о причинах явлений, но только о том, «как» они происходят. Таким образом, все научное знание должно носить описательный характер, изучать одни явления (феномены) и не покушаться на исследование сущности бытия. Пределом научного обобщения должны стать феноменологические закономерности, что означало отказ от познания всеобщих закономерностей в силу их недоступности опыту. Конт разъяснял, что термин «*позитивный*» имеет несколько значений: 1) достоверное в противоположность сомнительному; 2) точное в противоположность смутному; 3) реальное в противоположность химерическому, иллюзорному; 4) полезное в противоположность бесполезному; 5) положительное в противоположность отрицательному. В последнем случае «оно указывает на одно из наиболее важных свойств новой философии, представляя ее как назначенную по своей природе преимущественно не разрушать, но *организовывать*»⁵².

В социологическом учении заслугой Конта была постановка вопроса о необходимости рассмотрения общества как целостного социального организма, подчиняющегося естественным законам. Не понимая значения материальных факторов (экономики, географической среды и т.д.) в жизни общества, он полагал, тем не менее, что в основе общественного развития действуют естественные законы, аналогично законам, действующим в природе. Естественное, по представлению Конта, — это то, что можно объяснить из самого объекта, его природы, не обращаясь к каким-то сверхъестественным силам. Естественными свойствами людей является наличие у них способности к мышлению и стремление к солидарности, что позволило им создать некую целостность — общество, которое развивается вследствие смены стилей мышления различных исторических эпох.

В социологии Конт выделил две взаимосвязанные части: социальную статику и социальную динамику. *Социальная статика* — это теория общественного порядка, гармонии в обществе, основанной на договоре между людьми. Ведущую роль в установлении порядка и всеобщей солидарности, считал он, должно играть государство, которое призвано отражать дух общества в целом. Общество должно быть для индивида

⁵² Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 35.

высшим существом, которому он всем обязан. В своей «позитивной политике» Конт призывает к полному растворению личности в обществе, всеобщей любви, братанию и единению, что должно сдерживать общественные противоречия и даже разрешать их.

Социальная динамика Конта — это теория общественного прогресса, понимаемая как социальная эволюция. В основу теории общественного прогресса им положен закон трех стадий общественного развития. Этапы развития общества рассматриваются как следствие смены трех различных способов или стилей мышления:

- 1) *теологическое состояние умов* соответствует периоду от древности до Раннего Средневековья (приблизительно до 1300 г.), основано на принципе веры, приводит к распространению в обществе военно-авторитарных режимов, к культу богов и героев, установлению феодальных отношений;
- 2) *метафизическое состояние умов* соответствует периоду с 1300 по 1800 гг., это переходная эпоха от теологической стадии к позитивной, для нее характерны кризис веры, опора на разум (схоластические абстракции и метафизические сущности), господство разрушительных воззрений в обществе, ведущих к возмущению существующего социального порядка, порождающих революции и анархию умов;
- 3) с 1800 г. наступает *стадия позитивного* (положительного) синтеза научных знаний вследствие развития наук. Особенностью новой эпохи, по мнению Конта, должен быть мирный характер развития и преобладание промышленности, усиление ее влияния на все сферы жизни общества⁵³.

Контская концепция развития общества несмотря на претензии объективного анализа представляла собой разновидность *идеализма*, поскольку в качестве движущей силы развития общества рассматривалось изменение общественного сознания. Тем не менее, его социологические исследования внесли существенный вклад в развитие науки об обществе. Несомненной заслугой Конта следует считать постановку вопроса о необходимости формирования и развития особой отрасли знания, предметом изучения которой должно быть общество как целое — социологии. Задача новой науки, по мнению Конта должна состоять в теоретическом обосновании органической связи «порядка» и «прогресса». Конт впервые ввел в социологии разграничение законов

⁵³ См.: История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.

развития и законов функционирования общества, поставил задачу поиска факторов, определяющих историческое развитие, сформулировал проблему социальной интеграции и стабильности социальной системы, обосновал идею объективности социологии как науки, развивающейся по принципам естественнонаучного знания, предложил понимание общества как целостного организма, своеобразной макросистемы, в которой живут индивиды.

Отличительной чертой английского позитивизма (Д. С. Милль, Г. Спенсер, Д. Г. Льюис, Г. Т. Бокль) был *индивидуализм* как основной мировоззренческий принцип, определяющий как радикализм либеральных взглядов его представителей, так и особенности их философской доктрины. Милль стоял у истоков буржуазного социализма и реформизма, в области политической экономии пытался сочетать учение Д. Рикардо и А. Смита с претензиями пролетариата на право участия в общественно-политической жизни и восстановлении социальной справедливости, наиболее ярко выраженными в движении чартизма.

Специфика английской формы позитивизма определялась тем, что он формировался в рамках традиций английской общественной мысли. В философии он являлся логическим продолжением идей английского эмпиризма и сенсуализма. В методологических исследованиях *Джона Стюарта Милля* (1806–1873) особенно чувствуется влияние «Нового Органона» Бэкона. Процесс мышления он понимал как единство индукции и дедукции, отдавая предпочтение первой. Заслугой Милля была разработка и систематизация основных методов опытного исследования, основанных на индукции. Однако тенденция к субъективно-идеалистической, феноменалистской трактовке опыта у англичан явно преобладает, причем Милль в этом вопросе подошел ближе всех ко второй форме позитивизма — махизму и эмпириокритицизму. Значительный вклад в позитивистскую социологию внесли работы *Г. Спенсера* (1820–1903), ставшего основателем социологического органицизма, а также Т. Бокля, создавшего один из выдающихся трудов по географическому детерминизму, «Историю цивилизации в Англии». Высшую цель и главный критерий эволюции Спенсер видел в гармоническом увязывании социально-экономического прогресса с потребностями личности. К заслугам английского позитивизма можно отнести экономический анализ общества, развитие этики утилитаризма, теории развивающего обучения и воспитания в педагогике⁵⁴.

⁵⁴ См.: История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.

2.3. Вторая форма позитивизма: эмпириокритицизм

Влияние идей Конта-Милля-Спенсера к концу XIX в. ослабевает. Кризис первой формы позитивизма во многом был следствием развития естествознания, поставившего под сомнение методологические основы позитивизма и его эволюционистскую концепцию, основанную на механистическом способе понимания природы.

Позитивизм XIX в. опирался на два постулата: феноменализм в теории познания и уверенность в том, что достижения «положительной науки» носят окончательный характер. Однако стройное здание естествознания рубежа XIX–XX вв. строилось на основании картины мира, созданной естествознанием XVII–XVIII вв. Это здание стало рушиться под напором новых достижений в естествознании, что существенно пошатнуло веру в силу разума, в познавательные возможности науки. Революционные изменения в физике, связанные с открытием делимости атома и электромагнитного взаимодействия, поколебали старую механистическую картину мира, основанную на представлениях об абсолютных качествах материи (непроницаемости, массы, инерции, плотности и т. д.)⁵⁵. Значительная часть физиков, рассуждавших категориями ньютоновской механики, не смогли диалектически осмыслить новые открытия в естествознании. Они сделали вывод, что «материя исчезла» и перешли с позиций стихийного метафизического материализма на позиции «физического» идеализма. В этих условиях позитивизм XIX в., претендовавший на роль философии, синтезирующей достижения естествознания, оказался несостоятельным.

«Второй» позитивизм, главной формой которого стал эмпириокритицизм, обратил внимание на факт относительности научного знания и сделал вывод о том, что наука не дает достоверной картины мира, а позволяет лишь получить некие символы, знаки для практики. Тем самым «второй» позитивизм отказался от признания объективной реальности, что означало дальнейшую эволюцию позитивизма в сторону агностицизма и субъективного идеализма.

В центр философского анализа эмпириокритицизм поставил вопросы гносеологии. Основоположниками эмпириокритицизма принято считать *Рихарда Авенариуса* (1843–1896) и *Эрнста Маха* (1838–1916). Оба мыслителя были не только философами, но и крупными учеными-естествоиспытателями. Мах был известным физиком, автором работ

⁵⁵ См.: Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

по оптике, механике и акустике. Авенариус занимался исследованием в области психофизиологии. Основные положения своей философской концепции они формулируют уже в 70–80-х гг. XIX в. К ним относятся: 1) программа «очищения опыта»; 2) теория «нейтральных элементов опыта»; 3) принцип «экономии мышления»⁵⁶.

Выдвинутый Авенариусом термин «эмпириокритицизм» переводится как «критика опыта». В качестве важнейшей задачи философии определялось «очищение» опыта от всякого намека его связи с объективной реальностью. Что же собой представляет процесс «очищения опыта»? Положительный опыт должен быть очищен от ценностных и антропоморфических представлений, включая интеллектуальные представления о существовании объективной причинности, необходимости, субстанциональности бытия. Однако введение понятия опыта в теорию познания предполагает его связь с категориями «субъект» и «объект» познания. Эту связь Авенариус осуществляет через учение о «принципиальной координации» субъекта и объекта познания. Суть этого положения состоит в утверждении, что «нет объекта без субъекта, как и нет субъекта без объекта». «Я» и «среда», — пишет он, — являются не только оба первоначально находимыми в одном и том же смысле, но и всегда — оба первоначально находимыми вместе»⁵⁷. По сути дела, философ хочет сказать, что в процессе познания мира мы не можем выйти за пределы непосредственного опыта, поэтому мир дан нам только в «принципиальной координации» «Я» и «среды». На доводы оппонентов, утверждающих, что современная наука в доказательствах существования мира («среды») до появления человека и его сознания («Я») далеко вышла за пределы непосредственного опыта, Авенариус говорит, что в тот период эта связь тоже существовала, но в потенциальном виде. Следовательно, именно сознание индивида определяет существование окружающего мира. Это позиция субъективного идеализма.

Учение об «элементах опыта» разрабатывалось еще Авенариусом. Мах добавил к ним понятие «нейтральные». В чем суть этой концепции? Махизм утверждает, что ощущение является начальным моментом человеческого познания. Все, что нам известно о мире, есть совокупность ощущений, которые следуют одни за другими или группируются одни рядом с другими. Любая попытка решить вопрос о происхождении, источнике этих ощущений (даны ли они Богом или есть результат воздействия «материи»), с точки зрения представителей второй формы пози-

⁵⁶ См.: Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

⁵⁷ Авенариус Р. О предмете психологии. М., 1911. С. 13.

тивизма, носит метафизический характер, поскольку эти знания нам в опыте не даны. Ощущения и есть те элементы опыта, которые представляют собой все многообразие мира. С точки зрения эмпириокритиков, эти «элементы» не являются ни физическими, ни психическими, они «нейтральны». Именно таким образом махизм пытается преодолеть противоречия между идеалистической и материалистической линиями философии, *встать над борьбой этих двух философских направлений*. Однако в действительности это ему не удастся, так как по существу им проводится линия идеалистического монизма субъективистского толка.

В качестве доказательства приведем здесь одно из рассуждений Маха: «Итак, восприятия, как и представления, воля, чувствования, одним словом — весь внутренний и внешний мир, состояются из *небольшого числа однородных элементов*, образующих то более слабую, то более крепкую связь. Эти элементы обыкновенно называют *ощущениями*. Ввиду того, что под этим названием подразумевается уже определенная *односторонняя теория*, мы предпочитаем коротко говорить об *элементах*... Все исследование сводится тогда к определению связи этих элементов»⁵⁸. Почему Мах называет ощущения «элементами»? Чтобы замаскировать субъективно-идеалистическую сущность своего учения, логически ведущего к выводам в духе *солипсизма* (т. е. суждения о том, что в мире нет ничего, кроме моих ощущений). Для решения этой проблемы как раз используется принцип «экономии мышления».

Экономия мышления рассматривается как основная характеристика познания и выводится из биологической потребности самосохранения, присущей любому организму. У Авенариуса он получил название «принцип наименьшей траты сил». Принцип экономии мышления требует в науке избавляться от лишнего, например, понятий причинности, необходимости. Мах предложил заменить этот принцип понятием функциональных зависимостей признаков явлений. Экономнее мыслить не о вещах и их ощущениях, а об элементах мира, из которых состоит все, поэтому назовем ощущения элементами. Экономнее мыслить, что нет психического и физического, поэтому пусть будут элементы нейтральными.

Эмпириокритицизм явился важным опосредующим звеном между позитивизмом XIX в. и неопозитивизмом, получившим широкое распространение в странах Западной Европы между первой и второй мировыми войнами.

⁵⁸ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1907. С. 27–28.

2.4. Неопозитивизм

Третий этап в развитии позитивизма начинается с 20-х гг. XX в. и продолжается до наших дней. Неопозитивизм является одним из ведущих направлений в развитии философии XX в. Основные методологические и мировоззренческие установки новой формы позитивизма были определены деятельностью Венского кружка, который сложился на основе кафедры философии индуктивных наук, учрежденной в Венском университете для Э. Маха. Под руководством М. Шлика в 1922 г. на кафедре был сформирован кружок, который объединил ряд выдающихся ученых, среди которых можно назвать Р. Карнапа, Ф. Вайсмана, Г. Фрейля, О. Нейрата, Г. Гана, Ф. Кауфмана, Г. Райхенбаха и др.

Эволюция позитивизма к неопозитивизму вызвана потребностями развития науки в решении ее методологических проблем, необходимостью исследования *роли знаково-символических средств науки (языка науки), соотношения в ней теоретического аппарата и эмпирической базы*, а также изучения роли мышления в познавательном процессе.

Общим с предшествующими этапами развития позитивизма было отрицание возможности философии как теоретического познания, исследующего субстанциональные основы бытия; противопоставление философии и науки, утверждение, что единственно возможным положительным знанием может быть только специально-научное знание; отрицание самой постановки основного вопроса философии, стремление преодолеть «метафизическое» противопоставление материализма и идеализма; продолжение берклианско-юмистской линии феноменализма в философии.

Новым в этой форме позитивизма был пересмотр задач философии. Был выдвинут тезис о том, что философия не может быть теорией, а должна представлять собой *деятельность* особого рода — изучение языковых форм познания, анализ языка науки с целью его прояснения и очищения от всех ненаучных, и, прежде всего «метафизических» добавок. Много внимания представители неопозитивизма уделяли обоснованию идеи деидеологизации философии. Новая форма позитивистского философствования получила название «логического эмпиризма» или «логического позитивизма»⁵⁹.

Анализ языка науки как содержание философской деятельности предполагал отделение предложений, относящихся к области научного знания, от предложений, не имеющих научного («позитивного») смыс-

⁵⁹ См.: Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

ла, к последним были отнесены так называемые «метафизические», то есть непроверяемые на опыте, и предложения, лишенные смысла. Таким образом, логический позитивизм отказался от психологического и биологического подходов к познанию, характерных для предшествующих форм и принял тезис об априорно-аналитическом характере положений логики и математики.

В центре обсуждения представителями логического позитивизма встала проблема *значения*, то есть эмпирической осмысленности научных утверждений. Проверка истинности предложений с помощью опыта получила название *принципа верификации*: «Понятие или суждение имеет значение, если и только если оно эмпирически проверяемо». Этот критерий позволял отделить научные суждения от спекулятивных конструкций, псевдонаучных учений, так сказать, в первом приближении. К. Поппер, посвятивший много времени анализу и критике теоретических учений марксизма и психоанализа, обратил внимание на то, что эти доктрины обладают большой объяснительной силой, подтверждаются массой эмпирических данных⁶⁰. «Кажется, все в мире подтверждает их верность», — говорил он. Отсюда был сделан вывод о недостаточности принципа верифицируемости теорий для доказательства их научной значимости. К. Поппер выдвинул новый критерий научности теории — принцип *фальсифицируемости*. Его сущность сводится к тому, что подлинно научные теории должны допускать весьма *рискованные предсказания*, из которых можно было бы вывести такие наблюдаемые следствия, которые, если они не наблюдаются в действительности, могли бы опровергнуть теорию. Таким образом, принцип фальсифицируемости означает *принципиальную опровержимость любого утверждения, относимого к науке*. Это означает, что развитие науки предстает как процесс выдвижения гипотез, их рациональной критики и попыток опровержения. К. Поппер делает вывод, что все человеческое знание имеет предположительный характер, любые положения науки должны быть открыты для критики. Подобный вывод, подчеркивающий относительный характер человеческих знаний, одновременно содержит привкус скептицизма, поскольку сомневается в познавательных возможностях науки.

Недовольство логико-позитивистской доктрины анализа научного знания привело к формированию еще одного направления в рамках аналитической философии — *так называемой философии лингвисти-*

⁶⁰ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012.

ческого анализа. Самой яркой фигурой этого направления неопозитивизма считается Л. Витгенштейн (1889–1951). К числу представителей этого течения могут быть также отнесены Дж. Райла и Дж. Остин.

Основное внимание сторонники этого течения уделяют анализу естественного, а не научного языка. Отказавшись от верификационной теории значения, принятой в логическом позитивизме, они рассматривают значение не как абстрактный объект, исследуемый средствами формально-логического и логико-математического анализа, а как определенный способ употребления слова в определенном контексте. При этом в контекст включаются отношение говорящего к ситуации произношения слова, цель, с которой он это говорит, и т.д. В анализе языка подчеркивается его многозначность, многослойность, возможность творческого самовыражения человека в языке, когда язык выступает как «язык-игра». При этом его рассматривают включенным в реальную жизнь как некий социальный институт, своеобразная форма жизни.

Меняется представление лингвистических аналитиков о задачах философии. Они отмечают, что философские проблемы возникают именно тогда, когда возникает непонимание логики естественного языка. Обычно философские дискуссии порождаются отдельными словами нашего языка, например: «истинно», «реально», «в самом деле», «кажется», «существует» и т.д., — что и создает псевдопроблемы, обсуждаемые часто в философии. Поэтому главная задача философов должна состоять в особой деятельности по очистке философии от таких псевдопроблем, используя особые профессиональные приемы по выявлению точного смысла слов выражений. Философия, таким образом, превращается в одну из специальных дисциплин, занимающуюся описанием того, что дано в языковых формах. Поэтому философия раз и навсегда должна отказаться от всяких притязаний на решение мировоззренческих проблем.

Библиографический список

1. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 416 с.
2. Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013.
3. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012.
4. Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

5. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.

6. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.

7. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010.

8. Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

9. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.

10. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

11. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1907.

Вопросы для самоконтроля

1. Как решается проблема соотношения философии и науки на разных этапах эволюции позитивизма?
2. В чем состоят заслуги О. Конта в развитии социальной философии?
3. Каковы основные недостатки методологии позитивизма?
4. В чем состоит сущность принципов верифицируемости и фальсифицируемости научных теорий, выдвинутых К. Поппером?
5. Почему философия должна отказаться от всяких притязаний на решение мировоззренческих проблем?
6. Что означает принцип фальсифицируемости в философии?
7. Какой подход получил в философии название феноменализма?
8. Какое название получила в философии проверка истинности предложений с помощью опыта?
9. Кого принято считать основоположниками эмпириокритицизма?
10. Перечислите этапы развития общества, которые рассматриваются как следствие смены трех различных способов или стилей мышления.
11. Какие три этапа можно выделить в эволюции позитивизма?

Тема 3

НАУКА КАК СИСТЕМА ЗНАНИЙ

3.1. Типология научного знания

Наука — это вид человеческой деятельности, выделившейся в процессе разделения труда и направленной на получение знаний. Как производство знаний, она представляет собой многокомпонентное и сложное явление социальной жизни: экспериментальные средства, необходимые для изучения явлений, — приборы и установки, с помощью которых эти явления фиксируются и воспроизводятся; методы, посредством которых выделяются и познаются предметы исследования (фрагменты и аспекты объективного мира, на которые направлено научное познание); люди, занятые научным исследованием, написанием статей или монографий; учреждения и организации типа лабораторий, институтов, академий, научных журналов; системы знаний, зафиксированные в виде текстов и заполняющие полки библиотек, а также формы научной коммуникации — конференции, дискуссии, защиты диссертаций, научные экспедиции. Наука ориентирована на предметное и объективное исследование действительности⁶¹. Это однако не означает, что субъективно-личностные моменты и ценностные ориентации ученого не играют роли в научном творчестве и не влияют на его результаты. Наука может исследовать любые феномены жизни человека и его сознания, — подчеркивают известные отечественные специалисты В. Степин и В. Горюхов, М. Розин, — она может исследовать и деятельность, и человеческую психику, и культуру, но только под одним углом зрения — как осо-

⁶¹ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012.

бые предметы, которые подчиняются объективным законам⁶². Выделяются главные типы научного познания: естественнонаучное, социально-гуманитарное и техническое.

3.2. Нормы, идеалы, принципы научных исследований

В науке в качестве идеала провозглашается принцип, что перед лицом истины все исследователи равны, что никакие прошлые заслуги или человеческие качества не принимаются во внимание, если речь идет о научных доказательствах. Не менее важным принципом научного этоса является требование научной честности при изложении результатов исследования. Ученый может ошибаться, но не имеет права подтасовывать результаты, он может повторить уже сделанное открытие, но не имеет права заниматься плагиатом. Конечно, требование недопустимости фальсификаций и плагиата выступает как регулятивное правило науки, которое в реальной жизни может нарушаться. В различных научных сообществах (в различные эпохи и в разных социальных условиях) могут устанавливаться различные степени и критерии строгости научности, а также различные санкции за нарушение этических принципов науки. В процессе профессиональной подготовки будущие исследователи должны усвоить не только специальные знания, приемы и методы научной работы, но и основные ценностные ориентиры науки, ее этические нормы и принципы.

3.3. Основания науки

Как правило, выделяют три главных компонента оснований научной деятельности: идеалы и нормы исследования, научную картину мира и философские основания науки. Каждый из них, в свою очередь, внутренне структурирован. Как и всякая деятельность, научное познание регулируется определенными идеалами и нормативами, в которых выражены цели научной деятельности и способы их достижения. Среди идеалов и норм науки: а) собственно познавательные установки, кото-

⁶² См.: В. Степин, В. Горохов, М. Розин. Философия науки и техники. М., 1998.

рые регулируют процесс воспроизведения объекта в различных формах научного знания; б) социальные нормативы, которые фиксируют роль науки и ее ценность для общественной жизни на определенном этапе исторического развития, управляют процессом коммуникации исследователей, отношениями научных сообществ и учреждений друг с другом и с обществом в целом и т. д. Эти два аспекта идеалов и норм науки соответствуют двум аспектам ее функционирования: как познавательной деятельности и как социального института. Познавательные идеалы науки имеют сложную организацию. Здесь можно выделить следующие основные формы: 1) идеалы и нормы объяснения и описания, 2) доказательности и обоснованности знания, 3) построения и организации знаний. В совокупности они образуют схему метода исследовательской деятельности, обеспечивающую освоение объектов определенного типа.

Библиографический список

1. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. 416 с.
2. Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013.
3. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012.
4. Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. — 208 с.
5. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.
6. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.
7. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; История и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010.
8. Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010.
9. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.

10. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение понятию «наука».
2. Как называется знание неведомой сущности бытия, которое не дается нам в непосредственном чувственном опыте, выходит за его пределы и может быть постигаемо через интуицию и веру?
3. Какой принцип провозглашается в науке в качестве идеала?
4. Что должны усвоить в процессе профессиональной подготовки будущие исследователи?
5. Перечислите три главных компонента оснований научной деятельности.
6. Познавательные идеалы науки имеют сложную организацию, назовите ее основные формы.

Тема 4

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

4.1. Проблема критериев научного знания.

Разновидности ненаучного знания

Наука играет важную роль в жизни общества. Говоря о науке, следует иметь в виду три формы ее бытия в обществе:

- 1) как особого способа познавательной деятельности;
- 2) как системы научных знаний;
- 3) как особого социального института в системе культуры, выполняющего важную роль в процессе духовного производства⁶³.

Научное познание как особый способ духовно-практического освоения мира имеет свои особенности. В самом общем смысле *научное познание* понимается как *процесс получения объективно-истинного знания*. Исторически наука постепенно превращалась в важнейшую сферу духовного производства, продуктом этого производства является достоверное знание, как особым образом организованная информация. Главными задачами науки и по сей день являются описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности.

Как и другие способы познания, наука возникает из практической деятельности людей. Она вырастает из обыденного, стихийно-эмпирического познания, в процессе которого человек познает свойства и отношения вещей. Зарождение науки связывают с формированием особого типа *рационального* освоения действительности, позволявшего получать более достоверные знания, по сравнению с преднаучными форма-

⁶³ Ионин Л. Г., Бауман З. Герменевтика и социальные науки: подходы к проблеме понимания // Современные исследования по герменевтике. Реферативный сборник. М., 1983. С. 102.

ми познания мира. Карл Ясперс считает это время «осевым» в развитии культуры. Вместе с тем вопрос об отнесении того или иного вида знания к научному совсем не прост, как и проблема критерия достоверности знания, которая неоднократно обсуждалась со времен Аристотеля⁶⁴.

В XX в. возникает особое направление исследований, получившее название «*философия науки*», в рамках которого рассматриваются проблемы специфики научного знания, его структуры и закономерности развития. У истоков этого направления стоят представители философии неопозитивизма и постпозитивизма Р. Карнап, О. Нейрат, К. Поппер и др. В настоящее время широко обсуждается проблема «демаркации» научного знания, то есть определение границы, отличающей науку от ненауки.

Первый шаг к разделению знания на *научное* и *вненаучное* состоит в отделении научного знания от обыденного⁶⁵. *Обыденное знание*, опирающееся в основном на здравый смысл, несомненно, может служить руководством к действию и играет важную роль в жизни человека и истории общества. Однако оно всегда включает в себя элементы стихийности и не отвечает нормам целостности в системном построении знаний, на которые ориентируется наука, в нем отсутствует необходимая четкость в определении понятий и далеко не всегда соблюдается логическая правильность в построении рассуждений. Обыденное знание не способно подняться до уровня теории высокой степени общности.

Можно выделить следующие формы *вненаучного* знания:

- 1) *донаучное знание* — к нему относится *протонаука*, возникающая в эпоху древних цивилизаций и включающая в себя элементы наблюдений и первичных обобщений. Это, прежде всего, магическое и алхимическое знание, выступающее исторической предпосылкой для возникновения науки⁶⁶. К *донаучному* знанию в настоящее время также относится «народная наука» (этнонаука); для которой, как и для протонауки, прежде всего, свойственен *рецептурный характер*;
- 2) *ненаучное знание*, представляющее собой некую совокупность разрозненных, не связанных между собой знаний, которые не соответствуют законам науки и противоречат им и основным представлениям, составляющим научную картину мира;

⁶⁴ Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 77.

⁶⁵ Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 50.

⁶⁶ Ионин Л. Г., Бауман З. Герменевтика и социальные науки: подходы к проблеме понимания // Современные исследования по герменевтике: Реферативный сборник. М., 1983. С. 67.

- 3) *паранаучное знание* (*пара* — от греч. — около, при), в котором не соблюдаются основные нормы и принципы научного знания, а само оно базируется на ненормативной интерпретации отдельных феноменов, объяснение которых не является убедительным с точки зрения существующих в настоящее время критериев научности. К ним относится парапсихология, дианетика, астрология, экстрасенсорика, уфология и др.;
- 4) *лженаучное (или псевдонаучное) знание* — это ошибочное знание, формирующееся в процессе сознательного искажения отдельных положений науки, либо вольного сочетания домыслов и предрасудков с положениями, вырванными из контекста научных теорий. Для авторов подобных лжетеорий характерно стремление к сенсациям, нетерпимость к критике, претензиозность и дилетантизм в трактовке реальных научных проблем. Часто псевдонаучное знание спекулирует на популярных теориях, например, о снежном человеке, чудовище озера Лох-Несс и др.;
- 5) *квазинаучное знание* (от лат *quasi* — «якобы», «мнимый») — это знания, в большей или меньшей степени осознанно выдаваемые за научные, например, в советской агробиологии к ним можно отнести конструкции в учении Т. Д. Лысенко, обосновывавшего возможность преобразования одного вида растения в другой посредством перевоспитания. Квазинаучное знание может существовать, опираясь на методы насилия и принуждения в условиях крайне иерархизированной науки в условиях жесткого идеологического режима, когда преследуется всякое инакомыслие и критика, кроме разрешенной и организованной сверху. В конце 40-х и 50-х гг. XX в. сторонники квазинауки подвергли огульной критике генетику и кибернетику;
- 6) *антинаучное* — крайне враждебное отношение к науке и просвещению; это — *обскурантизм* (лат. — затемняющий), означающий реакционность, мракобесие;
- 7) *экстранаучное* — (лат. *extra* — «сверх», «вне»), например, *эзотерическое* знание (от гр. *Esoterikos* — внутренний) — тайное, скрытое знание, предназначенное лишь для посвященных. К нему можно отнести учения мистического плана, сочетающие ссылки на сокровенное тайное знание с логическими построениями, которые в настоящее время подаются как научное достоверное знание⁶⁷.

⁶⁷ Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 79–80.

В многообразии форм *вне*научного знания выделяют донаучное, ненаучное, паранаучное, лженаучное, квазинаучное и антинаучное знание. Находясь по ту сторону от науки, *вне*научное знание отличается аморфностью, при этом границы между различными его разновидностями чрезвычайно размыты. Отделение научного знания от многочисленных форм *вне*научного — весьма непростая проблема, связанная с определением критериев научности. *Общими критериями*, выступающими нормами и идеалами *научности знания*, признаны: достоверность и объективность (соответствие действительности), определенность и точность, теоретическая и эмпирическая обоснованность, логическая доказательность и непротиворечивость, эмпирическая проверяемость (верифицируемость), концептуальная связанность (системность), принципиальная возможность фальсифицируемости (допущение в теории рискованных предположений для их последующей экспериментальной проверки), предсказательная сила (плодотворность гипотез), практическая применимость и эффективность.

Указанные требования выступают как определенная *модель идеала научного знания*. Однако проблема состоит в том, что данный «идеал научности» далеко не всегда и не в полной мере реализуем в действительном процессе научного познания различных сфер бытия.

В 60–70-х гг. XX в. проводились исследования норм рациональности науки. Оказалось, сама наука не отвечает полностью тем строгим стандартам, которые предписывались ей традиционной методологией. Анализ донаучных и преднаучных форм освоения мира показал их сходство с наукой в ряде черт. Так, обратили внимание, что астрология⁶⁸, которую рассматривали как псевдонауку, опирается на результаты рациональных наблюдений. Здравый смысл и практические рассуждения также носят объективный и рациональный характер. Паранаука порой изучает явления, которые еще не стали объектом исследования науки. Таким образом, анализ *вне*научных форм знания способствовал установлению относительного характера научной рациональности, а также методов, критериев и стандартов науки в целом.

Означает ли все сказанное, что критерии научности знания «не работают» и не нужны? — Вовсе нет. Они не всегда и не полностью соблюдаются, но идеал научности ставит перед учеными цель, что позволяет им двигаться в определенном направлении, и это дает им возможность достигать большего успеха в приближении к истине. *Идеал*, будучи совершенной целью деятельности, выступает как ее организующее нача-

⁶⁸ Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 111.

ло и служит важнейшим регулятивным средством любой деятельности человека⁶⁹.

4.2. Структура научного познания: элементы, уровни научного познания и основания науки

Структура научного знания включает основные элементы научного знания, уровни познания и основания науки. В качестве *элементов научного знания* выступают многообразные формы организации научной информации. Научное познание реализуется в особой исследовательской деятельности, включающей разнообразные методы изучения объекта, которые, в свою очередь, подразделяются на два *уровня познания* — *эмпирический* и *теоретический*. И, наконец, важнейшим моментом структуры научного познания в настоящее время считают *основания науки*, которые выступают ее теоретическим базисом.

Научное знание представляет собой сложно организованную систему, которая объединяет различные *формы организации научной информации*: научные понятия и научные факты, законы, цели, принципы, концепции, проблемы, гипотезы, научные программы и т. д. Центральным звеном научного знания является *теория*, в содержании которой выделяют:

- 1) эмпирический базис;
- 2) формально-логический аппарат;
- 3) теоретический базис (совокупность допущений, аксиом, постулатов, общих законов)⁷⁰.

Существует множество вариантов *классификации научного знания*⁷¹. Многообразие научного знания зависит от разнообразия самой действительности, поэтому *по объекту познания* выделяют два ведущих типа знания: о природе — естественнонаучное знание и об обществе и человеке — социально-гуманитарное. В процессе развития и дальнейшей дифференциации научного знания появляются технические науки, особое место занимает логико-методологическое знание. По своей направленности и *по отношению к практике* принято подразделять от-

⁶⁹ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. Избр. произведения. М., 1990. С. 103.

⁷⁰ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. Избр. произведения. М., 1990. С. 67.

⁷¹ Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 112.

дельные науки на фундаментальные и прикладные. Задачей фундаментальных исследований является познание основных законов, управляющих процессами природы, общества и мышления. К ним относятся физика, химия, биология, астрономия, социология и др. Основная цель прикладных наук — применение результатов фундаментальных исследований для решения как социальных проблем, так и практических проблем самой науки.

В зависимости от глубины проникновения в сущность изучаемых явлений и процессов выделяются *два уровня научного познания* — эмпирический и теоретический, результаты которых выражены в эмпирическом и теоретическом знании.

Эмпирический уровень познания связан с изучением свойств и отношений предметов и явлений чувственно воспринимаемого мира, однако он не совпадает с чувственным познанием. Эмпирическое познание в науке начинается с анализа данных, полученных посредством научного наблюдения и эксперимента, в результате которых возникают представления об эмпирических объектах. *Эмпирические объекты* — это не просто любые чувственно воспринимаемые предметы реальности, а некие *модели* чувственных объектов, которые выступают заменителями первых (например, модель самолета не есть сам самолет), но также воспринимаются органами чувств, что обеспечивает наглядность, являющуюся важным моментом научного познания. После обработки полученной эмпирическим путем информации она приобретает статус *научного факта*. Поэтому нужно различать понимание факта в контексте обыденного познания (факт — *от лат. factum — сделанное, свершившееся*) как некое событие окружающего мира от научного факта⁷².

Простейшие эмпирические законы устанавливаются с помощью *индуктивного обобщения* полученных фактов, которые описывают наблюдаемые свойства объектов. Примером может служить закон Бойля-Мариотта, устанавливающий обратно пропорциональную зависимость между объемом и давлением газа. Поэтому такие законы называют законами о наблюдаемых объектах. С их помощью можно построить *эмпирическую теорию*, являющуюся вершиной эмпирического познания. Эмпирические теории еще называют описательными, они носят качественный характер, поскольку не проводится логический анализ и корректность доказательств.

Теоретический уровень исследования концентрирует в себе, прежде всего, процесс рационального познания, который начинается с отдель-

⁷² Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 115.

ных понятий и суждений и завершается построением теории и теоретически обоснованных предположений (гипотез). Он связан с широким использованием абстракций и идеализаций, формулированием законов более высокой степени общности, чем эмпирические закономерности. В отличие от последних теоретические законы — это законы ненаблюдаемых объектов.

Между теоретическим и эмпирическим знанием существует тесная *взаимосвязь* и *взаимообусловленность*, которые состоят в следующем: теоретическое знание в значительной степени опирается на эмпирические материалы, поэтому уровень развития теории во многом зависит от уровня развития эмпирического базиса науки; с другой стороны, само развитие эмпирических исследований во многом определяется теми целями и задачами, которые были поставлены теоретическим познанием, поэтому можно говорить о «теоретической загруженности факта»⁷³.

Прежде чем обратиться к рассмотрению методологии познания, кратко охарактеризуем третий элемент в структуре научного познания — его основания.

Основаниями научного знания выступают:

- 1) идеалы и нормы и принципы исследования;
- 2) научная картина мира;
- 3) философские идеи и принципы⁷⁴.

Они составляют тот теоретический базис науки, на который опираются ее законы, теории и гипотезы.

Идеалы и нормы исследования представляют собой признанные в науке требования к *научной рациональности*, выраженной в обоснованности и доказательности научных положений, а также способах описания и научного объяснения, построения и организации знания. Исторически эти нормы и идеалы менялись, что было связано с качественными изменениями в науке (научными революциями). С идеалом объяснения связан принцип обоснованности и доказательности научного знания, который всегда подчеркивался в логике. В качестве других важнейших идеалов *научного объяснения* служат адекватность и эффективность достигнутых результатов. Важнейшей нормой рациональности научного знания выступают его *систематичность* и *организованность*. Это выражено в том, что каждый новый результат в науке опирается на предшествующие ее достижения, каждое новое положение в на-

⁷³ Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 22.

⁷⁴ Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 118.

уже выводят, опираясь на уже доказанные ранее высказывания и положения. В качестве идеалов и норм научного познания выступают ряд принципов, например: принцип простоты, принцип точности, принцип выявления минимального числа допущений при построении теории, принцип преемственности в развитии и организации научного знания в единую систему.

Логические нормы научного мышления прошли длительный путь развития. В XVIII в. Г. В. Лейбниц сформулировал в логике принцип достаточного основания, который стал четвертым законом логики после трех законов правильного мышления, выведенных Аристотелем — закона тождества (сохранения смысла термина или тезиса на всем протяжении рассуждения), принципа непротиворечивости в рассуждениях и закона исключенного третьего, утверждающего, что об одном и том же предмете в одном и том же отношении (смысле) может существовать либо утвердительное, либо отрицательное суждение, при этом одно из них истинно, а другое ложно, и третьего не дано)⁷⁵.

Все идеалы и нормы науки находят свое воплощение в методах научного исследования, которые доминируют в ту или иную историческую эпоху.

Научная картина мира представляет собой целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях природы и общества, возникающую в результате обобщения и синтеза основных принципов и достижений наук в данную историческую эпоху. Различают философскую и общенаучную картины мира, а также картины мира отдельных наук (астрономическая, физическая, биологическая и др.)⁷⁶.

В отличие от отдельных научных теорий, формулирующих свои категории и основные законы для объяснения отдельных фактов, картина мира играет в познании роль *систематизации* научных представлений и принципов, что позволяет ей выполнять эвристическую и прогностическую функции, успешнее решать междисциплинарные проблемы. Научная картина мира тесно связана с мировоззренческими ориентирами культуры, во многом зависит от стиля мышления эпохи и, в свою очередь, оказывает на них значительное влияние, при этом она выступает в качестве ориентиров исследовательской деятельности ученых, выполняя таким образом роль фундаментальной *исследовательской программы*.

Велико значение *философских оснований* науки. Как известно, философия была колыбелью науки на ранних стадиях ее формирования. Именно в рамках философской рефлексии закладывались истоки науч-

⁷⁵ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: СПб., 1998. С. 204.

⁷⁶ Поплер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 25.

ной рациональности. Философия ставила перед наукой общие мировоззренческие ориентиры и, отвечая на потребности развития самой науки, осмысливала ее методологические и гносеологические проблемы⁷⁷. В недрах философского знания сформировалась традиция *диалектического познания мира*, воплотившаяся в трудах Гегеля, Маркса и Энгельса в науку о диалектическом методе исследования природы, общества и самого мышления. В истории развития общества можно наблюдать *взаимовлияние* философской и научной картин мира: изменение основ и содержания научной картины мира неоднократно оказывало влияние на развитие философии.

4.3. Методы и формы научного знания

В широком смысле слова *под методом подразумевается упорядоченный и организованный способ деятельности, направленный на достижение определенной практической или теоретической цели*⁷⁸. Сфера научного знания, в которой изучаются возможности и границы применения различных методов исследования и являющаяся общей теорией научного метода, называется *методологией науки*. Если Декарт, а вслед за ним и Лейбниц разрабатывали дедуктивный метод, который более всего подходил для математического знания, то Бэкон считал важнейшим методом исследования природных явлений индукцию, полагая ее безошибочным методом открытия новых истин в науке. Современная методология широко использует множество других методов познания, но все они имеют общие черты — это целенаправленность, организованность и системность⁷⁹.

Все методы принято классифицировать:

по степени общности — выделяют универсальные методы диалектики и логики, общенаучные и частнонаучные;

по уровню научного знания — эмпирические и теоретические, по точности предсказаний — детерминистические и стохастические;

по функциям в науке — методы систематизации знания, его объяснения и предсказания новых фактов, наконец;

по области их применения — физические, биологические, социально-экономические и гуманитарные, завершая специальными методами,

⁷⁷ См.: Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: СПб., 1998.

⁷⁸ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: СПб., 1998. С. 223.

⁷⁹ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 66.

создаваемыми для исследования некоторой области явлений природы и общества. Помимо этого существуют методы, общие для целой группы наук. В XX в. широкое распространение получили методы системного и структурно-функционального исследований.

Общенаучные методы эмпирического исследования

Исходным моментом любого эмпирического познания служит *наблюдение*. *Наблюдение* — целенаправленное изучение предметов, опирающееся в основном на данные органов чувств (ощущения, восприятия, представления)⁸⁰. В ходе наблюдения получают знание не только о внешних сторонах объекта познания, но — в качестве конечной цели — о его существенных свойствах и отношениях. Наблюдение как метод научного исследования — это не просто пассивное созерцание изучаемых предметов и процессов, оно носит деятельный характер и предполагает особую предварительную организацию его объектов, обеспечивающую контроль за их «поведением». Наблюдение может быть непосредственным и опосредованным различными приборами и техническими устройствами (микроскопом, телескопом, фото- и кинокамерой и др.). С развитием науки наблюдение становится все более сложным и опосредованным. Будучи исходным моментом исследования, наблюдение существенным образом зависит от теории. Ведь прежде чем что-то наблюдать, необходимо располагать какой-либо идеей, что именно следует искать, поэтому в науке редко бывают случайные открытия, совершенно не связанные с предшествующими исследованиями. Обычно наблюдение включается в качестве составной части в процедуру эксперимента. Особую трудность наблюдение представляет в социально-гуманитарных науках, где его результаты в большей мере зависят от личности наблюдателя, его заинтересованного отношения к изучаемому предмету.

Эксперимент — активное и целенаправленное вмешательство в протекание изучаемого процесса, соответствующее изменение объекта или его воспроизведение в специально созданных и контролируемых условиях⁸¹. Научный эксперимент является одним из видов практики. В ходе эксперимента стремятся *изолировать* изучаемый объект от побочных влияний, затемняющих его сущность, и представить его в «чистом виде»⁸². Таким образом, эксперимент осуществляется как взаимодействие

⁸⁰ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 264.

⁸¹ Там же. С. 265.

⁸² Там же. С. 267.

объектов, протекающее по естественным законам, и одновременно как искусственное, человеком организованное действие. Своими достижениями наука обязана эксперименту именно потому, что с его помощью удалось органически связать мысль и опыт, теорию и практику. Ценность эксперимента состоит в том, что экспериментатор, используя данный метод, как бы задает самой природе вопросы и получает ответы, а не просто наблюдает за естественным ходом процесса. Особенностью эксперимента, следовательно, является более *активное*, чем при наблюдении, отношение к объекту, вплоть до его изменения и преобразования и многократная *воспроизводимость* эксперимента по желанию исследователя. Основные *стадии осуществления эксперимента*: планирование и построение (его цель, тип, средства, методы проведения и т. п.); контроль; интерпретация результатов. Всякий научный эксперимент всегда направляется какой-либо идеей, концепцией, гипотезой. Без идеи в голове, говорил И. П. Павлов, не увидишь факта. Принято говорить, что данные эксперимента всегда так или иначе «теоретически нагружены», начиная от его постановки и вплоть до *интерпретации* его результатов⁸³.

Эксперимент имеет две взаимосвязанные *функции*: опытная проверка гипотез и теорий, а также формирование новых научных концепций. История науки показала, что научное открытие (особенно фундаментальное) сразу же приводит к совершенствованию экспериментальной техники⁸⁴.

Измерения и описания играют существенную роль в ходе опытного исследования, но они не являются особыми эмпирическими методами, а составляют необходимое *дополнение* любого серьезного научного наблюдения и эксперимента. Для обработки их результатов применяются вычислительные методы, а в настоящее время используются специальные компьютерные программы. Описание производится общепринятыми терминами, фиксируется наглядно в виде графиков, диаграмм, рисунков, снимков или символически в виде формул и т. д.⁸⁵

Объяснение — мыслительная операция, осуществляемая в целях выявления причинной зависимости, закономерности функционирова-

⁸³ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 101.

⁸⁴ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 268.

⁸⁵ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 116.

ния данного объекта с целью раскрытия его сущности. Объяснение представляет собой весьма сложную поисковую деятельность, которая не обходится без догадок, предположений, гипотез, возникающих в процессе интерпретации опытных данных. Полученные в результате наблюдения и эксперимента данные обобщаются, приобретая форму эмпирического закона. Логическим методом в этом процессе выступает *индукция* — *логическое умозаключение от единичного к частному и от частного к общему*⁸⁶. Индуктивный метод используют при решении задач, связанных с систематизацией, классификацией, научным обобщением. Однако заключения индукции имеют не достоверно истинный, а только правдоподобный, или вероятностный характер. Эмпирические законы выражают определенную регулярность в функционировании или поведении эмпирических объектов. Таким путем могут устанавливаться законы причинности (*детерминистские*), которые носят устойчивый и необходимый характер, либо *стохастические* законы, которые являются вероятностно-статистическими эмпирическими законами, но описываемая ими регулярность имеет не необходимый, а вероятностный, а следовательно, сопряженный со случайностью, характер. Примером стохастического закона в рыночной экономике является закон спроса и предложения.

Общенаучные методы теоретического исследования. Теоретическое познание неразрывно связано с построением различных форм рационального познания, начиная с отдельных понятий и суждений и кончая теориями и системами теорий в рамках научных дисциплин и междисциплинарных исследований. Для этого наука располагает особыми объектами и методами исследования⁸⁷. Там, где невозможен эксперимент, приходится обращаться к абстрагированию и идеализации, в процессе которых возникают понятия и термины теории, поэтому эти процедуры являются началом теоретической деятельности.

Абстрагирование есть процесс мысленного отвлечения от ряда свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих исследователя свойств, прежде всего существенных, общих. Особой разновидностью абстрагирования является процесс *идеализации*, который представляет *предельный* переход от реально существующих свойств предметов к свойствам идеальным. Так создаются идеальные объекты, выступающие моделями свойств. К ним относятся весь

⁸⁶ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 270.

⁸⁷ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

ма популярные модели «абсолютно черного тела», «идеального газа», «сплошной среды», «абсолютного вакуума» и т. д. В развитых научных теориях обычно рассматриваются не отдельные идеализированные объекты и их свойства, а целостные системы идеализированных объектов.

Абстракции и идеализации возникают на *аналитической* стадии исследования, когда происходит расчленение единого, целостного процесса и начинают изучаться его отдельные стороны, свойства и элементы. В результате этого создаются отдельные понятия и категории, с помощью которых формулируются суждения, гипотезы и законы. На завершающей стадии исследования происходит синтезирование всех элементов, понятий, суждений, категорий в некую целостную теоретическую систему. Таким образом, если в начале изучения предмета он является нерасчлененным конкретным целым, то в результате абстрагирования происходит *переход от чувственно-конкретного к абстрактному* (процедура анализа и абстрагирования). Затем, на завершающей стадии исследования происходит *синтез* понятий и суждений об исследуемом предмете, и он предстает в идеальной форме, как мысленно-конкретное знание об этом предмете. Эта процедура получила название метода *восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному*. На этой стадии теоретического познания мы получаем представление не только об элементах и свойствах изучаемого объекта, но и о характере и порядке его связей, его структуре⁸⁸. Таким образом образуется *теория* как основная форма научного знания.

К общенаучным методам теоретического исследования относятся: формализация, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы, системный и структурно-функциональный подходы.

Формализация представляет собой отражение содержательного знания в знаково-символическом виде — формализованного языка, создаваемого на принципе взаимно-однозначного соответствия с целью исключения возможности неоднозначного понимания.

Аксиоматический метод — способ построения научной теории, в основу которой кладутся некие исходные положения — постулаты (аксиомы), из которых логически путем доказательства выводятся все остальные утверждения данной теории. Самым ярким является пример геометрии Евклида, в котором Декарт видел идеал научной теории.

При выдвижении гипотез пользуются *гипотетико-дедуктивным методом*. Следует отметить, что реальный процесс исследования в науке

⁸⁸ См.: Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

чаще всего начинается не с накопления фактов, как полагают сторонники эмпиризма, а с формулировки и выдвижения *проблемы*. Именно проблема свидетельствует, что в развитии науки существуют некие трудности, связанные с новыми фактами, которые не поддаются объяснению в рамках имеющихся теорий. Проблемная ситуация анализируется, и в качестве ее пробного решения выдвигается гипотеза или целый ряд гипотез. Поскольку заключения гипотез имеют лишь вероятностный характер, долгое время к ним относились скептически. Так, в античности правдоподобные или гипотетические суждения исключались из области достоверного знания и относились к разряду мнений («доксе»). На этапе выдвижения гипотез возникает необходимость осуществить их оценку с точки зрения критериев: *релевантности* (т. е. уместности в плане отношения к тем фактам, на которых они основываются), эмпирической проверяемости, совместимости с существующим научным знанием, объяснительной и предсказательной силы. Это позволяет сделать вывод в пользу более перспективной гипотезы. Затем из гипотезы *дедуктивно* выводятся логические следствия, допускающие эмпирическую проверку, т. е. процедуру верификации. *Дедукция — умозаключение, которое осуществляет переход от общего к частному, более конкретному знанию*⁸⁹. Следующий шаг — сама процедура проверки выведенного следствия эмпирическим путем — *верификация* (понятие, введенное К. Поппером). Выдвижение гипотез выполняет важнейшую *эвристическую* функцию науки. Кроме того, в соответствии с принципом *фальсифицируемости*, научная теория должна проверяться на прочность в процессе выдвижения рискованных предположений, что, по мнению К. Поппера, дает импульс к дальнейшему развитию научного знания, не позволяя ему окостенеть в рамках однажды сложившихся научных представлений и канонов. Таким образом, при выдвижении научных гипотез, поиске законов, построении и проверке теорий ученые руководствуются теми или иными методами, приемами и нормами, которые в своей совокупности и составляют *эвристический метод исследования*.

Методы аналогии и моделирования. Аналогия (от греч. — соответствие, сходство) — *форма логического вывода, когда знание, полученное при рассмотрении какого-либо объекта («модели»), переносится на другой, менее изученный либо менее доступный для исследования объект. Заключение по аналогии являются правдоподобными, то есть не обла-*

⁸⁹ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 98.

дают той же силой необходимости, как дедуктивные выводы. *Моделирование* — метод, основанный на использовании моделей, выступающих в качестве аналога, «заместителя» или «представителя» объекта-оригинала. Между моделью и оригиналом должно обязательно существовать сходство, основанное на отношении подобия, что позволяет делать умозаключения по аналогии — переноса информации об одном объекте (модели) на другой (оригинал). По характеру модели бывают материальные и идеальные, что определяет особенности двух видов моделирования — материального и идеального.

В современной науке получил широкое распространение *мысленный эксперимент* как система мыслительных процедур, проводимых над идеализированными объектами. Мысленный эксперимент выступает как теоретическая модель реальных экспериментальных ситуаций. При этом ученый оперирует не реальными предметами и условиями их существования, а их концептуальными образами. В последнее время для эвристического поиска все чаще применяют концептуальные и математические модели, особенно компьютерный или вычислительный эксперимент.

Системный подход к исследованию получил широкое распространение в научном познании в XX в. У его истоков можно видеть разработанную А. А. Богдановым (1873–1928) организационную науку — *тектологию*, которая, по его замыслу, должна изучать элементы любой системы с точки зрения организованности или дезорганизованности как условий динамического развития или статического состояния всей системы⁹⁰.

При системном подходе любые объекты исследования рассматриваются как элементы некоторой целостной совокупности, связанные между собой определенными отношениями, которые образуют внутреннюю *структуру* системы. Важнейшим свойством системы признается ее *целостность* — свойство, которое *возникает* только в результате взаимодействия составляющих ее элементов, его еще называют *эмерджентным*, поскольку отдельные элементы системы им не обладают⁹¹. Следствием этого является принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и частей. Наряду со структурой выделяют другое качество системы — ее *иерархичность*,

⁹⁰ См.: Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

⁹¹ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 99.

то есть существование различных взаимосвязанных структурных уровней в ее организации. Третьим важнейшим свойством систем является их *открытость*, то есть степень связанности с внешней средой. Если внешняя среда воздействует на систему, а она не откликается, то такую систему условно называют *закрытой*. *Стационарность* — следующее важное свойство систем. Однако полностью стационарных, как и полностью закрытых, систем в природе не бывает, поэтому обычно определяют некий временной интервал, в рамках которого система может считаться стационарной, — это стабильный период ее функционирования. В связи с этим говорят о таком свойстве системы, как *устойчивость*, выраженная в способности системы возвращаться в равновесное состояние после прекращения внешних воздействий. Свойство системы сопротивляться воздействию окружающей среды характеризует *инерционность*.

Принцип системного анализа находит применение в современном естествознании, физике, информатике, биологии, технике, экологии, экономике, управлении и т. д. Однако фундаментальная роль системного подхода заключается в междисциплинарных исследованиях, поскольку с его помощью достигается единство научного знания. Это метод позволяет исследовать любую проблему, рассматривая ее как своеобразную систему, во взаимосвязи с другими проблемами, учитывать как внешние, так и внутренние связи и аспекты ее рассмотрения.

Формы научного знания. Понятие научного факта. Понятие факта долгое время полагалось в прошлом, а в обыденном сознании и сегодня — считается чем-то само собой разумеющимся, понятным. Часто можно встретить преклонение перед фактом без понимания его сложной природы, свойств и границ этого понятия. Здесь имеют место, как правило, два подхода:

- а) научные факты автономны, т. е. находятся за пределами всякой теории и потому имеют столь большое значение для подтверждения или опровержения теории;
- б) научные факты только и могут быть сформулированы в рамках теории⁹².

В первом случае мы приходим к выводу о том, что неизменные факты непрерывно накапливаются в фундаменте науки, во втором случае — каждая теория создает «свои» собственные факты, а потому доказать или опровергнуть что-либо оказывается невозможно. Тот и дру-

⁹² См.: Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012.

гой подходы в равной степени неверны, особенно при объяснении реального, развивающегося научного познания. На самом деле, научные факты всегда «теоретически нагружены», а теории опираются на важные свойства фактов. Факт есть сложное целое, включающее несколько элементов:

- а) это обязательно некоторое суждение (языковая конструкция);
- б) чувственный образ (или их совокупность, чувственное восприятие);
- в) материально-практический элемент, включающий совокупность приборов и инструментов, практических действий с этими приборами — ведь большая часть научных фактов просто не могла бы возникнуть без соответствующих инструментов и процедур оперирования с ними.

Из этого становится понятной социально-историческая или культурно-историческая относительность фактов (для людей, не знающих постройки летательных аппаратов тяжелее воздуха, — полет самолета и его устройство являются совершенно необъяснимыми и не являются фактом). Теория как система мысленных конструкций (абстракций) воздействует на суждения, в которых формулируется смысл фактов, она задает систему операций (и приборов, инструментов), при помощи которых познающий субъект взаимодействует с окружающим миром, она совершенно определенным образом задает специфический угол зрения, под которым человек воспринимает мир. Но в то же время свойства и отношения реальных чувственных объектов живут своей самостоятельной жизнью и заставляют теоретические конструкции считаться с ними, особенно в тех случаях, когда они вступают в прямое противоречие. В оборот человеческой жизнедеятельности входят новые вещества и процессы, или старые — поворачиваются вдруг неожиданной стороной, о которой прежде и не подозревали.

Вот почему довольно сложным делом является «перевод» факта на язык теории: здесь нужно учитывать и специфические термины языка науки (искусственные, формализованные языки), и слова естественных языков, и влияние процедур и операций, в рамках которых происходит получение факта (говорят: «метр есть длина волны излучения такого-то элемента, нагретого до такой-то температуры...»). Вот почему при столкновении (противоречии) теории с неким фактом, происходит столкновение с суждением, в котором выражается факт, с материально-инструментальным наполнением факта.

Понятие истины. Если мы вспомним, что под наукой понимается процесс добывания истинного знания, то нам станет понятным, поче-

му в науке столь большое внимание уделяется тому, что такое истина. Еще в античности Платон и Аристотель сформулировали так называемую классическую концепцию истины: истина есть соответствие мыслей действительности (или — соответствие мыслей о вещах самим вещам). Этим представлением мы пользуемся до сих пор. Однако уже И. Кант наиболее четко сформулировал вывод о том, что на самом деле объективная реальность нам не дана, а можно лишь говорить о соответствии знания данным нашего собственного опыта, который существенно зависит от нашей же рассудочной деятельности. Немецкая же философия в лице марксизма указала решение проблемы: практика, всемирно-историческая материально-практическая деятельность людей есть то универсальное средство, которое дает как основу познания (базу, стимулы и т. п.), так и выступает критерием его. Но это решение предельно общего характера, которое не решает множества проблем современного познания. Во-первых, знание не может быть однозначно разделено по принципу «истинно-ложно», развивающееся знание, идущее от заблуждения, к относительной истинности и далее — накапливая элементы истины абсолютной. Во-вторых, идея «соответствия» мысли (общего, абстрактного положения, суждения) с «реальными вещами» — приводит к тому, что возникает необходимость сопоставления (проверки) этого положения с принципиально бесконечным множеством входящих объектов, свойств, отношений и т. п. Получается, что научные истины — истинны в лучшем случае лишь частично! В попытках решить эту проблему родились концепции «верификации» (подтверждения) и «фальсификации» (опровержения, отбрасывания заведомо ложного) К. Поппера. Однако и та, и другая концепции быстро обнаружили свои недостатки: в случае противоречия теории и факта ни подтверждение, ни опровержение еще ничего не решают в смысле истинности или ложности. В-третьих, к множеству суждений вообще неприменимо понятие истинности («для чего дует ветер?»), прежде чем решать вопрос об истинности или ложности их, приходится решить, являются ли они осмысленными или бессмысленными вопросами, суждениями и т. п.⁹³

Возникла идея о том, что понятие истины оказывается чем-то иллюзорным и ложным. Общефилософские представления об истинности-ложности нуждались в существенной конкретизации их для нужд интенсивно развивавшегося научного познания (научно-техническая революция XX века), причем, критерии нужны были, так сказать, не зад-

⁹³ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 199.

ним числом (готовое знание), а для невероятно парадоксальных научных теорий, стремительно рождавшихся, жестоко конкурировавших между собой, грозивших человечеству в случае ошибок неисчислимыми бедствиями. Стало ясно, что научные теории в принципе нельзя непосредственно сопоставлять с действительностью. Но как быть? Отбросить понятие истины как устаревший миф? Но тогда разрушаются сама наука, мышление, их невозможно отличить от любого вздора, дремучего невежества и чистосердечных заблуждений. Все имеет равную «цену». Тогда познание, в том числе научное — есть лишь какая-то игра, обряд, ритуал, преследующие какие-то совсем иные цели. Ф. Энгельс по поводу данной проблемы писал: «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения». В марксизме была предложена и разработана концепция соотношения абсолютной и относительной истины. С этой точки зрения становится понятным, почему ложные в сущности идеи неделимости атомов и геоцентрическая система мира сыграли важную роль в истории человеческого познания. Когда относительная истина становится заблуждением и ложью? Тогда, когда появляется новая теория, более полно, всесторонне и глубже объясняющая факты, могущая уверенно и более эффективно предсказывать поведение объясняемых вещей. К этим проблемам и трудностям необходимо добавить понимание того, что наука есть социально-исторический процесс, в котором участвуют наделенные волей, желаниями, интересами люди. И их положение в обществе, их интересы очень часто могут приходить в противоречие с истинным знанием («тьмы всяких истин нам дороже нас возвышающий обман»!).

Научная теория как форма знания. Научная теория — основная форма развития научного знания и представляет собой систему научных абстракций, в которой отображается система существенных связей реальности. Главным элементом, исходной клеточкой теории является понятие (категория). Их связь образует понятийно-категориальную систему. Через взаимосвязь категорий выражаются существенные связи (законы) объективного мира (например, второй закон Ньютона $F=ma$, где прямой пропорциональной зависимостью связаны сила, масса и ускорение тела).

Научная теория представляет собой логически организованную систему суждений о существенных свойствах и отношениях того или иного множества идеальных объектов (в которых представлены объекты реальности). Кроме логических требований к построению такой системы имеются еще два способа, названные А. Эйнштейном «внутренний» и «внешний». Внешний — состоит в требовании эмпирического применения, соответствия объективным связям и свойствам. Внутреннее — это требование логической гармонизации и роста теоретического знания, позволяющего решать вновь возникающие проблемы. Важнейшими функциями научной теории являются объяснение и предсказание.

Научное объяснение и понимание. Объяснение является одной из важнейших функций научной теории. Объяснить — значит сделать что-то нам ясным с какой-либо точки зрения. В истории человеческого познания существовало и существует множество способов объяснения: мифологическое, религиозное, натуралистическое, механистическое и т. п. При объяснении какого-либо явления суждения о нем формулируются в терминах, образующих ту или иную систему воззрений, с помощью явно или неявно принятых в ней процедур связывания таких терминов. Скажем, для мифологического мышления объяснение производится способом стихийного отождествления объективного и субъективного плана (натурализация психического и анимизм, олицетворение, персонализация сил природы), в научном мышлении — способом установления существенных объективных причинно-следственных связей. Такой научный способ объяснения называют дедуктивно-номологическим, формулировку которого дали К. Поппер и К. Гемпель⁹⁴ Согласно такому способу, объяснение какого-либо явления заключается в дедукции (выведении) описывающего его суждения из системы универсальных законов, взятых вместе с некоторыми начальными условиями. Такой способ позволяет получить ответ — насколько необходимо и существенно рассматриваемое явление и сделать прогноз его поведения, исходя из степени закономерности. Так оказывается возможной вторая функция науки — прогностическая. Объяснение тесно связано с пониманием, однако существенно отличается от него. Проблема понимания возникла относительно недавно в процессе различения объяснения в естественных науках и в гуманитарных, в исторических исследованиях, где практически невозможно подвести однократные, единичные и уникальные события под какой-то всеобщий закон. Так возник спор

⁹⁴ См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

в философии науки о применимости дедуктивно-номологического объяснения в гуманитарном познании⁹⁵.

Понимание стали толковать как проникновение в духовный мир.

Язык науки, его особенности и генезис. Эти особенности объектов науки делают недостаточными для их освоения те средства, которые применяются в обыденном познании. Хотя наука и пользуется естественным языком, она не может только на его основе описывать и изучать свои объекты.

Во-первых, обыденный язык приспособлен для описания и предвидения объектов, вплетенных в наличную практику человека (наука же выходит за ее рамки).

Во-вторых, понятия обыденного языка нечетки и многозначны, их точный смысл чаще всего обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. Наука же не может положиться на такой контроль, поскольку она преимущественно имеет дело с объектами, не освоенными в обыденной практической деятельности. Чтобы описать изучаемые явления, она стремится как можно более четко фиксировать свои понятия и определения. Разработка наукой специального языка, пригодного для описания ею объектов, необычных с точки зрения здравого смысла, является необходимым условием научного исследования. Язык науки постоянно развивается по мере ее проникновения во все новые области объективного мира. Причем он оказывает обратное воздействие на повседневный, естественный язык. Например, термины «электричество», «холодильник» когда-то были специфическими научными понятиями, а затем вошли в повседневный язык⁹⁶. Наряду с искусственным, специализированным языком научное исследование нуждается в особой системе специальных орудий, которые, непосредственно воздействуя на изучаемый объект, позволяют выявить возможные его состояния в условиях, контролируемых субъектом. Орудия, применяемые в производстве и в быту, как правило, непригодны для этой цели, поскольку объекты, изучаемые наукой, и объекты, преобразуемые в производстве и повседневной практике, чаще всего отличаются по своему характеру. Отсюда необходимость специальной научной аппаратуры (измерительных инструментов, приборных установок), которые позволяют науке экспериментально изучать новые типы объектов⁹⁷. Научная аппаратура и язык науки выступают как выражение уже добытых знаний. Но подобно тому,

⁹⁵ См.: Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002.

⁹⁶ Там же. С. 99.

⁹⁷ Там же. С. 102.

как в практике ее продукты превращаются в средства новых видов практической деятельности, так и в научном исследовании его продукты — научные знания, выраженные в языке или овеществленные в приборах, становятся средством дальнейшего исследования. Таким образом, из особенностей предмета науки мы получили в качестве своеобразного следствия отличия в средствах научного и обыденного познания.

4.4. Научные революции и общие закономерности развития науки

Наука прошла длинный путь от зарождения в эпоху античности вплоть до современного развитого ее состояния. Выделяют следующие основные *этапы* в ее становлении: античная наука, наука эпохи средневековья, *классическая наука* Нового времени (от Галилея и Ньютона до Пуанкаре), *неклассическая наука*, возникшая на рубеже XIX–XX вв. (Эйнштейн, Бор, Гейзенберг) и постнеклассическая (с 70-х гг. XX в.).

Развитие науки обусловлено потребностями общества, возникающими в процессе духовного и практического освоения мира. Вместе с тем наука обладает относительной самостоятельностью, имеет собственную логику развития и внутренние закономерности своего существования. В качестве общих закономерностей развития науки, действующих на всем историческом пути ее существования, можно выделить следующие: преемственность в развитии научных знаний; дифференциация и интеграция наук; усиление и нарастание сложности и абстрактности научного знания; углубление и расширение процессов формализации и математизации; ускорение темпов развития научного знания; единство количественных и качественных изменений в развитии науки.

Исследования истории науки показали чередование экстенсивных (эволюционных) и интенсивных (революционных) периодов развития как науки в целом, так и отдельных ее отраслей. Научные революции представляют собой скачок в развитии науки, связанный со сменой научных картин мира, норм и идеалов научного исследования⁹⁸.

Общенаучная картина мира формируется как целостная система знаний и представлений об общих свойствах и закономерностях природы в результате обобщения и синтеза естественнонаучных понятий, прин-

⁹⁸ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 67.

ципов и методологических установок, а также представлений о пространстве и времени. Помимо общенаучной картины мира существуют еще картины мира отдельных наук (физическая, астрономическая, биологическая и др.). Фундаментальные науки, имея в качестве объектов исследования различные уровни организации природы, стремятся познать предельные основания существования природы, исследуя фундаментальные взаимодействия в живой и неживой материи, определяющие связи и многообразие форм природного бытия⁹⁹.

История каждой науки может быть представлена как история формирования, эволюционного развития и революционной смены ее конкретно-исторических способов познания. Например, к научным революциям в естествознании, связанным с переходом от одного способа познания к другому, отражающему более глубокие связи и отношения природы, можно отнести коперниканский переворот, вызванный введением принципа гелиоцентризма в представление об устройстве Солнечной системы, а также революционный переворот в естествознании XVII в., связанный с работами Ньютона в области механики, дарвиновскую революцию в биологии.

Понятие «научная картина мира» следует отличать от другого понятия — «научная программа» (или «научно-исследовательская программа»). Научные программы связывают научные картины мира с умонастроениями общества и трансформируются при смене культур. Первые научные программы сформировались еще в Древней Греции с VI по III в. до н. э. и надолго определили развитие науки¹⁰⁰. К ним относятся математическая, континуальная и атомистическая научные программы. Каждая программа формировалась в несколько этапов. Математическая программа выросла из философии Пифагора и Платона, начало континуальной программе положил Аристотель и его последователи — перипатетики, а просуществовала она до науки Нового времени. Атомистическая программа, идущая от Демокрита и Эпикура, получила новый импульс к развитию после XVII в. В определенной мере можно говорить о том, что современная наука продолжает осуществление той исследовательской программы, которая была сформулирована еще древними греками¹⁰¹.

⁹⁹ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

¹⁰⁰ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010. С. 36.

¹⁰¹ Там же. С. 34.

Научная картина мира находится в постоянном развитии, ее качественное преобразование происходит в ходе научных революций. Так, в истории естествознания сменилось несколько картин мира: механическая, электромагнитная, квантово-полевая, — что сопровождалось революционным обновлением самой науки. Рассмотрим последовательность смены картин мира на примере развития физики, являвшейся долгое время ведущей из фундаментальных наук

Первая научная картина мира была сформирована в XVII–XVIII вв. трудами Галилея, Кеплера, Гюйгенца, Ньютона, когда происходило формирование классической науки. В отличие от существовавших до нее натурфилософских картин, это была именно научная картина, опиравшаяся на достижения естествознания. Ее формирование связано с первой научной революцией — переходом от чисто умозрительного к экспериментальному способу познания природы. Начало науки Нового времени связывают с деятельностью Галилея, возродившего математический метод Архимеда и положившего начало экспериментальным исследованиям в науке. Философское осмысление необходимости реформ в науке было дано Ф. Бэконом в «Новом Органоне», провозгласившим приоритет экспериментального исследования и индуктивного обобщения в достижении истинного знания. Экспериментальные данные получали математическую обработку. С XVII в. наступает период аналитического естествознания, стройные теории сначала были созданы в механике, а затем и в других областях физики. Это была механистическая картина мира, в соответствии с которой все предопределено и строго детерминировано. Тенденция сведения всех видов движения к механическому получила название механицизма.

Под влиянием экспериментально-математического¹⁰² естествознания формировался идеал и критерии научного знания. После физики переход к доказательности и обоснованности знания происходит в XVIII в. — в химии, в XIX в. — в биологии и т. д. К концу XIX в. в естествознании были значительные достижения. Так, в физике, кроме классической механики, были получены выдающиеся результаты в оптике, разработана теория термодинамики, открыты законы электричества и магнетизма и др.; в математике появились аналитическая геометрия и математический анализ; в химии — учение о составе веществ, изучение основных свойств химических соединений, периодическая система элементов, структурная химия и др.; в биологии — классификация и изучение основных свойств живых существ, теория клеточного

¹⁰² Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 56.

строения, эволюционная теория Дарвина и др.¹⁰³. Понятие механической картины мира существенно расширилось, поскольку уже закон сохранения и превращения энергии вышел далеко за пределы механики. В XIX в. в физике сформировалась электромагнитная картина мира, которая возникла под влиянием работ М. Фарадея и Дж. Максвелла и опиралась на идею динамического атомизма и континуальное понимание материи, получившее отражение в понятии «поля». Таким образом, отныне представление о материи строилось на понятиях дискретности и непрерывности¹⁰⁴.

Вторая научная революция, вызванная «кризисом в физике» конца XIX в., связана с дальнейшим формированием принципов неклассической науки и созданием следующей, квантово-полевой, картины мира. В ней нашли отражение не только новые достижения в исследовании строения вещества, но и новое осмысление взаимосвязи вещества и энергии в теории атома Н. Бора, создание специальной и общей теории относительности А. Эйнштейном, развитие М. Планком, Э. Шредингером и В. Гейзенбергом основ квантовой механики, которая применима к особо малым объектам. Изменения в физике кардинально расширили представления о рациональности в естествознании и науке в целом. Квантовая гипотеза излучения и теория броуновского движения изменили представления о воспроизводимости эксперимента (одно из важнейших требований его проведения), появилось понимание роли случайности как фундаментального свойства природы, был сформулирован принцип дополнительности в теоретических выводах. Все это способствовало формированию неклассической стратегии познания в естествознании.

Начиная с 70-х гг. XX в., можно говорить о постнеклассическом этапе развития науки, когда формируется новая стратегия исследований, основанная на системном подходе, новой концепции самоорганизации, возникшей в рамках синергетики и общей теории информации¹⁰⁵. На этом этапе особое значение приобретает понимание единства не только естественнонаучного, но и социально-гуманитарного знания, возникают новые междисциплинарные методы исследования.

¹⁰³ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 105.

¹⁰⁴ См. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

¹⁰⁵ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 111.

В концепции самоорганизации воплощено единство принципов эволюционизма и иерархической организованности системы. Это позволяет представить весь окружающий нас мир как самоорганизующийся универсум, что приближает нас к разгадке величайших загадок бытия — зарождение жизни (переход от неживого к живому миру) и возникновения сознания. Постнеклассический период развития науки характеризуется появлением междисциплинарных подходов в изучении проблем, использованием возможностей современных кибернетических устройств и информационных программ в обработке информации и построении моделей. Современная научная картина мира включает естественнонаучное и гуманитарное знание. Можно говорить о том, что мы стоим на пороге третьей революции в истории науки.

В анализе научных революций можно выделить следующие присущие им черты:

- 1) их причиной служит появление нового эмпирического материала, не укладывающегося в систему старых представлений и требующего нового теоретического синтеза;
- 2) происходит коренная ломка существующих представлений о природе;
- 3) возникают кризисные ситуации в объяснении новых фактов (пример — «кризис в физике» в конце XIX в., когда ученые не могли объяснить новые данные, опираясь на старую парадигму).

По своим масштабам научная революция может быть частной (в рамках одной науки или одной области знания), комплексной (затрагивает несколько областей знания) и глобальной (радикально меняет все области знания). На основании вышеизложенного развитие научного знания не стоит рассматривать как линейный процесс. Его можно представить как нелинейный рост научного знания, обусловленный столкновением различных концепций, парадигм и исследовательских программ, поэтому в настоящее время преобладают представления о нелинейном характере роста научного знания. Теория нелинейных систем рассматривается в синергетике. Из нее был заимствован термин «бифуркация» (от лат. *bifurcus* — раздвоенный) применительно к характеристике научной революции, которую стали трактовать как бифуркацию в развитии знания, что означает переход системы при критической ситуации в одно из двух возможных состояний¹⁰⁶. Бифуркации как качественные изменения в развитии на-

¹⁰⁶ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 267.

уки зависят не только от внутренней логики ее развития, но в основном от того, как она выполняет свои основные функции — объяснение имеющихся фактов и предсказание новых.

4.5. Научные революции и смены типов научной рациональности

В динамике научного знания особую роль играют этапы развития, связанные с перестройкой исследовательских стратегий, задаваемых основаниями науки. Эти этапы получили название научных революций. Основания науки обеспечивают рост знания до тех пор, пока общие черты системной организации изучаемых объектов учтены в картине мира, а методы освоения этих объектов соответствуют сложившимся идеалам и нормам исследования. Но по мере развития науки она может столкнуться с принципиально новыми типами объектов, требующими иного видения реальности по сравнению с тем, которое предполагает сложившаяся картина мира. Новые объекты могут потребовать и изменения схемы метода познавательной деятельности, представленной системой идеалов и норм исследования. В этой ситуации рост научного знания предполагает перестройку оснований науки. Последняя может осуществляться в двух разновидностях:

- а) как революция, связанная с трансформацией специальной картины мира без существенных изменений идеалов и норм исследования;
- б) как революция, в период которой вместе с картиной мира радикально меняются идеалы и нормы науки¹⁰⁷.

Наиболее общие виды научных революций в истории науки:

1. Внутридисциплинарные научные революции — происходящие в рамках отдельных научных дисциплин. Причинами подобных революций чаще всего служат переходы к изучению новых объектов и применение новых методов исследования.

2. Междисциплинарные научные революции — происходящие в результате взаимодействия и обмена научными идеями между различными научными дисциплинами. На ранних этапах истории науки такое взаимодействие осуществлялось путем переноса научной картины мира наиболее развитой научной дисциплины на новые, еще скла-

¹⁰⁷ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 207.

дывающиеся дисциплины. В современной науке междисциплинарное взаимодействие осуществляется иначе. Теперь каждая наука обладает самостоятельной картиной мира, поэтому междисциплинарное взаимодействие происходит при анализе общих черт и признаков прежних теорий и концепций.

3. Глобальные научные революции — наиболее известными из которых являются революции в естествознании, приводящие к смене научной рациональности¹⁰⁸.

Первая революция. XVII — первая половина XVIII вв. — становление классического естествознания. Основные характеристики: механистическая картина мира как общенаучная картина реальности; объект — малая система как механическое устройство с жестко детерминированными связями, свойство целого полностью определяется свойствами частей; субъект и процедуры его познавательной деятельности полностью исключаются из знания для достижения его объективности; объяснение как поиск механических причин и сущностей, сведение знаний о природе к принципам и представлениям механики¹⁰⁹.

Вторая революция. Конец XVIII — первая половина XIX вв., переход естествознания в дисциплинарно организованную науку. Основные характеристики: механическая картина мира перестает быть общенаучной, формируются биологические, химические и другие картины реальности, не сводимые к механической картине мира; объект понимается в соответствии с научной дисциплиной не только в понятиях механики, но и таких, как «вещь», «состояние», «процесс», предполагающих развитие и изменение объекта; субъект должен быть элиминирован из результатов познания; возникает проблема разнообразия методов, единства и синтеза знаний, классификации наук; сохраняются общие познавательные установки классической науки, ее стиля мышления¹¹⁰.

Третья революция. Конец XIX — середина XX вв., преобразование параметров классической науки, становление неклассического естествознания. Существенные революционизирующие события: становление релятивистской и квантовой теорий в физике, становление генетики, квантовой химии, концепции нестационарной Вселенной, возникают кибернетика и теория систем. Основные характеристики: НКМ — развивающееся, относительно истинное знание; интеграция частных научных картин реальности на основе понимания природы как слож-

¹⁰⁸ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 79.

¹⁰⁹ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С.304.

¹¹⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 90.

ной динамической системы; объект — не столько «себетождественная вещь», сколько процесс с устойчивыми состояниями; соотносённость объекта со средствами и операциями деятельности; сложная, развивающаяся динамическая система, состояние целого несводимо к сумме состояний его частей; вероятностная причинность вместо жесткой, однозначной связи; новое понимание субъекта как находящегося внутри, а не вне наблюдаемого мира — необходимость фиксации условий и средств наблюдения, учет способа постановки вопросов и методов познания, зависимость от этого понимания истины, объективности, факта, объяснения; вместо единственно истинной теории допускается несколько, содержащих элементы объективности теоретических описаний одного и того же эмпирического базиса¹¹¹.

Четвертая революция. Конец XX — начало XXI вв., радикальные изменения в основаниях научного знания и деятельности — рождение новой постнеклассической науки. События — компьютеризация науки, усложнение приборных комплексов, возрастание междисциплинарных исследований, комплексных программ, сращивание эмпирических и теоретических, прикладных и фундаментальных исследований, разработка идей синергетики. Основные характеристики: НКМ — взаимодействие различных картин реальности; превращение их во фрагменты общей картины мира, взаимодействие путем «парадигмальных прививок» идей из других наук, стирание жестких разграничительных линий; на передний план выходят уникальные системы — объекты, характеризующиеся открытостью и саморазвитием, исторически развивающиеся и эволюционно преобразующиеся объекты, «человекоразмерные» комплексы; знания об объекте соотносятся не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности; осознается необходимость присутствия субъекта, это выражается, прежде всего, в том, что включаются аксиологические факторы в объяснения, а научное знание с необходимостью рассматривается в контексте социального бытия, культуры, истории как нераздельное с ценностями и мировоззренческими установками, что в целом сближает науки о природе и науки о культуре¹¹². Типы научной рациональности: классическая рациональность (соответствующая классической науке в двух её состояниях — до дисциплинарном и дисциплинарно организованном); неклассическая рациональность (соответствующая неклассической науке) и постнеклассическая рациональ-

¹¹¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 104.

¹¹² Там же. С. 99.

ность. Между ними, как этапами развития науки, существуют своеобразные «перекрытия», причём появление каждого нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а только ограничивало сферу его действия, определяя его применимость только к определённым типам проблем и задач. Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект — средства — объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Классическая рациональность С-Ср-(О). Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании отделить все то, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такое отделение (элиминация) рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций¹¹³.

Неклассическая научная рациональность С-(Ср-О). Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии. Неклассическая научная рациональность «берется» учитывать соотношение природы объекта со средствами и методами ее исследования. Уже не исключение всех помех, сопутствующих факторов и средств познания, а уточнение их роли и влияния становится важным условием в деле достижения истины. Этим формам рационального сознания присущ пафос максимального внимания к реальности. Если с точки зрения классической картины мира предметность рациональности — это, прежде всего, предметность объекта, дан-

¹¹³ Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 66.

ного субъекту в виде завершенной, ставшей действительности, то предметность неклассической рациональности — пластическое, динамическое отношение человека к реальности, в которой имеет место его активность¹¹⁴.

Постнеклассическая научная рациональность (С-Ср-О). Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Постнеклассический образ рациональности показывает, что понятие рациональности шире понятия «рациональности науки», так как включает в себя не только логико-методологические стандарты, но еще и анализ целевых действий и поведение человека¹¹⁵. Новый постнеклассический тип рациональности активно использует новые ориентации: нелинейность, необратимость, неравновесность, хаосомность. В новый, расширенный объем понятия «рациональность» включены интуиция, неопределенность, эвристика и другие нетрадиционные для классического рационализма прагматические характеристики. В новой рациональности расширяется объектная сфера за счет включений в нее систем типа: «искусственный интеллект», «виртуальная реальность», которые сами являются порождениями научно-технического прогресса. Такое радикальное расширение объектной сферы идет параллельно с его радикальным «очеловечиванием»¹¹⁶. Поэтому постнеклассическая рациональность — это единство субъективности и объективности. Сюда же проникает и социокультурное содержание. Категории субъекта и объекта образуют систему, элементы которой приобретают смысл только во взаимной зависимости друг от друга и от системы в целом.

Соотношение рационального и иррационального в научном познании:

Структура иррационального: вера, интуиция, здравый смысл, воображение, бессознательное.

Основатель иррационализма — древнегреческий философ Плотин.

Антитеза рационального — одностороннее понимание самой рациональности.

Открытая рациональность — способность рациональности к самокритике, принятию новых идей.

¹¹⁴ Там же. С. 57.

¹¹⁵ Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 37.

¹¹⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 79.

*Виды рациональности: логическая, эмпирическая, оперативная, нормативная*¹¹⁷.

Рациональность (лат. — разум), придающая решающее значение мышлению (рассудку и разуму), многообразна по своим формам, одной из которых является научная рациональность. Для последней — в отличие от других ее форм — характерно «понятийное творчество», работа с идеализированными объектами, акцентирование внимания на собственно познавательной, когнитивной (лат. — знание, познание) стороне постижения мира, а не на эмоциях, страстях, личных мнениях и т. п. В современной философии науки научная рациональность чаще всего понимается как совокупность норм, идеалов и методов, характеризующих научное исследование в целом, разрабатываются различные модели научной рациональности — индуктивистская, дедуктивистская, эволюционная, реалистическая и др.¹¹⁸. Таким образом, познавательная деятельность человека сформировалась до возникновения науки как специфического способа духовного освоения действительности. Однако если в других формах духовной деятельности когнитивный элемент имел подчиненное значение, то в науке он становится основным, определяющим все другие ее стороны (социальную, культурную, нравственную и др.).

Особенность современного научного познания состоит в усилении интереса к основаниям и предпосылкам знания.

Сегодня иррациональные знания понимаются как интуитивные, схватываемые фантазией, чувством, как неосознаваемые грани самого разумного. В науке иррациональное предстает как не принявшие рациональные, логически определенные формы знания¹¹⁹.

Иррациональное очень часто имеет форму неявных, скрытых компонент знания, которые выражаются либо в личностном неявном знании, либо в различных формах бессознательного, оказывающих существенное влияние на познавательную и исследовательскую деятельность ученого.

В научных текстах функционируют многообразные неявные основания и предпосылки, в т. ч. философские, общенаучные, этические и эстетические.

Неявные формы в научном знании — традиции, обычаи повседневности, здравого смысла, предмнения, предзнания, предрассудки.

¹¹⁷ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 49.

¹¹⁸ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 101.

¹¹⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 78.

Неявное знание может быть понято как неосознанная и невысказанная форма сознания и самосознания субъекта, как важная предпосылка и условие общения, познания и понимания¹²⁰.

Однако не всякое выраженное знание может быть неявным. Знание может быть объективировано неязыковыми средствами, например, в деятельности, жестах, мимике, танце, музыке.

Существование неявного знания, молчаливого знания означает, что человек знает больше, чем он может сказать.

В настоящее время усиливается интерес к проблеме иррационального, т. е. того, что лежит за пределами досягаемости разума и недоступно постижению с помощью известных рациональных средств, но вместе с тем все более укрепляется убеждение в том, что наличие иррациональных пластов в человеческом духе порождает ту глубину, из которой появляются все новые смыслы, идеи, творения¹²¹. Взаимопереход рационального и иррационального — одно из фундаментальных оснований процесса познания.

Понятие рациональности включает в себя разумность, целесообразность, систематичность, согласованность и упорядоченность, передаваемость и логичность суждений, действий, поведения¹²². Существует рассудочная рациональность (жестко следующая нормам, правилам) и разумная рациональность (критически анализирующая все правила). Одна из особенностей современного научного и философского познания состоит в существенном возрастании саморефлексии науки. Наука стремится осмыслить диалектику рационального и иррационального в научном знании и деятельности. В результате обнаруживаются почти не фиксируемые ранее компоненты знания, особенно дологического и интуитивного плана. *Иррациональное* лишается своей отрицательной оценки, *понимается как интуитивные, схватываемые фантазией, чувством, неосознаваемые грани самого разума*¹²³. Иррациональное присутствует как необходимый творческий компонент познавательной деятельности¹²⁴.

Понятия рациональность и научная рациональность имеют несопадающие значения. Многие виды знания: обыденное, философское, религиозное, правовое являются рациональными, но не являются научными. Сама наука как вид рациональности так же неоднородна, по-

¹²⁰ Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 33.

¹²¹ Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 44.

¹²² Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 234.

¹²³ Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 56.

¹²⁴ Барт. Р. Избранные работы. М., 1994. С. 123.

скольку для разных исторических эпох характерны свои исторические типы рациональности.

Библиографический список

1. Барт. Р. Избранные работы. М., 1994.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
3. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. 416 с.
4. Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.
5. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избр. произведения. М., 1990.
6. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986.
7. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
8. Декомб В. Современная французская философия. М., 2000.
9. Деррида Ж. Эссе об имени. М.; СПб., 1998.
10. Ионин Л. Г., Бауман З. Герменевтика и социальные науки: подходы к проблеме понимания // Современные исследования по герменевтике. Реферативный сборник. М., 1983.
11. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2009.
12. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010.
13. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
14. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.
15. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.
16. Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002.

17. *Поппер К.* Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10.
18. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
19. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
20. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

Вопросы для самоконтроля

1. Когда происходит зарождение науки, и каково основное назначение и функции науки?
2. Объясните, как вы понимаете выражение «рассудочная рациональность»?
3. Перечислите, какие виды рациональности вы знаете.
4. Назовите основные критерии, позволяющие отделить научное знание от ненаучного.
5. Каковы особенности эмпирического и теоретического уровней научного познания? В чем выражается их взаимосвязь?
6. Чем отличается научная картина мира от философской картины мира?
7. Назовите основные методы эмпирического исследования. Какова роль эксперимента в научном познании?
8. Какие методы теоретического исследования вы знаете?
9. В чем состоит суть метода восхождения от абстрактного к мысленно конкретному?
10. Определите понятия «система» и «структура». В чем сущность системного подхода в научном исследовании?
11. Что такое «научная революция» и каковы причины, порождающие революционные изменения в науке??
12. Назовите основные этапы развития науки.
13. Определите особенности научного факта.
14. Перечислите виды рациональности.

Тема 5

ПРИРОДА ЦЕННОСТЕЙ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

5.1. Понятие «Ценность»

Для понимания проблемы обратимся к устоявшимся в отечественной философии понятиям «ценность» и «аксиология», что даст нам возможность представить явления, выраженные этими понятиями в рамках определенной парадигмы, и перейти к проблемам курса «Философия науки».

В «Философском энциклопедическом словаре» (М., 1989) «ценность» представлена как понятие, определяющее «человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности... Любой объект или процесс природы, общества, культуры и т.д. может выступать в виде ценности, т.е. оцениваться в плане добра и зла, истины или не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д».

Аксиология определяется как теория ценностей, т.е. «философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т.е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности»¹²⁵. Примерно такое же понимание вышеуказанных понятий дается в более поздних по времени словарях и энциклопедиях.

¹²⁵ Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев, 1996. С. 87.

В целом, изложенное выше толкование понятия «ценность» не вызывает возражений и может служить верным ориентиром для дальнейших рассуждений. Главное здесь — в понимании ценностей как явлений, сущность которых состоит в значимости, а не фактичности. Ценности проявляются, прежде всего, в культуре, ее достижениях, где и «оседает» многообразие ценностей человечества¹²⁶. Аксиология исследует вполне реальные многообразные человеческие ценности, «кристаллизирующиеся в культуре».

Ценности разделяют по:

- а) содержанию (социальные, духовные, экономические, политические и др.);
- б) по субъекту (личностные и групповые, классовые, национальные, религиозные, общечеловеческие¹²⁷).

Духовные ценности, определяющие смысл жизни человека, противостоят утилитарным ценностям, таким как жилье, питание, труд и др. Ценность неразрывно связана с оценкой, которая есть средство осознания ценности. Оценка связана с практикой человека и общества и выводит человека к определенным решениям по его выбору. Выбор ведет к действию, тем самым «оценка» участвует в организации практической деятельности¹²⁸. Оценки одного и того же явления могут быть разными у разных людей, народов, государств. Оценки многих явлений и теоретических конструкций могут переоцениваться. Это касается и самой науки, в том числе социально-гуманитарной науки. Так, в конце XX — начале XXI вв. произошла переоценка теорий классического рационализма, учения марксизма и т. п. Резко меняются на глазах даже одного поколения людей ценности политического, культурного, экологического, экономического порядков.

Философия, возникшая в VI в. до н. э., изначально рассматривает мир через призму субъект-объектных отношений, т. е. отношений человека к миру, обществу, другим людям. Она, в отличие от возникших позднее наук, начинает осмыслять, прежде всего, человеческое бытие. А так как понятие ценности всегда указывает на отношение между человеком и объектом, человеком и человеком, то проблемы ценности бытия, ценности человеческой деятельности, ценности человеческой жизни,

¹²⁶ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 100.

¹²⁷ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 232.

¹²⁸ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 100.

ни имманентны философии на всём протяжении ее существования¹²⁹. Философия строит систему ценностей мира и во многом определяет понимание «ценности» в современном социально-гуманитарном познании (экономическом, политическом, правовом, эстетическом и др.).

Каковы основные подходы к пониманию природы ценностей?

Классическая философия и классическая наука (особенно, философия Нового времени и естествознание XVI–XVIII вв. выводили ценности за рамки научного знания, поскольку наука оперирует фактами, а ценность фактов есть субъективная оценка человеком явлений и процессов действительности, зависящая от эмоций, чувств, личностных предпочтений и т.д. Поддерживающий доктрину «субъективной теории ценностей» Бертран Рассел писал: «...Вопрос о ценностях лежит полностью за пределами сферы знания. Иначе говоря, когда мы утверждаем, что то или иное имеет „ценность“, мы выражаем свои собственные эмоции, а не факт истинный независимо от наших чувств»¹³⁰. Однако Б. Рассел признавал, что теория ценностей полезна и необходима для таких форм знания, «где научные методы не являются адекватными. Прежде всего — это философия и другие виды социально-гуманитарного знания, включающие (учитывающие) эмоции и чувства человека». Итак, ценности, согласно Расселу, не относятся к объективной научной истине. Они лежат в сфере эмоций, веры, в сфере человеческой субъективности¹³¹.

Теология, религиозное мировоззрение полностью отвергают возможность понимания сущности ценностей вне веры в Бога. Истинная и последняя ценность — Бог, а все другие ценности мира (моральные, политические, эстетические и т.д.) созданы Богом, в том числе ценность «истины вообще» и истины науки в частности. Религиозное мировоззрение базируется на постулате «Бог есть «Истина — Добро — Красота», т.е. Он сосредоточивает в себе все ценности мира, являясь силой, которая творит ценности не только реального, но и «потустороннего мира»¹³². В целом, теологическое понимание ценности также выводит ценность за пределы объективно-научного знания.

¹²⁹ Кант И. Лекции по этике. М., 2005. С. 77.

¹³⁰ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 101.

¹³¹ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 50.

¹³² Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 50.

5.2. Основные философские теории ценности

Философское знание (одно из основных в социально-гуманитарных типах знания) имеет богатую традицию изучения проблемы ценности как таковой и ее конкретных проявлений, таких как благо, добро, красота, величие, святость, разум и т. п. В чем же состоит специфика философского понимания ценности? Следует заметить, что, несмотря на то, что представления о сущности и формах проявления ценности возникли вместе с философией, теория ценности сформировалась не ранее XIX в. Аксиология как самостоятельная философская дисциплина и раздел философского знания была подготовлена идеями И. Канта, Й. Г. Фихте, романтизмом XIX в. и воплотилась в учениях Ф. Ницше, Хайдеггера, Э. Гуссерля, В. Дильтея, Г. Марселя, М. Вебера, Э. Трельча и других мыслителей XIX — середины XX вв.¹³³

Рассмотрим философские теории ценности, представляющие наибольший интерес в рамках курса «Философия науки».

Решающее значение в обосновании теории ценностей принадлежит И. Л. Канту (1724–1804), который обосновал принципиальное отличие познания в сфере морали и искусства от познания в сфере науки¹³⁴. Или, в терминах Канта, отличие деятельности «практического разума» и эстетической «способности суждения» от познающего мир «чистого разума». В своих «критических» произведениях, прежде всего, таких как «Критика практического разума», «Основание метафизики нравов», «Лекции по этике», И. Кант сумел сформулировать ряд важнейших теоретических положений, подведших к созданию теории ценности на новой идейной базе¹³⁵. Он обосновал положение о том, что доказать главные постулаты морали («не убий», «не укради» и т. п.) нельзя, потому что следовать или не следовать этим постулатам — это дело выбора человека, а не вопрос теоретического и логического доказательства. Выбор же человека определяется не знанием данных постулатов, а общим духовным уровнем развития человека, «глубиной его религиозных верований и пр. Кант твердо стоял на позиции, согласно которой нравственность не входит в сферу знания, а образует особую сферу цен-

¹³³ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. Ун-та, 2009. С. 74.

¹³⁴ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 99.

¹³⁵ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 96.

ностей человека и общества»¹³⁶. Научное знание объясняет, организует мир человеческих отношений, формирует их основу. Научное знание объективировано, устремлено на объекты, не зависит от познающего субъекта, открывается в ходе развития науки. Мораль же всегда исходит из субъекта, принципы морали вырабатываются человеком, устанавливаются обществом; они субъективны и произвольны. Моральные принципы показывают, как все должно происходить (как должно быть), а законы науки показывают, как все происходит в действительности. Моральный закон не обязательно доказывается на примерах; более того, даже если нет ни одного примера, подтверждающего моральный закон в точности, этот закон останется верным и действенным. (Из того, что в некотором обществе все, предположим, воруют, вовсе не следует делать вывод, что воровство хорошо и необходимо.) Своим учением Кант указал на необходимость изучения новой особой сферы жизни человека, общества, культуры — сферы ценностей¹³⁷.

Следующий, определяющий для создания теории ценностей шаг был сделан Ф. Ницше (1844–1900), который понимал бытие как ценность, а не как объективную реальность. В работах «Так говорил Заратустра», «Генеалогия морали» и других Ницше показывает, что культура существует и развивается в борьбе противоположных ценностей, приводящей часто к «переоценке ценностей». Поэтому он призывал к фундаментальной критике моральных ценностей современной ему христианской культуры Запада. Главная задача философии, с его точки зрения, состоит в том, чтобы на основе данных всех наук пересмотреть существующую систему ценностей, поставить вопрос о «ценности этих ценностей», вывести новую иерархию ценностей человека и общества. Роль Ницше в разработке теоретических основ философии ценностей признавали такие известные мыслители, как М. Хайдеггер, В. Виндельбанд, Ж. П. Сартр, К. Ясперс, Ж. Делез и многие другие философы XX в.¹³⁸

Подход Ницше к теории ценностей и понимание им и его последователями роли ценностей в культуре можно назвать неклассическим. Ницше близок к пониманию культуры как системы воплощенных ценностей, где ценности разума, ценности науки занимают далеко не первое место. Главные ценности, как считал он, это свобода, красота, сила и способность переоценивать ценности. Идеи Ницше плодотворно были

¹³⁶ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 105.

¹³⁷ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 72.

¹³⁸ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 101.

развиты Г. Марселем, Э. Гуссерлем, В. Дильтеем, Г. Риккертом, К. Манхеймом, К. Хюбнером и другими мыслителями XIX–XX вв.¹³⁹

Начиная с 20-х гг. XX в., ценностный подход и понятие ценности начинают привлекать внимание представителей смежных с философией социально-гуманитарных наук. Так, М. Вебер делает понятие ценности ключевым для социологии, вводя понятие «ценностной ориентации» для обозначения «направленности интересов», которая присуща любому обществу. Э. Трельч считает ценностный подход необходимой методологической базой для понимания истории. Тоффлер использует ценностный подход для объяснения роли науки и техники в обществе¹⁴⁰. Ценностный подход стали использовать лингвисты, искусствоведы, этнологи, психологи, экономисты, правоведы, представители других социально-гуманитарных наук.

В рамках курса философии науки интересна позиция некоторых современных ведущих теоретиков, связывающих методологию социально-гуманитарного знания с ценностным подходом при решении многих проблем. Так, — один из ведущих философов XX столетия Карл Поппер (1902–1994), разработавший концепцию «открытого общества», исследовал проблему «ценностной нейтральности» в социальном познании, а также рассмотрел принципы логики социальных наук¹⁴¹. В своих трудах «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма» ученый делит социальную организацию на два типа: «открытые» (либеральные и демократические общества) и «закрытые» (все виды тирании: от античной до фашистской, включая советское общество). «Закрытое» общество, согласно Попперу, идеологизирует все, даже естественные, науки, вводит цензуру в области искусства, религий, претендует на Истину в последней инстанции во всех сферах интеллектуальной и обыденной жизни, определяя, какие науки следует развивать, а, следовательно, финансировать, а какие «закрыть», какие виды и жанры искусства «полезны», а какие вредны и пр.¹⁴² На разных примерах, прежде всего учениях Платона и К. Маркса, Поппер демонстрирует ложность и методологическую несостоятельность теорий «закрытых» обществ. В частно-

¹³⁹ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 44.

¹⁴⁰ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 98.

¹⁴¹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-та, 2009. С. 70.

¹⁴² Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 99.

сти, тремя главными пороками марксизма (и любого социально-гуманитарного знания, использующего методологию марксизма), с его точки зрения, являются:

- 1) «эссенциализм» — претензия на постижение сущности мира, истории и ее законов в рамках некой теории;
- 2) «холизм» — представление о том, что в каждой части общества отражаются свойства целого;
- 3) «профетизм» (пророчество) — учение о возможности предсказать будущее состояние общества¹⁴³.

Пристрастие к пророчествам Поппер называет «историцизмом», понимая под ним методологический принцип исследования, согласно которому возможно на основе неких, якобы существующих, неумолимых законов истории, постигаемых общественными науками, предсказать движение истории и общества в целом¹⁴⁴. Не принимая принцип «историцизма», Поппер пишет: «...Теоретическая история невозможна; иначе говоря, невозможна историческая социальность, наука, похожая на теоретическую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием»¹⁴⁵. Это не значит, что Поппер не признает за социально-гуманитарными науками функцию предсказания. Он считает, что невозможно предсказать будущее общественное устройство в целом, тогда как отдельные процессы развития общества — экономические, политические, правовые и др. вполне предсказуемы. Нельзя изменить все общество сразу, на основе какой-либо доктрины или учения. Поппер выдвигает идею «постепенной социальной инженерии», предполагающую политику постепенных шагов¹⁴⁶. Делать изменения в обществе надо постепенно, шаг за шагом, используя при этом данные наук при выдвижении и реализации поставленных целей. Достигать цели следует уже испытанными средствами, корректируя планы изменения общества по мере продвижения по пути реализации цели. Следует научиться прогнозировать изменения общества, а не предсказывать их. Те, кто стремится изменить в обществе все и сразу, — утописты, превращающие со-

¹⁴³ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: Учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 56.

¹⁴⁴ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 47.

¹⁴⁵ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 78.

¹⁴⁶ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 69.

циальные науки или в псевдонауку, что произошло в СССР, или примитивную мифологию, что и произошло в фашистской Германии. Мифология и псевдонаука — это характерные черты «закрытого общества», в котором невозможны свободное обсуждение социальных проблем, публичные научные дискуссии и научная свобода¹⁴⁷. «Попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции», — писал Поппер.

Социальные исследования возможны, считал он, если они опираются на опыт, если выдвигаемые гипотезы подчинены «принципу фальсификации», если обсуждение социальных теорий происходит открыто и свободно, если нет «единственно верной» и «единственно ценной теории»¹⁴⁸. Социальные исследования являются ложными и малоценными, если в них допускается абсолютизация принципов «эссенциализма», «холизма», «историцизма»¹⁴⁹.

Разумеется, позиция Поппера не является истиной в последней инстанции по ряду моментов. Так, его оценка учений Платона и Маркса опровергалась известными мыслителями А. Н. Бердяевым, Д. Льюисом и другими. Но не подлежит сомнению гуманистическое значение концепции Поппера, который писал, что «не существует общего закона прогресса, все зависит от нас», что «человек способен сломать любой порядок, любую власть, любые законы, поскольку реальная история есть история людей и зависит от людей, от их выбора, от их свободы»¹⁵⁰. Обладание свободой делает человека ответственным за свой выбор. Свобода не есть вседозволенность, свобода есть ответственность человека и за настоящее, и за будущее»¹⁵¹. Гуманистический пафос учения Поппера актуален по сей день.

В целом, в современном социально-гуманитарном знании преобладают концепции ученых, признающих значимость ценностного подхода

¹⁴⁷ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 55.

¹⁴⁸ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 44.

¹⁴⁹ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 189.

¹⁵⁰ Булдаков С. К. История и философия науки: Учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.; РИОР, 2013. С. 24.

¹⁵¹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; История и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010. С. 111.

да к анализу явлений, процессов, событий, происходящих в обществе, культуре и других сферах бытия человека. В пользу «ценностного подхода»¹⁵² в анализе глобальных проблем современности, в понимании сущности человеческого бытия высказывались также известные представители естественных наук: А. Эйнштейн; Н. Бор; М. Борн; В. Гейзенберг и др.

Библиографический список

1. Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.; РИОР, 2013.
2. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012.
3. Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.
4. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.
5. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.
6. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010.
7. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб., 1997.
8. Кант И. Лекции по этике. М., 2005.
9. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.
10. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.
11. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев, 1996.

¹⁵² Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 55.

Вопросы для самоконтроля

1. По какому принципу разделяют ценности?
2. Через какую призму Философия, возникшая в VI веке до н. э., изначально рассматривает мир?
3. В чем же состоит специфика философского понимания ценности?
4. Кто из ученых своим учением указал на необходимость изучения новой особой сферы жизни человека, общества, культуры — сферы ценностей?
5. В каких случаях Тоффлер использует ценностный подход?
6. В каких случаях, Поппер считает, что невозможно предсказать будущее общественное устройство в целом?
7. Как Поппер называет пристрастие к пророчествам? Объясните почему.
8. Объясните почему, позиция Поппера и его оценка учений Платона и Маркса опровергалась известными мыслителями А.Н. Бердяевым, Д. Льюисом и другими?
9. Три главных порока марксизма (и любого социально-гуманитарного знания, использующего методологию марксизма), с его точки зрения Поппера, являются?
10. На каком постулате базируется религиозное мировоззрение?
11. Почему подход Ницше к теории ценностей и понимание им и его последователями роли ценностей в культуре можно назвать не классическим?
12. Почему М. Вебер делает понятие ценности ключевым для социологии?
13. Объясните значение понятий, введенных М. Вебером для обозначения «ценностной ориентации» для обозначения «направленности интересов», которая присуща любому обществу?
14. Почему Э. Трельч считает ценностный подход необходимой методологической базой для понимания истории?

Тема 6

ЖИЗНЬ КАК КАТЕГОРИЯ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ

Жизнь как одно из таинственных проявлений бытия волновала и ученых-естественников, и философов, и гуманитариев во все времена, хотя содержание проблем, которые решали те и другие, имело свою специфику. Ученых-естественников интересовало таинство жизни в контексте таких проблем: в чем заключается отличие живого от мертвого; как и когда, случайно или закономерно возникла жизнь; каковы перспективы развития жизни и есть ли предел ее развитию и совершенствованию; можно ли говорить об иерархии живых существ во Вселенной и т.д. Философы ставят иные вопросы: что есть жизнь как таковая и можно ли ее понять вне осознания ее предельного состояния — смерти; присуща ли мысль всем формам жизни или только отдельным ее видам; можно ли ввести понятие «жизнь» в контекст наук об обществе и если можно, то в чем будет состоять социокультурный смысл понятия «жизнь»; чем обусловлено изменение отношения к жизни и смерти на разных этапах развития культуры и общества и т.д.¹⁵³ О социально-гуманитарных проблемах жизни и пойдет речь в шестой главе.

6.1. Социокультурное и гуманитарное содержание категории «жизнь»

Категории «жизнь» не было в реестре основных категорий классической философии. В чем причина такого «неуважительного» отношения к столь, казалось бы, универсальной и фундаментальной фор-

¹⁵³ См. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996.

ме человеческого бытия? Дело в том, что под категориями в философии подразумевают понятия, отражающие наиболее общие, существенные свойства, связи и отношения явлений действительности. Содержание категорий, являясь отражением реального мира в сознании человека, носит объективный характер¹⁵⁴. Вместе с тем категории субъективны, так как представляют собой этапы познания человеком мира. Эту двойственную природу категорий зафиксировал Аристотель, когда определял их, с одной стороны, как «роды и виды бытия» (прежде всего, природного бытия), а с другой — как «виды высказывания о бытии». Начиная с Аристотеля, к основным относятся категории: «субъект», «объект», «материя», «движение», «время», «пространство»; «качество», «количество» и др.¹⁵⁵. Очевидно, что жизнь не может подпадать только под рубрику родов и форм природного бытия, ибо ее нельзя свести только к природному феномену: она таит в себе нечто сверхприродное, что и не дает возможности экспериментальным путем создать живое из неживого. Жизнь не есть объект познания, аналогичный по своему содержанию другим природным объектам, а, следовательно, понятие «жизнь» не могло иметь строгого категориального статуса. Это и обусловило тот факт, что в классической философии жизнь или редуцировали к более низким формам движения материи (биологической, физиологической и даже механической), или относили феномен жизни к разряду вненаучных¹⁵⁶.

Социально-гуманитарные науки попытались в конце XIX в. ввести тему жизни в свои исследования, но сразу же столкнулись с рядом трудностей. Одна из них состояла в том, что, несмотря на частое употребление термина «жизнь» в быденном языке, литературе, искусстве и т. д., социокультурное и социально-гуманитарное содержание жизни было плохо прояснено. Доминировало естественнонаучное определение жизни как способа существования систем, которым присущ обмен веществ, раздражимость, способность к саморегуляции и росту, размножению и адаптации к условиям среды¹⁵⁷. Не существовало и специфицированной и общепринятой философской дефиниции понятия «жизнь». В классической рационалистической философии понятие «жизнь», как правило, заимствовалось из биологии и трактовалось как способ бытия слож-

¹⁵⁴ См. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.

¹⁵⁵ Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994. С. 299.

¹⁵⁶ Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М., Мн., 2002. С. 63.

¹⁵⁷ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 32.

ных органических систем, наделенных внутренней активностью. Представитель диалектического материализма, немецкий философ Ф. Энгельс (1820–1895) определял жизнь как способ существования белковых тел. При этом предполагалась возможность изучать жизнь научными способами и методами¹⁵⁸.

Безусловно, такое натуралистическое определение не может выразить смысл жизни как социально-гуманитарного и социо-культурного феномена. Классическая философия элиминировала проблему жизни за пределы своего интереса, так как не могла рассматривать жизнь в качестве противостоящего субъекту объекта, на который направлено внимание субъекта. Сложность познания жизни заключалась в том, что субъект познания жизни сам находится внутри события, называемого «жизнь»¹⁵⁹. Было ясно, что рационально в логически понятийном контексте определить содержание явления «жизнь», одновременно находясь внутри данного явления, проблематично. Знание человекам того, что есть «жизнь», предполагает наличие личностного опыта ее проживания. Но чтобы знать об опыте жизни, необходимо выйти за его пределы. Выход же за пределы опыта жизни есть смерть, которая, как уже знали античные философы, не постижима рационально, т. е. с помощью ума, и причина этого состоит в том, что пока мы живы, смерти нет, а когда мы умрем, то нас нет. Правда, следует отметить, что этот аргумент античные философы в основном использовали в борьбе со страхом перед смертью¹⁶⁰. Логическое мышление не способно прояснить предметное содержание жизни, ибо в противном случае необходимо было бы дать логическую экспликацию процесса рождения, непосредственно самой жизни и, соответственно, умирания со всеми труднейшими вопросами о душе и ее судьбе, о смысле жизни и т. д.

Жизнь как экзистенциальное и социокультурное событие человеческого существования стала проблемой философии в последней трети XIX — первой трети XX века. Этому в немалой степени способствовал кризис европейской культуры, выразившийся в иррационализации общественной жизни, в возросшей конфликтогенности между личностью и обществом, усиливающейся тотальности европейского социума¹⁶¹.

¹⁵⁸ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 53.

¹⁵⁹ Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994. С. 300.

¹⁶⁰ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 171.

¹⁶¹ См. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.

Был осознан тот факт, что человек существует не только в пространстве экономических и политических отношений, но и в пространстве реальных жизненных проблем, связанных с жизнью и смертью¹⁶². Иррациональность общественно-социальных процессов и явлений попытались объяснить через иррациональность самой человеческой природы, которая, как предполагалось, имеет вечные и глубинные корни «как сама жизнь». Пафос иррационалистических настроений породил идею, согласно которой для формирования целостного мировоззрения необходимо абстрагироваться от естественной науки, противопоставить научному разуму силы самой жизни, принципиально недоступные для рационально-понятийного осмысления.

Сформировалось неклассическое направление в философии, получившее название философия жизни. Ее истоки восходят к немецкому философу Ф. Ницше (1844–1900), а в дальнейшем это направление разрабатывалось В. Дильтеем, Г. Зиммелем, О. Шпенглером, А. Бергсоном и др.¹⁶³ Философия жизни наполнила понятие «жизнь» иным, по сравнению с классическим, ненатуралистическим содержанием. Под жизнью стала пониматься некая первичная реальность, предшествующая разделению мира на материальное и идеальное, некая бытийная целостность, постигаемая интуитивно. Это — онтологический аспект понимания жизни, который предполагал одновременно и наличие у понятия «жизнь» гносеологической функции: оно стало рассматриваться в качестве главного и единственно адекватного органа познания мира¹⁶⁴. Но понятие «жизнь» имело не только онтологический и гносеологический статус: оно проективно определяло смысл человеческого существования, те ценности, которыми обладают эти смыслы, а потому приобрело и статус ценностного регулятива¹⁶⁵. Понятие «жизнь» становится одновременно и онтологическим, и гносеологическим, и аксиологическим принципом построения мироздания и мировоззрения.

Философы жизни, пытаясь определить жизнь в ее социокультурном смысле, вынуждены были делать акцент не только на понимании смысла самой жизни, но и на проблеме отношения к ней человека и общества, что породило два способа размышления о ней:

¹⁶² Волков А. Н. Человеческое измерение прогресса. М., 1990. С. 43.

¹⁶³ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 109.

¹⁶⁴ Там же. С. 218.

¹⁶⁵ См. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.

а) личностно-экзистенциальный:

б) социокультурный¹⁶⁶.

Личностно-экзистенциальный способ размышления о жизни является не столько способом понятийно-логического ее осмысления, сколько методом осмысления переживания «по поводу». Размышляя о жизни, человек рефлектирует, но не в понятийной, а эмоционально-переживательной форме, включающей эмоционально-психическое и экзистенциально-ценностное отношение к ней¹⁶⁷. Экзистенциальное отношение к жизни не может реализовать проект логического постижения, так как не может освободиться от эмоций и чувств, и прежде всего таких, как страх, тоска, печаль, сострадание, надежды и т. д.

Но можно мыслить о жизни и об отношении к жизни в социальном и гуманитарном контекстах, элиминируя при этом особенности субъективно-экзистенциальной партикулярности рефлектирующего по поводу опыта жизни, его эмоционально-переживательные состояния¹⁶⁸. В этом случае можно проанализировать объективно существующие всеобщие формы отношения к жизни, присущие разным культурам, выяснить причины и основания такого отношения, исследовать связь между типом отношения к жизни и типом цивилизации и т. д. Такое исследование проблем отношения к жизни не исключает возможности использования всех приемов и способов логического мышления.

Представители философии жизни предприняли попытку ввести понятие «жизнь» в социокультурный и гуманитарный контексты, поэтому начиная с Ницше, а еще раньше с Гете они стали подвергать критике проект Просвещения, в котором признавалось доминирование законодательного разума над всеми формами человеческого познания и действия, а также господство оппозиции «субъект — объект»¹⁶⁹. Так, Гете призывал дополнить «единодержавие рассудка» «красотой непосредственного воззрения и стихией жизненного чувства»¹⁷⁰. «Бунт» против проекта Просвещения завершился тем, что стало модно противопостав-

¹⁶⁶ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 159.

¹⁶⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 90.

¹⁶⁸ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 56.

¹⁶⁹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 299.

¹⁷⁰ История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 81.

лять разуму жизнь в стихии ее непосредственности, принципиальной недоступности для всякого рационально-разумного объяснения.

Философия жизни ставила перед собой задачу дать некое целостное миропонимание, опираясь на понятие «жизнь», рассматриваемую в качестве первичной реальности, целостного органического процесса, в котором трудно отделить субъективное от объективного, человека от его идей, желаний, волений, дел и т.д.¹⁷¹ При этом сама жизнь выступала как субъект собственного познания. Поставив перед собой задачу на основе понятия жизни построить целостное мировоззрение, все представители философии жизни были единодушны в одном: сама жизнь должна философствовать из себя самой, понимать себя как сущность мира и, одновременно, являться своеобразным и единственным органом познания мира. Это был, по сути, конец классической философии.

Как уже отмечалось выше, основы философии жизни заложил Ф. Ницше. В работе «Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм» (1872) он противопоставил два жизненных начала, которые пронизывают, с его точки зрения, все развитие истории человечества:

а) дионисическое (от имени Дионис) — радостное принятие и утверждение инстинктивной жажды жизни с одновременным возвышением трагически-оргастического начала:

б) аполлоническое (от имени Аполлон), усмиряющее инстинкты и оргастические начала жизни, вводящее в нее одухотворяющий идеал и оптимизм, основанный на вере в красоту и ценности логических критериев оценки жизни. Ницше отказывается принять в качестве основы и сущности всего существующего бытие (о бытии см. раздел 1, гл. 6) и утверждает, что такой основой является жизнь, с ее вечным движением, становлением, с ее потенциальной возможностью породить «мощных людей», сверхчеловека¹⁷². Но сама жизнь есть часть некоего мирового процесса, в котором единственным движущим началом всего существующего является воля к власти. Жизнь — одно из проявлений этой воли. «Жизнь есть воля к власти», и эта воля выступает главным ее принципом¹⁷³. Физические и духовные процессы рассматриваются Ницше как различные модификации воли к власти — этой универсальной жизненной силы, основного принципа бытия всего суще-

¹⁷¹ См. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996.

¹⁷² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 201.

¹⁷³ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 151.

ствующего. А так как воля к власти является иррациональной, то в человеке она проявляется в его инстинктах, аффектах и влечениях, от которых разум пытается избавиться как от своего рода помех, вносящих искажение в его рациональные конструкторы. В итоге разум подавляет жизненные инстинкты, которые лежат в основе воли к власти. Но, абстрагируясь от человеческих желаний, влечений, инстинктов, разум абстрагируется от жизни, являющейся непосредственным воплощением воли к власти. Он не учитывает роль и значение тела человека, абсолютизирует духовное, хотя оно есть только символика физического состояния тела, так как жизнью руководит инстинкт, а не духовность. В итоге разум умерщвляет жизнь, а потому современная европейская культура, в которой доминируют разум и наука, глубоко враждебна жизни¹⁷⁴. Враждебной жизни Ницше считал и христианскую религию, ориентированную на аскетизм. Именно эта ницшеанская критика классической философии и христианской религии задала вектор развития не классической философии XX века.

Другой представитель философии жизни немецкий философ В. Дильтей (1833–1911) рассматривал жизнь в качестве способа конкретно-исторического бытия человека¹⁷⁵. На Дильтея, как и на Ницше, оказала влияние кризисная ситуация, сложившаяся в философском мировоззрении конца XX века, вызванная абсолютизацией только одной способности человека — разума. Лейтмотивом философии Дильтея стала идея о том, что единственным объектом философии должна стать жизнь как всеобъемлющая сила, творящая из себя новые формы духа. Философия должна изучать не трансцендентального абстрактного человека, а человека чувствующего, хотящего, волящего и т. д., т. е. человека во всей полноте жизни¹⁷⁶. Поэтому нельзя абсолютизировать только познавательное отношение человека к миру, как это делала классическая философия. Оно является моментом первичного и более фундаментального целостного жизненного отношения человека к миру. Философия должна не изобретать для себя различного рода абстрактные основания, а исходить из внутреннего жизненного опыта человека как первичного способа восприятия реальности, т. е. «стать реальной метафизикой, изу-

¹⁷⁴ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 98.

¹⁷⁵ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 293.

¹⁷⁶ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 154.

чающей мир человека»¹⁷⁷. Во внутреннем же опыте доминирует переживание, а не логика, и именно переживание должно стать органом понимания человека и его мира. Переживание — это область человеческой психики, а потому в понимании жизни у Дильтея доминирует психологическая трактовка: «жизнь — это, прежде всего, непосредственное переживание, и это всегда человеческая жизнь»¹⁷⁸. Но тогда получалось, что все культурные и социальные реалии имеют истоки в психологии личности, в «живой связи человеческой души». И ранний Дильтей был уверен, что постичь жизнь во всей ее полноте может только психология, которая и должна стать основой «наук о духе». В дальнейшем Дильтей пытался смягчить явный психологизм в понимании жизни, рассмотрев две последовательные, но взаимосвязанные, ступени жизни:

- а) переживание;
- б) его выражение во внешних предметно объективированных формах¹⁷⁹.

Познание последних требовало уже не психологических, а герменевтических процедур, таких как понимание.

Французский философ и ученый А. Бергсон (1859–1941) вводит понятие «жизненного порыва» для построения модели «творения» мира. Смысл этого понятия можно выразить следующим образом. Мир творит не Абсолют, не Бог, а жизненный поток, который не имеет никакого отношения ни к биологии, ни к психологии. Это некое начало, имеющее космическое измерение. Жизненный поток, пульсируя, постепенно распыляется на все более и более мелкие частицы, энергия которых организует и пронизывает тела¹⁸⁰. Его действие сродни эманации, идея которой была разработана наиболее полно неоплатоником Плотин (III в. до н. э.). Плотин рассматривал весь мир как эманацию Единого, Абсолюта, а Бергсон приписывает функцию эманации «жизненному порыву», источником которого является Бог (сверхсознание), который не есть нечто Единое, Неподвижное и Неизменяемое, как у Плотина, а представляет собой «непрерывающуюся жизнь,

¹⁷⁷ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 77.

¹⁷⁸ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 90.

¹⁷⁹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 299.

¹⁸⁰ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 159.

действие, свободу»¹⁸¹. Бог, как и весь мир, находится в ситуации творческой эволюции, что позволило Бергсону утверждать, что весь мир есть «гармоническое целое». Жизненная эманация пронизывает весь мир, разделяя свою силу между телами, распыляясь между индивидами, переходя от поколения к поколению. Но при этом ее сила не убывает, а «скорее увеличивается в интенсивности» в ходе появления новых ветвей эволюции мира и человека. Творческий импульс «жизненного порыва» иногда ослабевает, угасает¹⁸². Из погаснувших очагов «жизненного порыва» образуется неорганизованная косная материя, которая продолжает пронизываться потоком жизни, что не позволяет процессу творческой эволюции прекратиться. Но косная материя старается помешать этому процессу, тормозит «жизненный порыв», пытается нивелировать целостность жизни¹⁸³. Однако длящаяся жизнь сама по себе уже есть целостность, которая свободна, необратима и является творческой, что проявляется в том, что материя постоянно возвращается в поток жизни, а «жизненный порыв» снова и снова инициирует процессы творческой эволюции. То есть целостная длящаяся реальность жизни, несмотря на сопротивление косной материи, способна к саморазвитию. Именно в борьбе «жизненного порыва» и косной материи рождаются новые формы жизни¹⁸⁴. История творческой эволюции есть история того, как «жизненный порыв» освобождает мир от пассивной инертности материи, способствуя порождению активности во всех ее формах, начиная от процессов фотосинтеза и заканчивая формированием интеллекта у человека¹⁸⁵.

Наряду с философией жизни немецкоязычные философы в конце 20-х гг. XX в. создали новое направление неклассической философии, получившее название *философская антропология*. Ее создатели М. Шелер (1874–1928), А. Гелен (1904–1976), Х. Плеснер (1892–1985) начинают различать философскую антропологию и философию жизни. Так, с точки зрения одного из классиков философской антропологии Гелена,

¹⁸¹ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 92.

¹⁸² История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 81.

¹⁸³ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 222.

¹⁸⁴ История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 81.

¹⁸⁵ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 299.

именно философская антропология делает акцент на «жизни», в то время как философия жизни уводит исследователей от жизни в сторону экзистенций¹⁸⁶. Этот «поворот» от жизни к экзистенции начался, как считает он, еще с Ницше и Дильтея.

Направление философской антропологии сформировалось вокруг главной цели — постичь «чтойность» человека, т. е. исследовать структуры специфического человеческого опыта, понять, прояснить и объяснить его¹⁸⁷. По мнению представителей философской антропологии, человека можно понять, только исходя из него самого, а следовательно, философская антропология возможна только как синтетическая, всеобъемлющая наука о человеке, использующая достижения всех наук о человеке (антропобиологии, психологии, медицины, антропологии, культурологии и т. д.). Представители философской антропологии считают, что человек изначально имманентен миру, вписан в него. Но в силу того, что человек «биологически недостаточное существо», «больной зверь» и «дилетант жизни» (определения Гелена), его природа не может быть прояснена, исходя из этого мира¹⁸⁸. Поэтому человек вынужден искать себя вне себя. Поэтому бытие человека трагично: с одной стороны, он вынужден дистанцироваться от самого себя и своей природной среды, с другой, имеет тело и открыт миру. Такая ситуация, обусловила появление определенных способностей человека:

- а) приспосабливаться к любой среде;
- б) переходить из одной среды в другую;
- в) не просто жить, а «вести жизнь», становясь выше любой среды;
- г) изменять свое качество жизни путем накопления опыта практической активности¹⁸⁹.

Итак, представители философии жизни ввели понятие «жизнь» в социокультурный и социально-гуманитарный контексты. И хотя каждый из них специфицировал содержание этого понятия, все они были едины в том, что отводили разуму утилитарно-прикладное, вспомогательное значение в познавательной активности, перенеся акцент на важность

¹⁸⁶ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 154.

¹⁸⁷ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 95.

¹⁸⁸ История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 89.

¹⁸⁹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013. С. 157.

«жизненного объяснения», ориентацию на «витализм»¹⁹⁰. Это находило поддержку и одобрение в эпистемологических «настроениях» психологии, культурологии, истории, этики, религии, эстетики и др. Жизнь становится не только непосредственно переживаемой сущностью мира, основой формирования представления о мире как едином нераздельном и целостном бытии, о смысле человеческих ценностей, о смысле жизни, но и онтологическим фундаментальным основанием всего существующего.

6.2. Культура как одна из форм объективации жизни во времени

Традиционно в качестве интегральных характеристик развития общества и человека предлагаются такие критерии, как средняя продолжительность жизни, уровень материнской и детской смертности, показатели физического и душевного здоровья, чувство удовлетворенности жизнью и т. п. Тема жизни в ее антропо-биологическом контексте вводится в пространство проблематики рационалистически ориентированных философских и социологических систем.

В трактовке проблемы взаимосвязи смысла истории и смысла жизни возможны три подхода. Первый стремится вывести понятие человека и смысла его жизни из общих характеристик общества. Так, К. Маркс считал, что сущность человека есть «совокупность всех общественных отношений» (К. Маркс). В этом случае смысл человеческой жизни определяется смыслом исторического движения, который понимается как движение к закономерному будущему, где «свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех»¹⁹¹. Смысл жизни человека сводится к работе во имя этого светлого будущего и к борьбе с его противниками. Второй подход, напротив, стремится «вывести» смысл жизни общества из смысла жизни отдельного человека, его свойств и качеств. Выдающийся гуманист XX века А. Швейцер сформулировал тезис о благоговении перед жизнью, о святости самого феномена жизни, независимо от ее содержания и смысла. Жизнь человека и общества не должна рассматриваться только как средство дости-

¹⁹⁰ См.: Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.

¹⁹¹ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 99.

жения блага для будущих поколений. Человек и его жизнь, его нынешняя история — подлинная и единственная цель общества. Третий подход отрицает саму проблематику смысла жизни человека и смысла истории, отвергая претензии науки и философии на выявление смысла жизни (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, О. Шпенглер, Тойнби, М. Хайдеггер, А. Камю, Ф. Кафка, Э. Гуссерль и др.)¹⁹².

В западноевропейской рациональной культуре доминирует акцент на субъективной составляющей преобразовательной деятельности, что легло в основание так называемого деятельностного подхода, с помощью которого объясняли все, что происходило в культуре и обществе¹⁹³. Идущий от античной греческой традиции культурный пафос преобразовательной деятельности субъекта должен был артикулировать то пространство, в котором эта деятельность может совершаться. Таковым пространством в рационалистической традиции являлась предметно-практическая разумная деятельность людей.

В философии жизни таким пространством является история, которая представляет собой жизнь «бодрствующего», наделенного сознанием человека, разворачивающуюся во времени и пространстве, имеющую определенное направление.

Одним из первых, кто начал трактовать историю как форму объективации жизни во времени, был немецкий философ и мыслитель О. Шпенглер (1880–1936). В одной из самых востребованных по сей день работ «Закат Европы» он разработал концепцию «локальных цивилизаций», которые, несмотря на различие их ментальных и иных характеристик, не являются результатом «линейного» исторического развития общества и культуры¹⁹⁴. Все культуры равноправны и равноценны, имеют начало своего возникновения, период расцвета и упадка (гибели). Каждая культура прекрасна и самодостаточна в своей независимости от других культур. В этой концепции центральное место занимает понятие «душа» культуры, как некое иррациональное субстанциальное начало жизни всякой культуры. «Душа» не может осознать себя без того, чтобы не объективироваться вовне в тех или иных формах культуры. Уникальность «души» порождает своеобразие и многообразие культур¹⁹⁵.

¹⁹² Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 158.

¹⁹³ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 67.

¹⁹⁴ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 102.

¹⁹⁵ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013. С. 159.

«Душу», лежащую в основе античной культуры, он называет «аполлоновской». Арабскую культуру создала «магическая» «душа», а потому эта культура тяготеет к образности символичности, а западную — «фаустовская» «душа», определившая всю спецификацию европейской культуры, где «ставшее» уступает место «становящемуся», т. е. истории. Шпенглер считал, что каждая из «великих» культур, к которым он относил не только западную, но и китайскую, вавилонскую, египетскую, византийскую, арабскую, культуру майя, русско-сибирскую, «налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму, у каждой собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть»¹⁹⁶. Постигание культурных форм, являющихся объективациями «души» культуры, невозможно при помощи научных методов. Понимание смысла этих культур основывается на «непосредственном чувстве жизни». Культуры объединяют не только география и хронология событий, но и тождество стиля, политики, экономики и т. д., т. е. всего того, что принято называть составляющими социокультурной жизни. Каждая культура есть живой организм и уникальность каждой культуры в уникальности морфологии этого организма. «Внутренний» мир каждой из культур настолько своеобразен и неповторим, что их взаимопонимание и взаимопроникновение практически невозможны, а реальные контакты во времени и пространстве носят чисто внешний характер. Единственное, что позволяет их сравнивать и сопоставлять друг с другом, это некоторый общий ритм их существования и развития и их общая судьба: неизбежность ухода со сцены истории на последнем этапе, когда исчерпаются их жизненные силы и творческий потенциал «души» культуры. В связи с этим Шпенглер писал: «Я надеюсь доказать, что все без исключения великие создания и формы религии, искусства, политики, общества, хозяйства, науки во всех культурах одновременно возникают, завершаются и угасают; что внутренняя структура одной вполне соответствует всем другим»¹⁹⁷.

Э. Гуссерль ввел в качестве основного фундамента всего человеческого бытия и, значит, соответственно, знания об этом бытии понятие жизненного мира. Жизненный мир в его интерпретации это:

- а) мир повседневности, первичная данность, состоящая из некоторой «суммы очевидностей», это тот «круг уверенностей», которо-

¹⁹⁶ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 98.

¹⁹⁷ Гуссерль Э. Кризис европейских наук // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 33.

му мы доверяем; он не создается искусственно: все реалий его отнесены к человеку и его практическим задачам, он дан человеку в модусе практики, в виде практических целей;

- б) этот мир обнаруживается непосредственно, дан «с полнейшей очевидностью каждому человеку», и именно поэтому Гуссерль не обосновывает его существование, а просто указывает на это существование; так как жизненный мир открыт нам непосредственно, то мы его понимаем, а не объясняем;
- в) жизненный мир — это культурно и исторически обусловленный образ мира, как он выступает в сознании социальной группы, класса, цивилизации на определенном этапе их развития;
- г) жизненный мир является основанием для понимания и истолкования появления научной рациональности в европейской культуре, способов выбора объектов исследования. Этот мир, пишет Гуссерль, «неизменно является предданным, неизменно значим как заранее уже существующий, но он значим не в силу какого-либо намерения, какой бы то ни было универсальной цели. Всякая цель, в том числе и универсальная, уже предполагает его, и в процессе работы он все вновь предполагается как сущий...».¹⁹⁸ Поэтому все формы поведения и ориентации людей являются производными от «непосредственных очевидностей», которые составляют содержание жизненного мира¹⁹⁹. В частности, Гуссерль считает, что абстрактные научные категории имеют свое основание в «донаучных» априорных структурных инвариантах жизненного мира, таких как непосредственно данные в опыте жизни пространство и время, вещьность, каузальность и т. д. Гуссерль с помощью категории «жизненный мир» попытался решить проблему взаимодействия и взаимозависимости науки и социокультурной практики людей²⁰⁰. С его точки зрения, многие формы жизнедеятельности людей, и даже наука как высшее интеллектуальное достижение человечества не являются самодостаточными, а определяются жизненным миром, т. е. неким первичным и фундаментальным «донаучным» сознанием, состоящим из «непосредственных очевидностей», которые не требуют обос-

¹⁹⁸ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 67.

¹⁹⁹ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 99.

²⁰⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук // Вопросы философии, 1992. № 7. С. 34.

нования. Понятие «жизненный мир» позволило Гуссерлю рассматривать науку как социальный феномен²⁰¹.

К началу XXI в. человечество, несмотря на остроту присущих ему внутренних противоречий и конфликтов, становится все более единым в силу процессов глобализации экономики, политики, в меньшей мере и культуры. Его связывает теперь общая судьба, общее будущее, что находит свое отражение в философских проективных идеях. Предугадывая будущее развитие культуры и цивилизации в контексте глобализации, В. И. Вернадский и французский ученый-палеонтолог, философ, теолог Тейяр де Шарден, опираясь на достижения современной науки, создали цельное мировоззрение, в котором пытались снять противоположность между наукой и религией, разработав космическую «ноосферную» модель земной цивилизации²⁰². Ноосфера — это область взаимодействия общества и природы, где разумная деятельность человечества становится определяющим фактором развития. Под ноосферой понимают также высшую стадию развития биосферы, когда она превращается в «мыслящую» оболочку, сформированную человеческим сознанием. Каждый из этих ученых по-своему пришел к выводу, что сфера совокупного человеческого разума и человеческого действия закономерно естественным путем вырастает из сферы жизни²⁰³. Вооруженное наукой сообщество разумных существ сможет в будущем осуществить планетарную, а затем и космическую перестройку Универсума, используя его же законы.

Рассмотренные выше социокультурные и гуманитарные аспекты понятия «жизнь» демонстрируют одно существенное обстоятельство: несмотря на различие подходов и исследовательских стратегий, все они ориентированы на понимание жизни как безусловной ценности. Безусловное не требует никаких условий для обоснования себя, ни с чем не связывается. Но ведь жизнь имеет границу, и эта граница — смерть²⁰⁴.

Признание жизни в качестве социокультурной доминанты и элиминация темы смерти и смертности не случайны. Вытеснение темы

²⁰¹ См. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. I. М., 2002.

²⁰² Гуссерль Э. Кризис европейских наук // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 35.

²⁰³ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010. С. 190.

²⁰⁴ См. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

«смерть» из социально-гуманитарного знания есть прямое следствие «бинаризма», свойственного европейской рациональной культуре. Понятие «бинарность» служит для обозначения дуальной оппозиции типа «субъект — объект», «жизнь — смерть», «верх — низ» и т. д., которая пронизывает всю западно-европейскую рационалистическую культуру и философию²⁰⁵. Стороны этой дуальной оппозиции ценностно иерархизированы, левый термин дуальной связки более значим с точки зрения культуры и общества по сравнению с правым. Например, верх предпочтительнее низа; жизнь — главная ценность в оппозиционной связке «жизнь-смерть» и т. д.²⁰⁶

Следует отметить, что присущий новоевропейской культуре бинаризм «жизнь — смерть» непосредственно связан с оппозицией «субъект-объект»²⁰⁷. Действительно, так как в западноевропейской культуре доминирует акцент на субъективную составляющую преобразовательной деятельности, то принципы жизни и жизненного начала приобретают автономную самостоятельность, самодостаточность и культурную ценность. Поэтому в традиции новоевропейской философии экзистенциально-онтологическое событие человеческой смерти не учитывалось при выявлении сущности человека и общества, что способствовало установлению оптимистически-прогрессистского мировоззрения.

Доминирование в новоевропейской культуре бинарности «жизнь-смерть» явилось одним из условий нормального функционирования экономики капиталистического типа, где жизнь становится функцией стоимостных отношений. В «удалении-отдалении» смерти коренятся все формы отчуждения, присущие этим экономическим отношениям, писал Ж. Батай. Жизнь стала пониматься как бесконечная череда накопления, а смерть как событие, ставящее этой бесконечности предел²⁰⁸. В таком контексте смерть превращается в абсолютное зло, что способствовало углублению начавшейся секуляризации общества. Мысль о смерти была вытеснена из социально-экономических отношений, но парадокс заключался в том, что одновременно капитализм при-

²⁰⁵ Там же. С. 89.

²⁰⁶ См. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012.

²⁰⁷ См. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. I. М., 2002.

²⁰⁸ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010. С. 189.

дал статус «мертвых» социальным стратам, которые не могли участвовать в утилитарно-прагматических процессах создания прибавочной стоимости. Это дети, старики, женщины, бедняки, больные, а иногда целые расы, народы и т.д.²⁰⁹

Новоевропейская, рациональная философия отказала теме «смерть» в праве на обсуждение в рамках «высокой мысли». Правда, в XVII веке о смерти как онтологическом феномене заговорил французский философ и математик Б. Паскаль (1623–1662), но XVII век утверждал оптимизм рациональности, и мысли Паскаля воспринимались как плод больного воображения. Философы-рационалисты стремились к созданию радостно-прогрессистского проекта человеческого существования, объявили оптимизм в качестве нормы мироощущения, что и стало причиной полного исключения темы смерти из философского обсуждения.

Следует учесть, что жесткая бинарная оппозиция «жизнь — смерть», в которой только жизнь обладает безусловной ценностью, не всегда доминировала в культуре. В мифологических обществах существовала сакральная символическая обратимость цикла «жизнь-смерть», а потому жизнь не была главной ценностью. В античности и христианском средневековье главные принципы личной и общественной жизни формулировались соответственно как «помни о смерти» и «посреди жизни мы все уже охвачены смертью». Христианская культура европейского средневековья опиралась на сакральную форму символической обратимости «жизнь-смерть»: «ветхий» человек должен был «умереть» и дать жизнь новому, евангелическому человеку, нравственно-религиозные принципы которого были основой формирования средневекового европейского общества с его социокультурными параметрами (этикой, политикой, экономикой, искусством и т.д.)²¹⁰.

Мыслители эпохи Возрождения, в которой господствовала идея холизма (от греч. холос — целое, нерасчлененное), еще «помнили» о социокультурной значимости сакральной обратимости «жизнь-смерть». Поэтому они не обошли тему смерти при анализе проблем, связанных с обществом²¹¹. Показательны в этом отношении социальные утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы. Утописты, с одной стороны, как бы про-

²⁰⁹ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 43.

²¹⁰ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 100.

²¹¹ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 211.

должали традицию средневековой христианской культуры, когда никто не говорил о жизни вне контекста смерти, но, с другой — у них уже сформировалось восприятие смерти как биологической негативности, что и определило их отказ рассматривать сакральный аспект смерти. В эпоху Возрождения человек был провозглашен вершителем истории и собственной судьбы, а его благо стало критерием оценки любых социальных институтов. Так зарождалась гуманистическая иллюзия признания жизни главной ценностью. «И хотя смерть и мысли о ней постоянно наличествуют в повседневной жизни, господствующей является мысль о том, что любая боль конечна, что время заживает раны, что Любовь и другие земные ценности окончательно берут верх над Смертью», — пишет М. М. Федорова в своей работе «Образ смерти в западноевропейской культуре»²¹².

Мыслители эпохи Возрождения выразили отношение к смерти сначала в духе античной героики. Так, французский мыслитель М. Монтень (1533–1592) писал, что «вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти». Он утверждал, что тот, кто научит людей умирать, тот научит их жить. Но где и как можно научиться умирать, как не в акте философствования, считал М. Монтень. При этом он аргументировал свой ответ ссылками на римского политика и философа Цицерона (106–43 г. до н.э.), писавшего, что «философствовать — это не что иное, как приготавливать себя к смерти. И это тем более верно, ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного «я», отрывают ее от тела, а это и есть некое предвосхищение и подобие смерти»²¹³. Античную мысль «философствовать — это значит учиться умирать»²¹⁴ Монтень интерпретирует в духе возрожденческого гуманизма: философский разум, если он не смеется над нами, должен стремиться к одной цели — «доставить нам возможность творить добро и жить в свое удовольствие», и «даже в самой добродетели конечная цель — наслаждение». Что же мешает людям получать удовольствие от жизни, наслаждаться ею? — Страх перед смертью²¹⁵. Поэтому перед философами стоит задача: направить деятельность разума на выработку «презрения

²¹² Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996. С. 45.

²¹³ См.: Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012.

²¹⁴ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 202.

²¹⁵ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 97.

к смерти». «Вот почему все философские учения, — считал Монтень, — встречаются и сходятся в этой точке»²¹⁶. Философствовать — это значит, прежде всего, показать, что хотя смерти избежать нельзя, но можно «вступать с нею в единоборство», суть которого состоит, прежде всего, в том, что надо лишить смерть «ее загадочности», приучить себя к мысли о ней. Помня о смерти ежечасно, даже в минуты празднеств и веселья, мы привыкнем к ней.

«Бинаризм» новоевропейской культуры стал предметом критики со стороны постнеклассической философии. Так, французский философ Ж. Батай (1897–1962) утверждал, что, противопоставив себя Природе (Матери-Земле), «человек отдает себя во власть жалкой безнадежности. Человеческая жизнь представляет себя чем-то недостаточным, подавленной страданиями и лишениями, которые низводят ее до суетного безобразия. Земля валяется в ее ногах, словно отбросы. А сверху — пуста Неба»²¹⁷. Постнеклассическая философия попыталась снять жесткое противопоставление жизни и смерти, заменив его принципом взаимопроникновения. При этом философов интересуют не натурализм, «физиологизм» и «биологизм» событий жизни и смерти, а конкретно-исторические формы интерпретации онтологической связи жизни и смерти, а также влияние этих интерпретаций на человеческое существование в его индивидуально-личностном и социально-общественном изменении²¹⁸.

Философы постнеклассики считают, что говорить о жизни, даже в ее социокультурном измерении, нельзя без обращения к теме смерти. Так, М. Хайдеггер утверждает, что человек выходит на уровень подлинного бытия, только осознав, что жизнь есть «бытие-к-смерти»²¹⁹. Ряд мыслителей реализовали социокультурный анализ темы «смерть». Так, французский философ — постмодернист Ж. Бодрийяр (род. 1929 г.) рассмотрел влияние фактора смерти на социальные параметры, показав, что история общества есть история постепенного вытеснения мысли о смерти из социальной и культурной сфер. Ж. Деррида, французский философ (род. 1930 г.) писал, что «если и можно учиться жизни, то у смерти и у другого, то есть, в некоторой пограничной ситуации, внешней (смерть) или внутренней (другой) по отношению к жиз-

²¹⁶ См. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996.

²¹⁷ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 199.

²¹⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 176.

²¹⁹ См. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.

ни»²²⁰. Речь идет о присутствии смерти в жизни, где призраки прошлого — индикаторы этого присутствия. Таким образом, понятия «жизнь» и «смерть» находятся в неразрывной связи, пронизывая человеческое существование.

Постнеклассическая философия, в отличие от философии рационализма, стала мыслить смерть как необходимую компоненту понимания всех социально-культурных явлений. Благодаря работам Ж. Батая, Ж. Лакана, М. Хайдеггера, М. Фуко, З. Фрейда и других смерть трактуется как энергетический принцип обновления жизни. В метафоре «мыслить к смерти» была, по сути, воспроизведена архаическая, ритуально-обрядовая «вплетенность» смерти в жизнь, сопровождавшая инициацию как главный акт социализации и идентификации личности²²¹. «Мыслить к смерти» — это сделать смерть реальным моментом своей интеллектуально-насыщенной жизни, быть готовым умереть как «здесь» существующий культурно обусловленный мыслитель с тем, чтобы возродиться в другом, ином культурном пространстве своей мысли. «Смерть» — это как бы точка перегиба в мыслительно-интеллектуальной биографии, а потому «мыслить к смерти» — это значит умирать, возрождаясь в новом пространстве своей интеллектуальной биографии. Здесь, как и в инициации, смерть выступает в качестве символа «перехода в другое состояние существования, которое, однако, не покидает границ жизни»²²². Ритуально-обрядовая коллективная инициация замещается ее превращенной формой: субъект сам должен «мыслить свою смерть совершением поступка»²²³.

Что является основанием такого «позитивного» отношения философской постнекласики к теме смерти? — Признание существования архетипа смерти: «Смерть не перестает жить в нас на бессознательном уровне, в бесконечном множестве аффектов, порывов, переживаний; повсюду мы наталкиваемся на ее следы, опутывающие нашу речь, жесты, тело; не распознавая их, мы ими пользуемся как будто они «под рукой»»²²⁴. Постмодерн пытается, по аналогии с архаикой, вернуть смерти ее положительную силу, сделать ее со-творцом жизни индивида. «Умирать» для того, чтобы жить, бесконечно переходя в новое состоя-

²²⁰ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 42.

²²¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 177.

²²² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 200.

²²³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 178.

²²⁴ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 43.

ние, — таков был девиз С. Кьеркегора. То есть умирать означает прорываться к новому экзистенциальному бытию и опытно открывать неизбежность точек-прерыва, точек смерти в своем движении-перерождении²²⁵. «Мыслить к смерти» означает смещение декартовского «я мысля» в «я умираю»²²⁶. Это очень напоминает архаику, где смерть также выступала знаком «остановки времени в экзистенциальном бытии», той остановки, которая как невидимый мостик соединяет «я», устремленное навстречу собственной смерти, и то будущее «я», которое пройдет сквозь опыт собственной смерти, качественно изменив свою природу. Постнеклассическая философия, критикуя европейский бинаризм, приходит к выводу, что в культуре ценностный статус человека не может быть выше ценностного статуса бытия; верх не предпочтительнее низа; обособленная от смерти жизнь не выступает главной ценностью и т. д. А это проблематизирует установку философии жизни.

Библиографический список

1. Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994.
2. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. 416 с.
3. Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М; РИОР, 2013.
4. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012.
5. Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. — 208 с.
6. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.
7. Волков А. Н. Человеческое измерение прогресса. М., 1990.
8. Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М., Мн., 2002.
9. Гуссерль Э. Кризис европейских наук // Вопросы философии. 1992. № 7.
10. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. I. М., 2002.
11. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путило-

²²⁵ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 201.

²²⁶ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 45.

ва, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

12. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тутов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. ун-т, 2010.

13. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996.

14. Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

15. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.

16. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: Учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.

17. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990.

18. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

19. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1.

20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Вопросы для самоконтроля

1. Объясните двойственную природу категорий (по Аристотелю).

2. Ф. Ницше в работе «Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм» (1872) противопоставил два жизненных начала, которые пронизывают, с его точки зрения, все развитие истории человечества. Назовите эти начала и раскройте их содержание

3. Почему Гете призывал дополнить «единодержавие рассудка» «красотой непосредственного воззрения и стихией жизненного чувства»?

4. Почему ранний Дильтей был уверен, что постичь жизнь во всей ее полноте может только психология, которая и должна стать основой «наук о духе»?

5. Почему, М. Хайдеггер утверждал, что человек выходит на уровень подлинного бытия, только осознав, что жизнь есть «бытие-к-смерти»²²⁷?

6. Дайте определение понятию «бинарность».

²²⁷ См. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.

7. Как вы понимаете выражение Ж. Деррида, «если и можно учиться жизни, то у смерти и у другого, то есть, в некоторой пограничной ситуации, внешней (смерть) или внутренней (другой) по отношению к жизни»²²⁸.

8. Как в философии зарождалась гуманистическая иллюзия признания жизни главной ценностью?

9. «Умирать» для того, чтобы жить, бесконечно переходя в новое состояние, — таков был девиз С. Кьеркегора. Объясните смысл этого девиза. Согласны ли вы с ним?

10. Что является основанием «позитивного» отношения философской постнеклассики к теме смерти?

²²⁸ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 42.

Тема 7

ВЕРА, СОМНЕНИЕ, ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

7.1. Понятия «вера», «достоверность», «сомнение» в познании

Одним из наиболее важных разделов философии является теория познания, исследующая общие принципы познания, источники и условия достоверности и истинности знания. Что мы имеем в виду, когда говорим, что знаем нечто? Если мы задумаемся над этим вопросом, то выясним: все, что может быть определено в качестве знания, сводится к нашим переживаниям и мыслям. То есть содержание нашего сознания и есть способ бытия нашего знания. Современный российский философ И. Т. Касавин определяет знание «как творческое, динамическое измерение сознания»²²⁹. Посредством наших мысленных образов мы устанавливаем смысловую связь с внешним миром. Более того, мы выражаем убежденность, что наши мысли есть образы предметов, реально существующих вне нас. Следовательно, знание соединяет нашу волю, представленную в нашей вере (убежденность в чем-то). Принять на веру — значит признать нечто истинным без доказательства, образы сознания и внешний по отношению к нам мир вещей. Даже если сведения о существовании внешнего мира мы получаем посредством чувств,

²²⁹ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 79.

для того чтобы эти свидетельства стали знанием, им необходимо доверие нашего со знания²³⁰.

Теория познания должна ответить на вопрос: насколько наше доверие к содержанию нашего сознания оправданно. Она призвана установить способ связи нашего сознания с внешним миром, обосновать оправданность нашей веры в смысловую связь содержания нашего сознания (знания) с внешним миром вещей.

Как должен мыслиться объект, чтобы можно было говорить о достоверности (обоснованность, доказательность, непогрешимость) знания, т. е. знания, не вызывающего сомнения, констатирующего реальное положение вещей. Теория познаний должна преодолеть все сомнения, возникающие в отношении знания, сделать его достоверным.

В теории познания исторически сложились два доминирующих направления, отличающиеся способом решения вопросов об источнике знания и его достоверности. Первое из этих направлений, эмпиризм, считает, что все человеческое знание происходит из наших чувств и мы не можем знать с большей достоверностью что-либо, чем это позволяют наши чувства. Согласно второму, рационализму, источником знания является разум, а его достоверность устанавливается исключительно его доказательной способностью. Поэтому философская рефлексия проблемы знания представлена в аспекте непогрешимого состояния ума.

Древнегреческий философ Парменид (VI–V вв. до н. э.) первым выразил сомнение в обоснованности достоверности свидетельства чувств. Согласно Пармениду, основой бытия является его неизменность²³¹. В познании бытие предстает в двух формах: знания и мнения. Знание постигается посредством логоса (разума), а чувства воспроизводят только мнение (искаженное представление о бытии). «Путь истины» он отождествлял с достоверностью вечно неизменного единого, «путь мнения» рассматривается как погружение в мир повседневности, которому присущи многообразие, постоянное изменение. Истина, утверждающая неизменность бытия, является истиной чистого разума: «одно и то же мысль и то, о чем она мыслит». В концепции Парменида, таким образом, достоверность знания сводится к тождеству мышления и бытия.

Учение Парменида о знании получило развитие в философии Платона (V–IV в. до н. э.). В диалоге «Менон» Платон излагает свою концеп-

²³⁰ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 69.

²³¹ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 69.

цию знания. Он, как и Парменид, противопоставляет знание мнению²³². Мнение отождествляется с верой, а знание определяется как истинное мнение. Достоинство истинного мнения заключается в том, что оно должно иметь разумные основания для своей веры. «Истинное мнение», по Платону, должно удовлетворять следующим требованиям:

- 1) знание должно быть истинным;
- 2) субъект должен верить в истинность знания;
- 3) субъект должен иметь основание верить в истинность знания²³³.

Платоновская концепция знания устояла перед натиском разных философских течений: как тех, которые выражали сомнение в способности разума познать истину, так и тех, которые старались придать знанию более строгий вид, пытаясь исключить веру в качестве необходимого основания знания.

Платоновская концепция знания заложила традицию рассматривать проблему достоверности исключительного в терминах ее основания (условие, в силу которого принимается достоверность знания; причинная обусловленность одного события другим)²³⁴.

Великий французский философ и ученый Рене Декарт (1596–1650) предпринял попытку усилить рационалистическую концепцию знания, разработанную Парменидом и Платоном, а потому поставил задачу исключить веру из перечня необходимого основания знания: «Преодолеть сомнительные основания, положить в основу познания новые первоначала, чтобы установить в науке что-то прочное и постоянное». Это программное заявление Декарта стало лейтмотивом новоевропейского рационализма. Для «преодоления сомнительных оснований», к которым он относит веру, Декарт изобретает метод универсального сомнения. «Никогда, — пишет он, — не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью»²³⁵. Метод сомнения указывает, что мы должны отказываться принимать нечто, пока мы не сможем быть абсолютно уверенными в его достоверности. Если существует даже малейшее сомнение относительно достоверности, то мы не должны ее принимать. Когда Декарт призывает не принимать ничего неопределенного, то, естественно, возникает вопрос: ведь познание с че-

²³² История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 67.

²³³ Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 89.

²³⁴ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 66.

²³⁵ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 90.

го-то должно начинаться. Не является ли отступлением от метода универсального сомнения акт прерывания сомнения? Все эти вопросы, имеющие логическое основание, Декарт переносит в контекст интроспекции (от лат. — смотреть внутрь; метод самонаблюдения, изучение психики на основе субъективного наблюдения за деятельностью собственной психики)²³⁶. Сомневаться можно во всем, но нельзя сомневаться в собственном сомнении. Когда мыслится ложность всех знаний, необходимо чтобы существовал сам мыслящий. Этот аргумент ложится в основу первого положительного утверждения, сформулированного Декартом: «Я мыслю, следовательно, существую»²³⁷.

Декарту не удалось построить гносеологию без предпосылок. Принятие «Я» в качестве мыслящей субстанции, по сути, является актом веры. Самодостаточность мысли возможна лишь в обусловленном мире и бессильна перед лицом безусловного (нечто, не требующее основания для своей достоверности. Например, Бог, Абсолютный Дух и т. д.). Основание обусловленного не может быть обусловленным ввиду нарушения запрета логического крута, а значит основание получает оправдание в безусловном, которое приобретает форму достоверности в акте веры. Сама вера является сложным образованием. Она не может быть сведена к когнитивным (мыслительным) способностям. «Вопрос, что представляет собой то, во что верят, когда организм находится в состоянии веры, — пишет Рассел, — оказывается обычно несколько неясным»²³⁸.

Можно предположить, что в вере находят согласие воля и разум, а в аспекте генезиса ее формирование имеет доинтеллектуальный характер.

Декартовская программа обоснования знания, не обусловленная верой, выявила свою уязвимость. Интроспекция ограничена рамками «обусловленного и не может помыслить безусловное (Бога). Она не в состоянии ни опровергнуть, ни обосновать веру; так как последняя предшествует ей.

Только при первом приближении сомнение представляется следствием доводов разума, а, в конечном счете, кроме веры, оно ничего не может привести в свое оправдание. Именно вера предлагает разуму пред-

²³⁶ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 67.

²³⁷ Вальено М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 67.

²³⁸ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 89.

посылки, которые не могут быть предметом ни доказательства, ни критики. «...Все фундаментальные убеждения столь же неповторимы, сколь и недоказуемы», — отмечает М. Полани (1891–1976)²³⁹. Декарт осознавал основополагающую роль веры в гносеологии, но он был одержим идеей преодолеть эту традицию. Принцип сомнения, введенный им, исключал даже малейшую ссылку на веру. «Но откуда я знаю, — пишет Декарт, — не устроил ли он (Бог. — А. Т.) все так, что вообще не существует ни земли, ни неба, никакой протяженности..., но тем не менее все это существует в моем представлении таким, каким оно мне сейчас видится»²⁴⁰. Этим сомнением Декарт фактически признает, что позиция скептицизма (учение, утверждающее, что знанию нельзя дать некое адекватное подтверждение, т. е. выражающее недоверие к основаниям познания, обуславливающим достоверность знания) исключительно рациональными средствами непреодолима. Его аргумент прерывания крайней формы сомнения свидетельствует об ограниченности гносеологических ресурсов метода интроспекции. Сама достоверность мыслящего «Я» — это дар Божий. Великодушный Бог не может обманывать нас²⁴¹. Аргументация Декарта признает, что логический разрыв между миром вещей и знанием (проблема достоверности знания) может быть преодолен только посредством веры. И этот шаг является вполне логичным. Такое обоснование фундаментального для его концепции критерия достоверности усиливает скептическую перспективу метода универсального сомнения. Декарту представляется, что интеллектуальная интуиция исключает веру из структуры гносеологического отношения. «Если из одного того, — пишет он, — что я способен извлечь идею какой-то вещи из собственного сознания действительно следует все то, что я воспринимаю ясно и отчетливо как относящееся к этой вещи, неужели я не могу такое извлечь из этого аргумента в пользу существования Бога?»²⁴². Другими словами, с одной стороны, Великодушный Бог придает нам внутреннюю убежденность в самодостаточности таких критериев истинного знания, как ясность и отчетливость, с другой — эти критерии служат основанием для обоснования бытия самого

²³⁹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 51.

²⁴⁰ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 67.

²⁴¹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 56.

²⁴² Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 67.

Бога. Получается логический круг (логическая ошибка, заключающаяся в том, что истинность доказываемого положения обосновывается с помощью аргумента, истинность которого обосновывается с помощью доказываемого тезиса), демонстрирующий, что невозможно безусловное обосновать в терминах обусловленного²⁴³. Полани отмечает, что наши основополагающие верования и убеждения могут быть непротиворечивыми в том случае, если они предполагают собственные выводы. То есть всякая попытка их обоснования должна содержать логический круг.

Итак, попытка Декарта (и всего классического рационализма) включить веру из структуры знания не увенчалась успехом. Чистое мышление в своем выборе собственного основания с необходимостью сталкивается с дилеммой: либо принять условия регресса оснований (любое знание не полностью обусловлено своим основанием, и потому возникает необходимость его расширения), либо оказаться в ситуации логического круга. История классического рационализма свидетельствует, что идея беспредпосылочной теории познания должна быть отброшена. Допущение предпосылок оказывается актом веры, как и их недопущение. Концептуальное обоснование различных познавательных доктрин сводится к соотношению между верой и сомнением. Поэтому скептик отказывает в доверии предпосылкам рационализма, но, отстаивая свои сомнения, он обращается к рациональным аргументам. Он не считает рациональным сомневаться в том, во что сам верит.

Теоретические изъяны программы абсолютно достоверного знания породили новую стратегию гносеологии, представленную в эмпиризме. Гносеология, согласно доктрине эмпиризма, должна заниматься поиском правдоподобных гипотез об окружающем нас мире. Именно эта проблема является центральной в философии шотландского философа Д. Юма (1711–1776)²⁴⁴. Он считал веру необходимой предпосылкой, обуславливающей достоверность результатов интроспекции не только с точки зрения рационализма, но и посредством опыта. Юм представил убедительные доводы, подтверждающие, что отношение чувственных ощущений к впечатлениям, представляющие образы внешнего мира, не имеет гносеологического решения. Установление смысловой связи между ними может быть достигнуто посредством акта веры. Проблема достоверности знания в эмпиризме, как показал Юм, не может быть решена с позиций «чистого опыта», т. е. исключительно органами чувственного познания. В формировании гносеологического образа задей-

²⁴³ Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994. С. 11.

²⁴⁴ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании. М., 1995.

ствованы не только психологические механизмы восприятия, но и регулятивные принципы мыслительной деятельности. «Мнение в непрерывном и отдельном существовании, — пишет Юм, — никогда не возникает из внешних чувств»²⁴⁵. Оно формируется посредством идеи тождества наших сходных впечатлений. Благодаря идее тождества, мы можем устранить кажущийся перерыв, вообразив непрерывное бытие. Но такой способ бытия не имеет объективного, вне нашего сознания существования. Юм отмечает, что такое непрерывное существование предмета мы «придумываем», и самое главное состоит в том, что мы верим в его самостоятельное существование. Он убежден, что ни чувственный опыт, ни доказательство не имеют необходимых ресурсов для обоснования достоверности знания²⁴⁶. Скептицизм подвергает сомнению в состоятельности теории познания в целом. Достоверность, по Юму, есть факт нашей веры, поэтому она не может получить обоснование в знании.

Но отрицание возможности получения достоверного знания, т. е. недоверие скептицизма к результативности познавательной деятельности есть форма некоего утверждения, а потому в своей якобы последовательности обнаруживает самопротиворечивость. Ни одно утверждение скептицизма не имеет надежного основания. На самом деле речь идет не об убедительности его аргументов, а о доверии к его основаниям, на которые он опирается. Скептицизм посредством универсального метода сомнения отстаивает свои собственные убеждения. «...В поддержку других сомнений, — пишет Полани, — которые мы сейчас отстаиваем как разумные на основании нашего собственного научного взгляда на мир, мы опять-таки не можем привести ничего, кроме нашей веры в правильность этого взгляда»²⁴⁷.

Таким образом, не только концепции рационализма и эмпиризма, но и скептицизм, в обосновании своих предпосылок обращается к вере. Достоверность знания невозможно не только обосновать, но и опровергнуть. Внешний мир, может быть, существует, а может быть и нет; «а если и существует, то он, может быть, совершенно не таков, а может быть, и именно таков, каким он нам представляется, у нас нет возможности сказать на этот счет что-либо определенное» (Т. Нагель)²⁴⁸.

²⁴⁵ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М, 2013. С. 89.

²⁴⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 100.

²⁴⁷ Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 34.

²⁴⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 103.

Не только философская рефлексия оказалась перед неопределенностью в вопросе о достоверности. Наука тоже не в состоянии разрешить проблему оснований в рамках своей концептуализации (совокупность теоретических и методологических положений, определяющих характер научного исследования). Но наука существует и при этом вполне успешно, решая проблему достоверности посредством «здорового смысла» (совокупность взглядов людей на окружающую действительность и самих себя, используемых в повседневной практической деятельности и лежащих в основе моральных принципов)²⁴⁹. На уровне здравого смысла невозможно подвергнуть сомнению существование окружающего нас мира. Мы не просто допускаем существование внешнего мира, мы убеждены, что он действительно существует. Эта убежденность основана на нашем доверии к миру, и это доверие имеет естественную, инстинктивную природу. Такая вера «вышла из мастерской природы, она носит ее печать и подпись...»²⁵⁰. Эта мысль основателя шотландской школы «здорового смысла» Т. Рида (1838–1875) вполне уместна: если рациональность выявила свою неполноту, то почему мы должны доверять этой нашей способности больше, чем другим?

В повседневной жизни мы находим нашу веру в существование достоверного знания уже готовой. Мы допускаем, что в выборе наших решений ошибаемся. Сам факт установления ошибки предполагает ее преодоление. Иначе сама ошибка теряет смысловую определенность. Эту ситуацию прекрасно осознал и описал Юм. Согласно Юму, рефлектирующая личность впадает в неразрешимое противоречие: с одной стороны, её рассудок стремится к безличности и универсальности, с другой, он стремится удержать смысловое пространство мира повседневности²⁵¹. Юм не только признавал точку зрения здравого смысла, но и считал ее формой жизни. Говорить о достоверности, реальности знаний можно в случае нашей вовлеченности в смысловое пространство, связывающее их. Поэтому и не следует искать основания знания вне этой системы значений.

Наука, как и здравый смысл, придерживается естественных представлений о мире. При этом нельзя исключить, что они могут не соответствовать миру и, самое главное, мы не в состоянии воспрепятствовать этому факту.

²⁴⁹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М, 2013. С. 89.

²⁵⁰ См.: Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.

²⁵¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 100.

7.2. Вера и понимание в контексте коммуникации

В социально-гуманитарных науках сформировались два способа теоретизирования: первый демонстрирует приверженность методам естественных наук, считая их универсальными познавательными средствами, обеспечивающими объяснительный характер социально-гуманитарному знанию, второй настаивает на принципиальной несводимости познавательных средств социально гуманитарных наук к естественнаучным, ввиду нередуцируемости (лат. отодвигать назад; изменять свое качество в сторону упрощения) общества к миру природы²⁵².

Сциентическая парадигма (сциентизм — течение в социальной науке, ставящее задачей уподобление социальных наук естественным как по методам, так и по функции в обществе) ставила задачу придать социально-гуманитарным наукам объяснительные и предсказательные функции. Эта цель достигается посредством концептуализации принципа эссенциализма. Эссенциализм исходит из двух предпосылок:

- 1) познание может достигнуть окончательного обоснования, не допускаящего никакого разумного сомнения;
- 2) истинные теории описывают скрытые сущности вещей, лежащие по ту сторону мира явлений²⁵³.

К социально-историческим концепциям такого рода, в частности, можно отнести учение К. Маркса, который верил, что теоретические средства его метода обеспечивают постижение сущности социальных процессов и, самое главное, в процессе познания основные логические формы развертывания понятий совпадают с основными историческими этапами становления сущности человека. Совпадение исторического и логического в социальной практике становится одной из необходимых предпосылок эссенциалистской концептуализации социально-гуманитарных наук. Приняв на веру эти предпосылки, мы получим массу их эмпирических подтверждений. Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаружим, что эти «факты», т. е. эмпирические подтверждения, есть интерпретации того метода, посредством которого осуществляется познание социальных процессов²⁵⁴. Например, эволюционная

²⁵² Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 50.

²⁵³ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013. С. 89.

²⁵⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 156.

парадигма в разных ее версиях полагала, «что существует некая предначертанная очередность стадий, через которые должно проходить социальное развитие» (Д. Дьюи)²⁵⁵. Любая теоретическая концепция социально-гуманитарного знания призвана выявить смысл и цель общественных изменений. Социальные ориентиры вносятся в теоретические построения, они не могут быть выявлены в ходе исследования общественных изменений. Их определения оказываются сопряженными с ценностными предпочтениями социального ученого, который сам непосредственно вовлечен в социальные процессы. «Эксплицитные (объяснительные) предпосылки науки, — пишет М. Полани (1891–1976), — это максимы, которые могут быть признаны как таковые, только если они представляют собой компонент личностных убеждений ученого, удостоверяющих его видение реальности»²⁵⁶. Многие свойства социального объекта, которые полагаются присущими ему объективно, являются ни чем иным, как продуктами онтологизации (овеществление понятий, принятие их в качестве социальных ценностей) принятых методов исследования²⁵⁷.

Концепция «скрытых сущностей», сфокусированная на обнаружении естественных регулярностей в форме универсальных законов, имеющих ценностную размерность, выявила свою избыточность.

Во-первых, посредством теоретических средств невозможно обосновать неизбежность воплощения желаемых общественных ценностей в жизнь;

во-вторых, сам набор теоретических средств для обоснования вектора общественных изменений носит произвольный характер.

Доверие, выраженное к предпосылкам, не имеющим рационального обоснования, указывает на неустранимость веры из теоретических построений концепции «скрытых сущностей»²⁵⁸.

Таким образом, предпосылки, определяющие теоретическое видение социокультурных процессов, имеют ценностную размерность и опираются на веру. Ценностная размерность, присущая социально-гуманитарным наукам, делает возможным различные способы концептуализации, т. е. исследование социокультурного мира с разных точек зрения.

²⁵⁵ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013. С. 89.

²⁵⁶ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 101.

²⁵⁷ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 55.

²⁵⁸ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013. С. 99.

Одним из возможных способов теоретического описания и толкования социальной реальности является принцип конструирования субъективных смыслов индивидуального социального действия. Этот способ теоретизирования в социально-гуманитарных науках впервые осуществили М. Вебер (1864–1920) и А. Шюц (1899–1959)²⁵⁹. Индивидуализирующая концептуализация исходит из ценностных ориентаций в социальном действии, она отказывается от естественнонаучных методов познания. Пределом теоретической компетенции данной методологии социально-гуманитарных наук является понимание. Областью исследования понимающей социально-гуманитарной парадигмы является жизненный мир, социальная среда, в которой осуществляется повседневная жизнь индивида²⁶⁰. В пределах обыденного опыта у индивида не возникает сомнения, что он понимает другого, может с ним взаимодействовать, что благодаря взаимопониманию ему удастся осуществить большинство практических целей. Таким образом, мир повседневности, в который укоренен индивид, изначально интерсубъективен (интерсубъективность — структура субъекта, отвечающая факту индивидуальной множественности субъектов и выступающая основой их общности и коммуникации).

Как же формируются структура социального мира, его смысловой континуум в индивидуальном действии? Интерсубъективность социального пространства становится реальной проблемой теоретического осмысления²⁶¹. Необходимо понять, каким образом и благодаря чему в индивидуальном действии воспроизводятся контекст общности и коммуникации, благодаря чему индивидуальное действие приобретает черты социальности. Индивидуальное действие обнаруживает важнейшее социальное основание — проективность (замысел, вызывающий активность индивида для его осуществления). Для осуществления своей цели индивид должен согласовывать свои действия с действиями другого. Совместная деятельность преследующих свои частные интересы индивидов приобретает социальные качества лишь тогда, когда последствия деятельности индивида затрагивают интересы других индивидов, непосредственно с ним не взаимодействующих. Та-

²⁵⁹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 291.

²⁶⁰ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 33.

²⁶¹ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 75.

ким образом, совместная деятельность формирует основания общей оценки условий, дающих возможность осуществления частных интересов. Эти особенности индивидуального действия отмечал М. Вебер (1864–1920), один из создателей понимающей парадигмы социально-гуманитарных наук²⁶². «Социальным, — пишет он, — мы называем такое действие, которое по предлагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»²⁶³. Сама проективная деятельность предполагает наличие цели. Цель индивидуального социального действия обусловлена мотивом. А мотив в качестве побудительного основания индивидуального действия имеет ценностную природу и придает смысл индивидуальному действию, устанавливает смысловую связь между ним и практическими ценностями жизненного мира. То есть индивидуальные цели демонстрируют корреляцию (взаимосвязь) с начальными условиями социального взаимодействия, а сам проект наполняется содержанием ценностных индивидуальных ориентаций. Индивидуальные ценностные ориентации, по сути, проявляются в обыденном опыте, который есть способ социального бытия индивидуальных смыслов, ибо он определяет не только цели индивидуального действия, но и пределы взаимопонимания индивидов. Смысл как форма объективации ценностей непосредственно не дан в эмпирической действительности, он проявляет свое бытие в сфере трансцендентного (находящегося за пределами опыта). Но реальность смыслов, наряду с миром чувственных вещей, не вызывает сомнения. Социальное бытие смысла — это сфера значений. Сфера значений устанавливает содержательную связь индивидуального действия с социальными институтами, тем самым индивидуальные цели получают ценностную релевантность (смысловое соответствие)²⁶⁴.

Институционализация индивидуального действия в терминах ценностных ориентации общей значимости и есть жизненный мир или мир повседневности. Мир повседневности, согласно А. Шюцу (1889–1995), «это мир культуры, поскольку мир повседневной жизни является для нас универсумом значений, текстурой смыслов, которые мы должны интер-

²⁶² См.: История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.

²⁶³ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 35.

²⁶⁴ См.: История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.

претировать, чтобы найти в нем свое место и поладить с ним». Мир повседневности должен стать предметом исследования социально-гуманитарных наук. Концептуализация мира повседневности определяет понимающий характер социально-гуманитарных наук. Понимание есть интерпретация индивидуальных мотивов в терминах общей значимости. Смыслы общей значимости предстают способом бытия процессов реификации и легитимации²⁶⁵. Согласно современным американским социологам П. Бергеру и Т. Лукману, «реификация — это объективация продуктов человеческой деятельности вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли»²⁶⁶. Реификация предполагает легитимацию смыслов индивидуального действия, т.е. сведение смыслов индивидуального социального действия к терминам общей значимости, выступающих в форме социальных институтов. Институционализация осуществляет взаимную типизацию опривыченных (от слова «привычка») действий индивидов. Здравый смысл, к которому обращается индивид для решения своих насущных задач, есть система типизации способов деятельности, а значит, типизация мотивов. Конструкты здравого смысла формируются стихийно и систематически подвергаются испытанию в повседневной жизни. От того, насколько в соответствии с типизированными конструктами здравого смысла осуществляется интерпретация мотива индивидуального социального действия, зависит осуществимость задуманного проекта. «Постулат субъективной интерпретации значения, — пишет Шюц, — является не отличительной чертой социологии Макса Вебера или методологии социальных наук вообще, но принципом конструирования типов осуществления действия в обыденном опыте»²⁶⁷. Поэтому социально-гуманитарные науки должны выработать способы интерпретации ценностных ориентаций индивидуального действия в терминах общей значимости. Этот способ теоретизирования позволит создать интерпретационные модели, имеющие эмпирическую соотнесенность с миром повседневности.

Социальная реальность продуцируется в индивидуальном социальном действии, поэтому для ее изучения необходимо обратиться к конструктам обыденного мышления. Ценностные модели общей значимости не носят характера долженствования, образца, к чему

²⁶⁵ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 31.

²⁶⁶ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 55.

²⁶⁷ См.: Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

надо стремиться, в них надо видеть средство, а не цель познания. Понимающая парадигма указывает на недопустимость смешения социального знания с социальной действительностью, свойственного классическому рационализму. Недоверие к проекту просвещения не освобождает социально-гуманитарные науки от принципа каузальности (причинности). Но в понимающей парадигме он утрачивает объективистские признаки, представленные в терминах классического детерминизма (объективная причинная обусловленность всех явлений природы и общества). «...В науке, — пишет Вебер, — предметом которой является смысл поведения, „объяснить“ означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие»²⁶⁸. В социально-гуманитарных науках каузальное понимание устанавливает смысловую связь интерпретационной модели с конкретным действием. Каузальность в социально-гуманитарных науках, в отличие от естествознания, не обуславливает наличие универсальных законов, не позволяет подвести индивидуальное действие под социальные законы. В понимающей парадигме социокультурная реальность не постигается, а конструируется по способу «отнесения к ценности»²⁶⁹. Сами ценности, лежащие в основании теоретических интерпретационных моделей социально-гуманитарного знания, имеют исторический характер и демонстрируют свою изменчивость. Эволюция ценностных ориентаций выразилась в «расколдовании» религии (Вебер) и тотальной критике картезианской версии разума. Социальные смыслы утрачивают связь с универсальными ценностями (Бог, Законодательный Разум) и обнаруживают свою значимость в деятельности индивида «здесь-и-сейчас»²⁷⁰.

Универсальные социальные смыслы, к которым обращались в своих теоретических построениях Маркс и Вебер, утрачивают объяснительный ресурс. Они не в состоянии установить соотносительность теоретического знания с реальным процессом жизни общества. Таким образом, классические способы теоретизирования в социально-гуманитарных науках обнаружили свою историческую ограниченность. Смена ценностных ориентаций и новые способы продуцирования социальных смыслов сделали необходимым обращение к не-

²⁶⁸ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

²⁶⁹ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 33.

²⁷⁰ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 51.

классическим объяснительным средствам. Социальные смыслы получили новый способ бытия в контексте коммуникации. Социальное рождается и реализуется в слове, в процессе коммуникативного действия индивида «здесь-и-сейчас»²⁷¹. На смену философии сознания приходит философия языка. Доверие к разуму рассматривается исключительно в рамках практической деятельности. Пределы компетенции разума ограничиваются лингвистическим дискурсом, его вербально-коммуникативной практикой. Никто и ничто не заслуживает большего доверия, нежели сами участники коммуникации. На смену «мы-перспектива» (общая в целом для общества перспектива) приходит «я-перспектива»²⁷².

С позиции перспективы первого лица, — пишет современный немецкий философ Ю. Хабермас, — заботимся о нашей собственной жизни, спрашивая о том, какая деятельность будет наилучшей «для меня»...»²⁷³. Плюрализм ценностных ориентаций, индивидуализация и фрагментация общественной жизни сужает пространство социальных смыслов до рамок коммуникации «здесь-и-сейчас»²⁷⁴. Коммуникация становится областью активности индивидов, продуцирующей социальные смыслы, представленные в контекстах взаимных договоренностей и согласия. Способность индивидов приходить к соглашению при отсутствии универсальных и легитимных ценностных императивов обеспечивается посредством речевой коммуникации. Языковая практика становится не только местом пребывания социальных смыслов, но и способом их продуцирования. Участники коммуникативного действия только в результате достижения согласия могут осуществить свои проекты. Но согласие предполагает не только взаимопонимание, но и общую оценку контекста взаимных обязательств. Таким образом, научный законодательный разум «растворяется» в коммуникативном действии и структурах жизненного мира.

Философия языка, на которую опирается концептуальная рациональность, отвергает платоновскую концепцию «мира идей» в качестве питательной среды чистого разума. Языковая практика, посредством

²⁷¹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 96.

²⁷² Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 38.

²⁷³ Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 194.

²⁷⁴ Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 55.

которой люди договариваются между собой, осуществляя свои индивидуальные цели, есть естественная форма осуществления их разумных способностей. А согласование интересов, достигающееся посредством вербально коммуникативного действия, является формой жизни. «Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это согласие не мнений, а форма жизни» (Л. Витгенштейн)²⁷⁵.

Коммуникация становится областью активности индивидов, продуцирующей социальные смыслы, представленные в контекстах взаимных договоренностей и согласия. Способность индивидов приходить к соглашению при отсутствии универсальных и легитимных ценностных императивов обеспечивается посредством речевой коммуникации. Языковая практика становится не только местом пребывания социальных смыслов, но и способом их продуцирования. Участники коммуникативного действия только в результате достижения согласия могут осуществить свои проекты. Но согласие предполагает не только взаимопонимание, но и общую оценку контекста взаимных обязательств. Таким образом, научный законодательный разум «растворяется» в коммуникативном действии и структурах жизненного мира.

При всем различии теоретических предпочтений, приверженцы лингвистического дискурса сталкиваются с фундаментальной проблемой, не имеющей удовлетворительного теоретического решения: как в процессе вербально-коммуникативного общения между его участниками достигаются взаимопонимание и согласие, обеспечивающие осуществление их индивидуальных целей?

Теория речевых актов, разработанная британским философом Дж. Остином (1911–1966) и его учеником, американским философом Дж. Серлем (1932), теория коммуникативного действия одного из крупнейших социальных философов современности Ю. Хабермаса (1929) исходят из признания разумной основы социальной формы жизни, имеющей деятельную природу, включающую цель и результат²⁷⁶. Вербально-коммуникативная практика, с их точки зрения, по своему существу есть деятельность, изначально ориентированная на результат. Коммуникация становится неотъемлемой частью индивидуального проекта. Сам речевой акт, составляющий основу языкового общения, преследует цель и представляет намерения участников диалога. Процесс ком-

²⁷⁵ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-та, 2009. С. 91.

²⁷⁶ Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 94.

муникации осуществляет согласования различных намерений, а солидарность становится способом осуществления индивидуальных целей. Согласование намерений предполагает взаимные обязательства. А это значит, что социальное качество морального, долга более не основывается на метафизических ценностных основаниях, приобретая исключительно практический смысл. Согласование мотива, воли и действия зависит исключительно от контекста коммуникации, способов привлечения лингвистических ресурсов участниками диалога. «Структура интерсубъективных отношений выстраивается с помощью набора таких взаимоотношений, как говорящий, слушающий и на данный момент посторонние» (Хабермас)²⁷⁷. Такой способ естественной структурированности языкового поведения, с одной стороны, налагает определенные обязательства на участников коммуникации, с другой — в рамках своей диспозиции (предположения о том, что данный конкретный предмет (человек) будет вести себя определенным образом) им открываются безграничные возможности вербально-коммуникативного поведения, лингвистического дискурса²⁷⁸. Универсальной ценностью, лежащей в основе общественного воспроизводства, становится способ расширения выразительных средств языковой практики, ведущий к консенсусу.

Таким образом, в процессе коммуникации одновременно происходит формирование целей и их осуществление. Единство этих аспектов коммуникативного действия обеспечивает коллективную форму общественной жизни. Коммуникация как процесс достижения согласия между индивидами предполагает не только взаимопонимание, но и взаимное признание. Мир повседневности предстает множеством контекстов коммуникативных действий, в которых в результате взаимопонимания и взаимного признания осуществляются индивидуальные проекты. «Понимание — это не примиренческий идеал... это, напротив, изначальная форма исполнения человеческого существования...» (Х. Г. Гадамер)²⁷⁹. Гадамеровское толкование понимания расширяет жизненное пространство коммуникации. Теперь коммуникация не может быть сведена исключительно к практическим индивидуальным целям. Мир повседневности, при всей его укорененно-

²⁷⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000. С. 65.

²⁷⁸ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 99.

²⁷⁹ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 33.

сти в практические проблемы, является более сложным социальным образованием: согласие и взаимное признание могут быть достигнуты не только в точке пересечения индивидуальных целей, а потребности индивида не могут быть сведены исключительно к практическим целям.

А значит, они не могут быть осуществлены исключительно рациональными средствами. «Иное разума, — пишет Хабермас, — это человеческая природа, тело, фантазия, желания, чувства или лучше сказать, все то, что не смог присвоить себе разум»²⁸⁰. Переход от целерациональной деятельности к коммуникативному действию не решает проблему ценностных оснований общественной жизни. Коммуникативная рациональность, отказавшись от стандартов обоснования знаний, дает мнимое решение парадокса рациональности, который заключается в том, что через акты опровержения рациональность демонстрирует свои претензии на доказательство. Она исходит из того, что: во-первых, у знания нет абсолютно надежных и универсальных оснований; во-вторых, в качестве основания могут быть приняты различные предпосылки, они не сводимы к какому-то их конкретному набору; в-третьих, многообразие оснований и способов обоснования приводит к размыванию критерия теоретичности знания. Приверженность коммуникативной рациональности указанным стандартам превращает проблему основания знания в фикцию. Но освобождается ли коммуникативная рациональность от проблемы основания в целом?²⁸¹

Хабермас не без основания отмечает, что «даже внезапный «союз» философии практики с лингвистикой не привел к смене парадигмы. Говорящие субъекты являются или хозяевами, или слугами своих языковых систем»²⁸². «Пиррова» победа рациональности породила вакуум ценностных ориентаций индивидуального действия²⁸³. «Кризис мотиваций» в морали, о чем писал еще М. Вебер, в настоящее время стал нормой повседневной жизни²⁸⁴. В этой ситуации водораздел между функциями рациональности и веры становится неразличимым. Рациональ-

²⁸⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000. С. 67.

²⁸¹ История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 96.

²⁸² Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 101.

²⁸³ Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 90.

²⁸⁴ Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. С. 31.

ность в качестве универсального социального стандарта, как в форме целерациональной деятельности, так и коммуникативной рациональности, становится верой.

То есть кризис мотивации в значительной мере обусловлен совпадением цели и средств деятельности. Цели утрачивают временную перспективу и приобретают черты неопределенности. «В практической области он (рассудок), — пишет Хабермас, — может говорить только о средствах. О целях он должен молчать»²⁸⁵. Претензии рациональности выступить в качестве цели указывают не только на «кризис мотиваций», но и ее трансформацию в предмет веры, задающей новые ценностные ориентиры социальных перемен. Легитимация права рациональности выступить в качестве основания социальных перемен привела к элиминации этики долга. Социальное пространство приобретает новое основание самообнаружения — это потребление и комфорт — которые ориентированы исключительно на развитие рациональных способностей. Каждый акт коммуникативного действия дает лишь надежду, не всегда осуществленную, на согласование интересов. Если, как утверждает Гадамер, понимание — это изначальная бытийная характеристика самой человеческой жизни, то оно может воспроизводиться посредством различных способностей и ценностей²⁸⁶. Концепция коммуникативного действия получает обоснование по отношению к той форме мира повседневности, которую она абсолютизирует в контексте своей теоретической перспективы. Рациональность в качестве универсальной ценности имеет исторически преходящий характер. Многообразие цивилизационных форм жизни дает основание утверждать, что в качестве общезначимого стандарта в общественной жизни могут быть приняты различные ценности. А значит, в основу концептуализации социально-гуманитарных наук могут быть положены различные ценности. Философия языка является, таким образом, лишь одной из возможных методологий социально-гуманитарных наук, а коммуникативная рациональность не может претендовать на право быть универсальным стандартом конкретно исторических ценностей.

²⁸⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000. С. 200.

²⁸⁶ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 90.

7.3. Вера и истина

Истина — ценностно-теоретическая категория²⁸⁷. В гносеологическом аспекте она, обозначая идеал знания, определяет стратегию познавательной деятельности. Теория истины призвана дать решение двух основополагающих задач гносеологии:

- 1) что мы можем знать;
- 2) как мы можем знать²⁸⁸.

Истина как категория культуры затрагивает все аспекты общественной жизни. Ее устремленность к совершенству в значительной мере определяет наше мировосприятие, социальные ожидания и эстетические вкусы. Уже у Платона истина, красота и благо выступают в неразрывной связи, представляя различные лики Единого. Истина становится ареной не только острых теоретических дискуссий в науке, но и жестких идеологических и религиозных противостояний.

В систематической форме концепция истины впервые была представлена в «Метафизике» Аристотеля (IV в. до н. э.)²⁸⁹. Истина в ней определяется как соответствие знания действительности. Определение истины у Аристотеля носит спекулятивный (умозрительный) характер, поэтому не исключает различия в толковании понятий «действительность» и «соответствие». Несмотря на это обстоятельство, интерпретационные (объяснительные) модели истины сводятся к единой логической структуре:

- 1) знание должно иметь нечто внешнее по отношению к себе;
- 2) знание должно соответствовать своему объекту;
- 3) такое соответствие есть истина²⁹⁰.

Аристотелевское учение об истине получило название классической, или корреспондентской.

Одним из важнейших признаков классической концепции истины является ее объективность. Признак объективности истины указывает на то, что ее достоверность не зависит от воли и желания людей. Проблема соотношения веры и истины возникает в связи с этой характеристической истиной. Согласно признаку объективности истины, мы

²⁸⁷ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. *Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей*. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 78.

²⁸⁸ Вальяно М. В. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: Альфа, 2012. С. 90.

²⁸⁹ Кохановский В. П. и др. *Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов*. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 103.

²⁹⁰ Вальяно М. В. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: Альфа, 2012. С. 95.

должны признать, что целые народы и цивилизации могут заблуждаться и заблуждались, принимая ложные знания за истинные²⁹¹. В основе принятия заблуждения за истину лежит доверие. Кроме веры в истинность нашего наличного знания, трудно выявить ее иные основания. Таким образом, истина оказывается сопряженной с верой. Истина призвана предоставить доводы, которые подвергли бы сомнению веру в достоверность не только наличного знания, но и, в определенном смысле, вызвали недоверие в незыблемости культурных традиций.

Эти доводы должны иметь одинаковую силу убеждения для всех людей, народов и цивилизаций. Сила убеждения истины рассчитана исключительно на рациональные способности индивида, а ее убеждающим *эксклюзивным* продуктом является наука. Так выглядит формальная сторона стратегии теории истины.

В повседневной жизни рациональность индивида не является достаточным основанием различения истины от заблуждения. Согласно научной истине, многовековые традиции объявляются предрассудками, несмотря на то, что многие из них не одно столетие определяли уклад жизни людей. Отказ от традиционных ценностей всегда происходит болезненно, но люди все же отказываются от них. Истина как ценность дарит людям новую надежду на лучшую жизнь. Доверие, возникающее в отношении лучшей социальной перспективы, обесценивает настоящее. Ожидание наступления лучшего будущего приобретает большую достоверность, чем жизнь в настоящем. Сомнение, недоверие к настоящему, таким образом, есть акт веры, а не истинного знания, «рисующего» лучшее будущее²⁹². Может ли теория истины, опираясь исключительно на разум, сделать нашу жизнь более предсказуемой?

Преодолевают ли теория истины, дискредитирующая знание, связь с верой? Оправданы ли надежды людей на лучшее будущее, обусловленные доверием к истине? История свидетельствует, что разум в качестве «беспредпосылочного» основания теории истины обнаруживает свою избыточность.

Теория истины должна предоставить обоснование не только объективного существования внешнего мира, но и «взаимосогласованности» между миром вещей и знанием²⁹³. Как можно утверждать, что действи-

²⁹¹ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 104.

²⁹² Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 107.

²⁹³ Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. С. 95.

тельность такова, каково наше знание о ней, если само бытие мира сводится к имеющемуся у нас знанию? Если правила образования и преобразования суждений мы принимаем до познавательной деятельности, то теория соответствия с необходимостью должна принять на веру предпосылку о разумности самой действительности. То есть без учета предпосылки тождества мышления и бытия нельзя преодолеть разрыв между знанием и предметом рациональными средствами. Это обстоятельство свидетельствует о неполноте теории истины. Она в качестве основания предполагает веру, ибо последняя оказывается единственным «аргументом», преодолевающим сомнение в достоверности тождества мышления и бытия. Итак, истина оказывается составной частью нашей системы убеждений, имеющей внелогические основания. Только в контексте нашей системы убеждений истина получает обоснование. «...Мы будем признавать решающими свидетельства противной системы, в истинность которой мы не верим, также будем поступать в отношении той, в которую верим» М. Полани²⁹⁴. Поэтому как критика научной истины, так и критика религиозных догматов наукой лишена основания²⁹⁵. Эта критика имела бы предметное содержание, если бы одна из этих концептуализаций имела бы основание, свободное от веры. Трудности, возникающие в классической концепции истины в обосновании взаимосогласованности между миром вещей и знанием, были учтены когерентной теорией истины, которая отказалась от онтологического постулата (от принципа тождества мышления и бытия)²⁹⁶. Истина в этой концепции сужается до самосогласованности суждений. Согласно когерентной концепции:

- а) между терминами языка и их референтами (предмет, к которому относится слово или знак) нет внутренней связи;
- б) содержание и объем употребляемых терминов раскрываются в концептуальной схеме²⁹⁷.

Репрезентативность знания решается в контексте согласования убеждений научным сообществом, а «отнодь не соответствием независимым от сознания или речи положением дел» (Х. Патнэм). Соглашение оказывается сопряженным с выбором стандартов научности

²⁹⁴ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 15.

²⁹⁵ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 90.

²⁹⁶ Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 104.

²⁹⁷ Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996. С. 102.

и альтернативных исследовательских программ. Этот выбор не всегда осуществляется посредством теоретических процедур. Основанием, обусловившим выбор, могут быть эстетические, моральные и иные ценности.

Когерентная концепция истины, как и классическая, не решает проблему достоверности знания, хотя и отказывается от онтологического постулата. Попытки решить проблему самодостаточности рациональной концептуализации сталкиваются с неразрешимыми проблемами регресса оснований или логического круга. Ей не удалось элиминировать (исключить) веру из структуры знания. Отказ от онтологического постулата не делает ее более убедительной.

В конечном счете, обе версии получают свое обоснование в вере. Если принять предпосылку о разумности внешнего мира, то классическая концепция истины станет неуязвимой. Следует признать, что в качестве основания научного взгляда на мир мы не можем ничего продолжить, кроме нашей веры. Всеобщие интеллектуальные нормы могут быть приняты только в том случае, когда мы признаем правомочность их власти над нами в качестве ценности, структурирующей не только среду нашего обитания, но и историческую перспективу. Истина как сложное социокультурное образование утратила свои абсолютистские претензии, вследствие эволюции ценностных предпочтений, вызвавших смену теоретических концептуализаций²⁹⁸.

Расставание с истиной в ее классическом толковании свидетельствует о переменах, происходящих в системе наших убеждений. «Мы присутствуем при кончине теории, — пишет Х. Патнэм, — просуществовавшей почти две тысячи лет²⁹⁹. Тем, что эта теория просуществовала столь долго и принимала столь разнообразные формы... она обязана естественности и силе желания знать точку зрения Божественного Взора»³⁰⁰. Преодоление иллюзий классической концепции истины, кризис доверия к разуму подвергли сомнению универсальность и незыблемость основополагающих ценностных стандартов общественной жизни. Плюрализм ценностных ориентаций и толерантность становятся социальными маркерами недоверия к разуму. Фрагментация общественной жизни, неспособность универсалистских концептуализаций установить смысловую связь с жизненным миром отразились на определении новых стандартов теоретичности.

²⁹⁸ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. *Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей*. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 80.

²⁹⁹ Кемеров В. Е. *Введение в социальную философию*. М., 1996. С. 199.

³⁰⁰ Вальяно М. В. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: Альфа, 2012. С. 94.

В эпоху критики разума К. Поппер (1902–1994) внес значительный вклад в теорию истины. Попперовская теоретическая программа обновления концептуальных оснований истины обнаруживает эмпирическую соотнесенность с либеральной концепцией общества³⁰¹. Поппер вводит два стандарта научности, порывающие с традициями догматической интерпретации классической концепции истины:

- а) фаллибилизм (учение о погрешимости знания);
- б) фальсификацию (процедура опровержения, устанавливающая ложность теории)³⁰².

Согласно фаллибилизму, все наши знания являются догадками, «теория может быть ближе к истине, чем другая, и в то же время быть ложной» (К. Поппер). К чему же, в таком случае, стремится наука, если истина недостижима? Поппер не отказывается от истины, но вносит в ее понимание учение о погрешимости. Погрешимость (фаллибилизм) знания, согласно Попперу, свидетельствует: «во-первых, что мы не застрахованы от заблуждений и, во-вторых, что стремление к достоверности (или даже к высокой вероятности) ошибочно». В концепции фаллибилизма рост научного знания рассматривается не в аспекте его кумулятивности, а его рациональной приемлемости³⁰³.

Процедуры рационального оправдания знания могут совершенствоваться в том случае, когда они утрачивают объяснительные функции. На смену старым теориям приходят новые, и смена одних теорий другими осуществляется посредством процедуры опровержения, которое становится основным способом совершенствования рациональных процедур. Ибо изначальная погрешимость знания предполагает его принципиальную опровергаемость (фальсифицируемость)³⁰⁴. Процедура опровержения получила в методологии науки название принципа фальсификационизма. Концепция фаллибилизма определяет истину как временную компетенцию научной теории. Единичные суждения вне контекста концептуализации утрачивают эмпирическую соотнесенность. То есть говорить об истинности суждения вне референциональной системы (системы, устанавливающей отношения между обо-

³⁰¹ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. *Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей*. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 79.

³⁰² Бельская Е. Ю. и др. *История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 21.

³⁰³ Поппер К. Р. *Логика и рост научного знания*. М., 1983. С. 107.

³⁰⁴ Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. *Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей*. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 77.

значающим и обозначаемым) не представляется возможным. Учитывая факт бесконечной смены теорий, сами объяснительные рациональные структуры могут быть сведены к системе наших убеждений. Истина становится постоянно обновляющейся процедурой, результаты которой нацелены на самоопровержение. Поппер различает факт существования истины и обладание средством ее установления³⁰⁵.

Эволюция оснований теоретических концептуализаций истины свидетельствует, что не только теория соответствия, но и любой критерийный подход с неизбежностью приводит к скептицизму. Поппер критикует классическую теорию истины, считая ее специфическим видом веры. Но он сам оказывается в плену этой философской веры. «...Признание погрешимости знания, — пишет он, — означает, что, хотя мы можем жаждать истины и даже способны обнаруживать ее (я верю, что во многих случаях это нам удастся), мы тем не менее никогда не можем быть уверены до конца, что действительно обладаем истиной»³⁰⁶. В отстаивании своего понимания истины Поппер демонстрирует больше приверженности, чем аргументов. Вопреки риторике Поппера, его учение способствовало укреплению «антиреалистических, а отнюдь не реалистических философских концепций, укрепляя субъективизм, а не одерживая над ним верх» (Дж. Пассмор)³⁰⁷.

Концепция фаллибилизма охватила и логико-математические науки, поколебав веру в непогрешимость математики, которая перестала быть сводом «вечных» истин, а дедукция — единственным безошибочным методом добывания истинностного знания. «Мы менее чем когда-либо, — пишет Г. Вейль, — уверены в незыблемости наиболее глубоких оснований (логики) математики. Как у всех и всего в мире сегодня, у нас есть свой кризис»³⁰⁸.

Критический рационализм Поппера, осознавая свою собственную погрешимость, наполняет его новым содержанием. Однако и ему не удается преодолеть питательную среду скептицизма. Его интеллектуальный оптимизм покоится на вере и является следствием его культурных предпочтений. Согласно Попперу, «реальной проблемой является не выбор между знанием и верой, а выбор между двумя формами веры. Это выбор между верой в разум человеческих индивидуумов и ве-

³⁰⁵ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 109.

³⁰⁶ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крынева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 26.

³⁰⁷ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 111.

³⁰⁸ Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996. С. 100.

рой, согласно которому люди должны быть разделены на друзей и врагов, господ и хозяев»³⁰⁹.

Скептицизм не лишен критического пафоса по отношению к собственной позиции. Он с недоверием относится к непогрешимости не только истины, но и своей убежденности. В противном случае доктрина скептицизма оказалась бы самопротиворечивой. Его скепсис — есть демонстрация отсутствия воли принять на веру наличные способы обоснования знания. У скептиков сомнение превалирует над верой. В конечном счете, само сомнение имеет основание, значит тоже является верой³¹⁰.

В социально-гуманистической перспективе вопрос о соотношении веры и разума приобретает судьбоносное значение. В эпоху нестабильности и неопределенности вера в истину помогает противостоять вызовам, угрожающим существованию человечества. Идеология социального оптимизма, если она имеет историческую перспективу, может найти свое оправдание только в вере в разум. Именно в этом контексте доверие к разуму приобретает нравственное измерение, ибо в современных условиях оно поддерживает уважение к личности и защищает идеи эгалитаризма (равенство). Демократические институты демонстрируют совместимость с фаллибилизмом социального знания: поскольку наши идеи не могут быть обоснованы исключительно рациональными средствами, постольку они должны быть подвергнуты публичному обсуждению, которое и выявит их социальную приемлемость, ориентированную на солидарность. Здесь под солидарностью понимается направленность мышления на объединение разнообразных философских, культурологических и повседневных дискурсов не на основе их тождества, а в контексте их различия. Эти различия, как отмечал, например, американский философ Р. Рорти, должны создавать условия свободного выбора, а не ориентировать на всякого рода конфликты: мировоззренческие, религиозные, политические и др.³¹¹.

Таким образом, вопрос о соотношении веры и истины не ограничивается рамками гносеологии, а приобретает огромное социокультур-

³⁰⁹ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 45.

³¹⁰ Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. С. 22.

³¹¹ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 120.

ное значение. Решение этого вопроса связано с множеством непредвиденных исторических и культурных вызовов. Не вызывает сомнения, что соотношение веры и истины меняется, оно испытывает влияние исторических, социальных и культурных факторов.

Библиографический список

1. Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994.
2. Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 416 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа-М.: РИОР, 2013.
5. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012.
6. Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. 208 с.
7. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
8. Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.
9. Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.
10. Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.
11. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. ун-т, 2009.
12. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М, 1996.
13. Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010.
14. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. М.: ИНФРА-М, 2012.
15. Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009.
16. Платон. Менон. Соч.: в. 4 т. М., 1990. Т. 1.
17. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М., 1983.

18. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000.

19. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

Вопросы для самоконтроля

1. Раскройте суть сциентической парадигмы.
2. Из каких двух предпосылок исходит эссенциализм?
3. Раскройте содержание определения «мир повседневности», согласно А. Шюцу.
4. Почему философия языка, на которую опирается концептуальная рациональность, отвергает платоновскую концепцию «мира идей» в качестве питательной среды чистого разума?
5. Почему интерпретационные (объяснительные) модели истины сводятся к единой логической структуре? Раскройте содержание данной структуры.
6. Раскройте содержание, теоретической программы обновления концептуальных оснований истины Поппера.
7. Объясните, почему попытки философов решить проблему самодостаточности рациональной концептуализации сталкиваются с неразрешимыми проблемами регресса оснований или логического круга?
8. Какая процедура в методологии науки получила название принципа фальсификационизма?
9. Почему, по мнению философов, идеология социального оптимизма, если она имеет историческую перспективу, может найти свое оправдание только в вере в разум?
10. Объясните, почему вопрос о соотношении веры и истины не ограничивается рамками гносеологии, а приобретает огромное социокультурное значение?

Тема 8

ОБЪЯСНЕНИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

8.1. Научное объяснение и его типы

С середины XX в. стал широко обсуждаться вопрос: являются ли методы естественных наук единственно научными, а потому безоговорочно применимыми для изучения человека и общества? Решение этой проблемы более чем на полвека «раскололо» логиков, методологов, философов науки на два лагеря³¹². Одни утверждали, что методы естествознания могут в полной мере использоваться в гуманитарном и социальном познании. Другие считали, что методы познания в естественных и социально-гуманитарных науках принципиально различны. В самом естествознании решение проблемы объяснения столкнулось с трудностями. Так, Галилей, открыв закон ускорения тел в естественном движении, не смог объяснить причины равномерного ускорения, аргументируя это тем, что нельзя получить однозначного и исчерпывающего ответа по поводу этих причин. Ньютон писал, что «причину... свойств силы тяготения» он не может «вывести из явлений», «гипотез же я не измышляю»³¹³. Считая, что сущность открытых им законов не может быть объяснена в рамках существующей науки, Ньютон тем не менее признавал, что сами эти за-

³¹² Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³¹³ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 108.

коны обладают объяснительной функцией: «Довольно того, что тяготение на самом деле существует и действует согласно изложенным нами законам, и вполне достаточно для объяснения всех движений небесных тел и моря»³¹⁴. Не объяснил начало жизни и Ч. Дарвин, утверждая, что его теория и так удовлетворительно объясняет ряд фактов. Свою аргументацию он строил по аналогии: «Кто возьмется объяснить сущность всемирного тяготения?»³¹⁵. А между тем «никто не возражает против выводов, вытекающих из этого неизвестного начала притяжения...»³¹⁶. Сложилась парадоксальная ситуация: не умея объяснить сущность описываемых законом явлений (тяготения, равномерного ускорения), ученые с их помощью объясняли явления движения тел на земле и на небе. В дальнейшем, чтобы снять проблему объяснения глубинных (конечных) причин, отождествили закон и сущность.

В дискуссии о том, в чем задача естественнонаучного познания и, в частности, физики, объяснять или описывать, восторжествовала ориентация на научное «объяснение» (М. Планк, поздний А. Эйнштейн и др.). Было предложено огромное разнообразие его моделей и парадигм. Финский логик и философ Г. Х. фон Райт выделил две главные традиции по вопросу о природе научного объяснения: «аристотелевскую», подчеркивающую ценность телеологического объяснения, и «галилеевскую», согласно которой всякое научное объяснение должно носить каузальный характер, т. е. выявлять «порождающий механизм», в качестве которого могут выступать как «наблюдаемые», так и «ненаблюдаемые» (атомы, гены, вирусы и т. д.) причины исследуемых явлений³¹⁷.

Примером телеологического объяснения служит объяснение Аристотелем факта остановки движущегося на плоскости тела его стремлением к естественному месту. Галилей для объяснения этого факта искал причину, т. е. работал в каузальной модели. Обе модели объяснения базируются на предположении, что мир упорядочен и познаваем.

Специфика каузального объяснения и его типы. Объяснение — логико-методологическая процедура, с помощью которой знание сущности одного явления, предмета раскрывается с помощью закона или других знаний, признанных достоверными или очевидными.

³¹⁴ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 39.

³¹⁵ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

³¹⁶ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 33.

³¹⁷ Никитич Л. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 40.

Каузальная традиция разрабатывалась позитивистами, которые защищали три идеи, сформулированные Д. Миллем, К. Поппером, а затем поддержанные К. Гемпелем (1905–1997):

- 1) каузальный характер объяснения должен включать раскрытие не только причинно-следственных, но и генетических, структурных, функциональных связей;
- 2) объяснение должно базироваться на методологическом монизме (единообразии научного метода для естественных и социально-гуманитарных наук);
- 3) рассматривать математическую физику в качестве методологического идеала построения всех наук, включая социально-гуманитарные³¹⁸.

Концепция научного объяснения должна отвечать двум требованиям:

- а) аргументы и содержание суждений должны иметь непосредственное отношение к объясняемым явлениям, вещам;
- б) результат, полученный в ходе объяснения, должен быть принципиально проверяемым³¹⁹.

Каузальный характер объяснения, предполагающий поиск ответа на вопрос «почему», признавали Д. Гильберт, И. Кеплер, Г. Галилей, Гарвей, И. Ньютон и др. Г. Х. фон Вригт утверждал, что «проблемы причинности остаются центральными в философии науки» и особенно «в теории научного объяснения».

Модели научного объяснения:

1. *Дедуктивно-помологическая*. Объяснить — значит:

- а) подвести утверждения о сущности явлений под один или несколько общих законов, среди которых могут быть и статистические (Поппер, Карнап);
- б) указать на некоторые сопутствующие события или факты, помогающие осуществить это «подведение». Например, при объяснении причин разрыва радиатора автомобиля сопутствующие факты (температура окружающего воздуха, отсутствие антифриза в воде радиатора и т. д.) соединяются с законом физики о расширении воды при замерзании. Данная модель объяснения выполняет и предсказательную функцию. Так, в опи-

³¹⁸ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 30.

³¹⁹ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 90.

санном случае можно было логически вывести предсказание о возможности разрыва радиатора³²⁰.

Логическая структура этой модели включает:

- а) эксплананс — рассуждение, посылки которого содержат информацию, необходимую для его обоснования, а также хотя бы один закон науки;
- б) экспланандум — следствия из этих посылок³²¹.

Объяснительные возможности дедуктивного метода объяснения имеют ряд ограничений:

1) *этот метод не является чисто логической процедурой:*

- а) в него включены эпистемологические и методологические предпочтения исследователя;
- б) объяснение часто происходит не путем непосредственного «подведения явления под общий закон», а посредством выдвигания допущений, совместимых с принятыми законами³²².

2) *дедуктивное объяснение не дает точного и однозначного ответа на вопрос «почему?», так как:*

- а) оно носит приблизительный характер, его уточнение происходит постепенно, проходя ступеньки «промежуточных» объяснений. Кроме того, «сам закон не может быть точным хотя бы потому, что понятия, с помощью которых мы его формулируем, могут... в будущем оказаться недостаточными» (А. Эйнштейн);
- б) одни и те же эмпирические данные могут быть объяснены разными, даже противоречащими друг другу теориями. Между теориями и эмпирическими законами существует лишь приблизительное согласие, исключающее строгую дедуцируемость экспланандума. Это приводит к невозможности эмпирической проверки теорий. Но наука не может не критически использовать все существующие теории для объяснения одного и того же явления, поэтому П. Фейерабенд предложил «отбраковывать» как ошибочные те теории, которые хуже объясняют факты;
- в) объяснения не являются вечными: они имеют «время жизни», длящееся от нескольких дней до нескольких десятилетий. Де-

³²⁰ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³²¹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 23.

³²² Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 88.

дуктивное объяснение принципиально не завершено, открыто для дальнейших уточнений и даже изменений тех оснований, на которых оно строилось.

3) *дедуктивные выводы не позволяют объяснить связь новой теории с предшествующим ей научным знанием, т. е. вывести, например, квантовую механику из классической физики*³²³.

Можно ли использовать эту модель объяснения в социально-гуманитарных науках? Г. Х. фон Вригт положительно отвечает на этот вопрос, хотя и уточняет, что в области наук о человеке следует различать два типа детерминизма, связанные соответственно с идеей «предсказуемости и идеей осмысленности исторического и социального процесса». «Осмысленность истории есть детерминизм»³²⁴. Использовать объяснительную дедуктивную модель в истории и социологии можно только по отношению к событиям на макроуровне, так как часто удается «с большой точностью и высокой степенью достоверности» предсказать «результат процесса с большим числом «элементов», тогда как участие в этом процессе того или иного отдельного элемента, как правило, совершенно не предсказуемо;

2. *Телеологическая модель объяснения*. Объяснить — значит выявить содержание финальной причины «для чего?», «с какой целью?»³²⁵.

Такое объяснение в отличие от дедуктивного:

- 1) ориентировано не на поиск причин, использующих ссылку на прошлое (это произошло потому, что раньше произошло то), а на поиск целей, предполагающих указание на будущее (это произошло для того, чтобы могло впоследствии произойти то);
- 2) не зависит от наличия общего закона в структуре объяснения³²⁶.

Г. Х. фон Вригт предлагает различать относительный и абсолютный телеологизм. Первый предполагает, что цели человеческой деятельности не являются трансцендентными, а потому телеологизм не выходит за границы эмпирического исследования человека и общества, выступая в качестве научного рационального объяснения. Второй признает наличие трансцендентных (установленных Абсолютным духом, Богом)

³²³ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 67.

³²⁴ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 33.

³²⁵ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

³²⁶ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 77.

целей истории и социального процесса в целом, а потому такой телеологизм не является научно-рациональным³²⁷.

Предложенная Г. Х. фон Вригтом телеологическая (имеющая отношение к науке) модель объяснения включает указание на цель действия индивида и использует рассуждение, называемое «практическим силлогизмом».

Его схема:

- а) большая посылка, в которой сформулировано содержание цели (желаемого результата);
- б) меньшая посылка, указывающая на средства достижения этой цели;
- в) заключение, состоящее в использовании указанного средства для достижения цели³²⁸.

Экспланандумом телеологического объяснения является интенциональное действие, т. е. действие, включающее мотивы, желания, цели, а также результаты этого действия. Если человек воздержался с какой-то целью или намерением от совершения действия (например, выразил протест или несогласие своим молчанием), то такое «воздержание» также относится к разряду действия.

Телеологические модели не могут с высокой степенью достоверности объяснить историческое прошлое, в силу того, что:

- а) в телеологических объяснениях значение и смысл прошлых событий проясняются только в контексте будущего, которое не является однозначно определенным, а потому объяснения прошлого постоянно изменяются;
- б) в будущем часто открываются неизвестные ранее факты прошлой истории;
- в) всякое настоящее переходит постоянно в «недалекое» прошлое, которое есть будущее для более далекого прошлого³²⁹.

События этого «недалекого» прошлого позволяют приписать такие смыслы далекому прошлому, которыми оно не обладало до того, как произошли недавние события.

Некоторые позитивисты утверждают, что любое телеологическое объяснение можно преобразовать в каузальное.

³²⁷ Никитич Л. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2008. С. 11.

³²⁸ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 84.

³²⁹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 30.

Для этого достаточно:

- а) не учитывать ценностные установки людей (намерения, цели, желания и т. д.) при объяснении больших социальных потрясений, таких как войны, революции, гибель государств, цивилизаций и т. д., а использовать объяснительную функцию экономических, социально-политических и иных законов, представляя историю как объективный результат действий обезличенных субъектов;
- б) объяснять мотивации, смыслы поведения исторических деятелей с помощью каузальных принципов, т. е. выявлять их обусловленность культурными, религиозными, политическими и другими факторами, истоки которых так же объяснять каузально³³⁰.

Аргументы против такого «преобразования»:

- 1) если не учитывать включенность индивидуальных интересов, мотивов, целей и т. д., то историческое знание перестанет быть гуманитарным и превратится в разновидность социологии;
- 2) невозможно рационально и каузально объяснить не только содержание мотивов деятельности исторического агента» но и меру их адекватности существующим историческим обстоятельствам³³¹.

Как же изучать историю? В 1957 г. У. Д Рей в работе «Законы и объяснение в истории» пришел к выводу, что в исторических объяснениях не используются общие законы (даже «законы больших чисел») не потому, что эти законы сложны, неточны (как считал Гемпель) или тривиальны (как считал Поппер), а потому, что историческое объяснение вообще не опирается на общие законы. Гадамер писал, что «истинная цель исторического знания состоит не в том, чтобы объяснить конкретное явление как частный случай общего закона³³². В действительности эта цель — понять историческое явление в своей уникальности». А это означает, что возможности дедуктивно-номологической и телеологической моделей объяснения в исторических науках ограничены.

³³⁰ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 45.

³³¹ Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический проспект, 2011. С. 23.

³³² Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

8.2. Герменевтика — «органон наук о духе» (В. Дильтей, Г.Г. Гадамер)

Герменевтика — это не философская школа, подобно экзистенциализму, феноменологии, не методологическое направление, такое, какими являются рационализм или эмпиризм. Она есть особый круг проблем, связанных с социально-гуманитарным знанием, и гетерогенных по своей природе методов, связанных с решением этих проблем. Термин «герменевтика», в переводе с греческого означающий «извещать», «разъяснять», был введен в философию в XVII в. Корни герменевтики уходят в античность, где возникла проблема истолкования «языка богов», непостижимого для простых людей³³³. Платон в диалоге «Ион» называл поэтов истолкователями богов. В античных храмах существовали для этой цели оракулы и прорицатели-авгуры. Но язык оракулов, в свою очередь, был «темен» для простых смертных и потому требовал так же истолкования. В послеантичный период герменевтика принимала такие формы, как:

- а) религиозно-догматическая герменевтика (экзегетика), разрабатываемая в средние века католической схоластикой, занималась толкованием догматов веры, сочинений отцов Церкви, а также философских трудов Платона и позднее Аристотеля (с точки зрения возможности включения их учения в контекст христианской догматики);
- б) герменевтика гуманистов эпохи Ренессанса, выдвинувших идею критики Священного Писания и очищения смыслов античных текстов от искажений, привнесенных христианскими интерпретаторами;
- в) протестантско-реформаторская форма герменевтики, когда Лютер, пытаясь свергнуть монополию католической церкви на истолкование Библии, переводит ее текст с латыни на немецкий язык. Теперь каждый грамотный человек мог самостоятельно (пастор только помогал) толковать священный текст. Протестантские теологи первыми осознали методологические проблемы герменевтики;
- г) филологическая герменевтика, у истоков которой стоял в начале XIX в. немецкий философ Ф. Шлейермахер (1768–1834), наметивший трехчленную формулу: интерпретатор — текст — созда-

³³³ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крынева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 33.

тель текста, прямое общение к которому невозможно. Начиная со Шлейермахера, герменевтика формируется как самостоятельная дисциплина, с точки зрения которой теологическая герменевтика и библейская экзегетика (греч. — истолкование) предстают как частные случаи;

- д) философская герменевтика, основателем которой был немецкий философ и историк культуры В. Дильтей (1883–1911), приписавший герменевтике функцию органа (метода) «наук о духе»³³⁴.

Рассмотрим специфику «наук о духе».

Различение «наук о природе» и «наук о духе» ввел Дильтей (вслед за Виндельбандом и Риккертом). Науки о природе — это естественные номотетические науки, ориентированные на поиск всеобщих законов, устанавливающих постоянные отношения, величина которых количественно измерима и экспериментально подтверждаема. Науки о духе — это социально-гуманитарные науки, изучающие мир человеческой жизнедеятельности, каждое событие которого уникально, а потому не может быть обобщено до формы закона, количественно измерено, экспериментально проверено. Специфика этих наук еще и в том, что дни не могут проигнорировать ценностные ориентации исследователя.

Кратко изложим идеи В. Дильтея. Фундаментом философии является внутренний опыт, т. е. совокупность фактов сознания. Но это признавали и Локк, и Юм, и Кант³³⁵. Но никто из них не говорил о полном, цельном опыте сознания. Кант сводил его содержание только к пустым формам чувственности и рассудка. «В жилах познающего субъекта», как его конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, а «разжиженный сок разума как голой мыслительной деятельности»³³⁶. Философия рационализма отстранилась от конкретного человека, от его способа бытия в культурно-исторической реальности, абсолютизировала только одну познавательную способность логически мыслить. Аналогично, философия эмпиризма имела в своем основании «расколотый опыт», но «ни одного полноценного и целостного человека невозможно втиснуть в этот опыт»³³⁷. Исходным пунктом философствования необходимо сделать цельный, полный опыт сознания, включающий не только волю, чувства, мышление целостного человека, но «и религию, и мета-

³³⁴ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 74.

³³⁵ Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический проспект, 2011. С. 81.

³³⁶ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 38.

³³⁷ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 70.

физику, и безусловное»³³⁸. Человек есть «воляще-чувствующе-представляющее существо»³³⁹. Со времен Канта признавали, что всякое познание «вырастает из внутреннего опыта и не может выйти за его пределы». Но если в основу познания положить опыт в кантовском понимании, то познание сведется только к способности логического мышления делать умозаключения и выводить следствия из причин. Познание на самом деле вырастает из цельного опыта человека, изначально обусловленного целостностью человеческой природы. Поэтому «мы представляем и осмысливаем мир лишь постольку, поскольку он переживается нами»³⁴⁰. Опыт человека во всем многообразии его сил и способностей следует брать за основу даже при объяснении таких понятий, как «внешний мир», «время», «субстанция», «причина», а не выводить их из восприятия, представления и мышления абстрактного человека. Внутренний опыт «воляще-чувствующе-представляющего» субъекта дает нам сведения не только о наших собственных внутренних переживаниях, но о внешней реальности. «Вместе с нашим жизненным единством нам сразу дан и целый внешний мир, даны и другие жизненные единства». Поэтому внешний мир не может рассматриваться по-кантовски как явление, созданное априорными формами чувственности и рассудка. Внешний мир дан нам в качестве жизни, а «не представления». Именно эта теоретико-методологическая установка адекватна познанию истории. Из целостности человеческой природы могут быть объяснены «важнейшие составляющие нашего образа действительности и нашего познания ее, а именно, живое единство личности, внешний мир, индивиды вне нас, их жизнь во времени, их взаимодействие».

Итак, познание истории должно основываться на полном, цельном опыте сознания субъекта, а потому наука о настоящей или прошлой жизнедеятельности людей не может быть сведена только к логическому знанию по примеру естествознания.

Можно ли употреблять термин «наука» в случае наук о духе? Дильтей считал, что можно, так как любая наука есть совокупность «вполне определенных, в любом смысловом контексте постоянных и общезначимых выражений», понятий, которые сочетаются друг с другом вполне обоснованно, а каждая часть приводится в связь с целым. Науки о духе содержат указанные характеристики.

³³⁸ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³³⁹ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

³⁴⁰ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

Организация знания в исторической науке должна учитывать следующие факторы:

- а) сущностное содержание исторических событий сводится к жизни, которая является уникальным, единичным событием, не объяснимым из каких бы то ни было общих принципов;
- б) исторический предмет (будь то личность, народ, эпоха со спецификой ее религии, экономики, политики, художественного творчества и т. д.) есть целое в его никогда и нигде более не повторяющейся индивидуальности и единственности, а потому историческое прошлое нельзя представить в виде объекта, которому противостоит субъект³⁴¹. «Факты, относящиеся к обществу, мы можем понять только изнутри, только на основе восприятия наших собственных состояний... С любовью и ненавистью, со всей игрой наших аффектов созерцаем мы исторический мир. Природа же для нас безмолвна, она нам чужда, она для нас — внешнее. Общество — наш мир» (Дильтей)³⁴². В силу этого историческое познание должно отказаться от позитивистского мо- низма в методологии, признающего возможность однозначно в терминах «причина-следствие» объяснить историческое событие.

Позицию Дильтея разделял британский философ и историк Р. Коллингвуд (1889–1943), который писал, что «история — наука, но наука особого рода³⁴³. Это наука, задача которой — изучение исторических событий, недоступных нашему наблюдению», а потому складывается очень трудная познавательная ситуация: познать то, свидетелем чего мы не были, постичь прошлое, живя в настоящем³⁴⁴.

Отсюда возникает ряд вопросов. Как может конечное индивидуальное сознание, содержание которого обусловлено настоящим, постичь прошлое в его объективности? Как избавиться от того, чтобы судить о прошлом с точки зрения ценностей и истин настоящего? Не является ли сама историческая форма сознания исследователя непреодолимым препятствием на пути достижения объективного знания истории? Какова норма научности в историческом знании? Все эти вопро-

³⁴¹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 71.

³⁴² Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³⁴³ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 89.

³⁴⁴ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 45.

сы в итоге сводятся к поиску правил расшифровки «Книги истории», т. е. метода объективного постижения исторического прошлого³⁴⁵.

Герменевтика стала философской проблемой современности. Примером тому являются гуманитарные и социальные науки, которые часто имеют определение «понимающие» («понимающая» социология, педагогика, психология и т. д.). Герменевтика постепенно выходит за пределы языка и текстов, превращаясь в «органон», в совокупность методов понимания чужой истории, чужой жизни, чужой духовности³⁴⁶. Герменевтика проникла в философию жизни, феноменологию, экзистенциализм, психоанализ и т. д. Герменевтика имеет дело с пониманием.

8.3. Понимание как метод социально-гуманитарного познания

Социальные науки призваны понять социальные явления, а естественнонаучные — причинно-функционально объяснить природные закономерности, утверждал М. Вебер. Понимание — это специфическая форма постижения «герменевтических предметов», которые характеризуются тем, что:

- а) являются «объективацией», «знаком», «выражением» того, что превосходит по глубине и внутреннему содержанию их предметную данность;
- б) «специфически близки» человеку, так как «объективируют», «выражают» жизни других людей³⁴⁷.

Немецкий философ Ф. Шлейермахер (1768–1834) придал термину «понимание» философско-категориальный статус, определив понимание как способ реконструкции изначально предзаданного автором смысла текста. Представители неокантианства, немецкие философы В. Виндельбанд (1848–1915) и Г. Риккерт, (1863–1936) истолковали понимание не просто как «восстановление» изначально смыслов, но и как процедуру приращения знания³⁴⁸. Жизнь имеет смыслы, связанные с ее проживанием человеком. Но жизнь не замыкается в мире

³⁴⁵ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крынева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 36.

³⁴⁶ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

³⁴⁷ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 70.

³⁴⁸ Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический проспект, 2011. С. 29.

личностных внутренних переживаний, а объективируется в поступках, текстах и т.д., что позволяет приобщиться к ее смыслам, постигать их, порождая новые смыслы. Сформировалась тенденция универсализации процедур понимания.

Дильтей обратился к проблеме понимания в силу следующих причин. Введя понятие «жизнь» в качестве единственного предмета и метода философствования и сведя жизнь к внутреннему непосредственному опыту переживания, он неизбежно пришел к выводу, что наиболее адекватным органом понимания человека и его мира в науках о духе является «опыт переживания», который относится по ведомству психологии. Но как войти в «опыт переживания» других людей?³⁴⁹

Психология предлагает только один способ — способ непосредственного «вживания», «вчувствования» в опыт «другого»³⁵⁰. Но применение этого способа проблематично, если речь идет о давно живущих людях, людях, принадлежащих истории. Остается только один путь — изучать не сами переживания, а их объективации, т.е. те предметные формы, в которых эти переживания выразились вовне, т.е. изучать духовную жизнь людей через ее внешние проявления. А это есть задача понимания. Понимание как метод Дильтей все же замыкал на внутренний опыт переживаний, а потому понимание жизни из нее самой сводилось к непосредственному проникновению одной жизни (исследователя) в другую (исторического события). Кроме того, по Дильтею, понимающий также понимает себя, только объективировав свой текущий внутренний мир переживаний в некие устойчивые и общепринятые артефакты (письма, поступки и т.д.). Но хотя здесь Дильтей остается на позициях психологизма, так как считает, что понимание чужой духовности по ее объективациям надо начинать с понимания личности другого и самопонимания, все же он вынужден был уйти от «чистого» психологизма к герменевтическому пониманию и интерпретации³⁵¹. Он стал рассматривать понимание в качестве методологической проблемы исторического, гуманитарного и социального познания. Понимание стало трактоваться как метод постижения или порождения смыслов, как дорефлексивное (иррациональное) схватывание смыслов, предвещающее любые дальнейшие аналитические познавательные ходы, связанные с реконструкцией личностных измере-

³⁴⁹ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³⁵⁰ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 101.

³⁵¹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 303.

ний объективированных явлений. Так как прошлое нельзя измерять внешним по отношению к нему настоящим, то исследователь-историк должен избавиться от власти идей и ценностей, навязанных его сознанию современной ему эпохой, а его разум сможет достичь истинного понимания, только освободившись от страстей, групповых интересов и т. д. Но как «очистить» сознание от конкретного исторического опыта той эпохи, в которой исследователь живет и которая ангажирует содержание его сознания? Для этого историческое сознание должно относиться к прошлому не как к чему-то внешнему, но в своем отношении к прошлому оно должно одновременно относиться к своему собственному содержанию. Необходимо преодолеть «временной разрыв» между познающим и познаваемым, между историческим текстом и его интерпретатором³⁵². Это возможно в силу того, что в человеческой природе, несмотря на партикулярность переживаний, существуют некие общие схемы переживания жизни, что и обуславливает возможность понимания чужой индивидуальности.

Гадамер, напротив, считал, что «временной разрыв», «временная дистанция» между интерпретатором и интерпретируемым не мешает, а помогает пониманию истории³⁵³. Настоящее постигать труднее, чем прошлое. Например, наши суждения о современном нам художнике, писателе, как правило, произвольны, а потому многие из них получают признание в последующих поколениях. Истинное значение того или иного творца определяет время, которое формирует те «предрассудки» сознания, благодаря которым происходит понимание его произведений. «Предрассудки» времени осуществляют связь сознания с прошлым, вписывают сознание в непрерывную историческую традицию, делая его, тем самым, историческим³⁵⁴. Поэтому наивным заблуждением является убеждение в том, что историческая объективность может быть достигнута только в ходе преодоления «временной дистанции», когда интерпретатор сумеет мыслить понятиями и представлениями изучаемой прошлой эпохи³⁵⁵. Гадамер, как и Хайдеггер, считал, что время — это основание, на котором только и возможно возрождение прошлого, и где настоящее имеет свои корни. Процесс понимания предполагает пересмотр наших убеждений и ожиданий, к которому нас выну-

³⁵² Кохановский В. П., Пржиленский В. И. *Философия науки*. М.: Март, 2008. С. 89.

³⁵³ Булдаков С. К. *История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук*. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

³⁵⁴ Бессонов Б. Н. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: Высшее образование, 2009. С. 39.

³⁵⁵ Лебедев С. А. *Философия науки*. М.: Академический проспект, 2011. С. 63.

ждает встреча с прошлым, с «иным». Связь между «моим» и «иным» является подлинным объектом герменевтического понимания.

В ходе постижения «иного»:

- а) происходит превращение, вызванное встречей с «иным», неявных предубеждений сознания в явные;
- б) «заклячая в скобки» наши предубеждения, мы имеем возможность все в большей степени постигать «иное в своем «ином»»³⁵⁶.

Гадамер перевел проблему понимания из эпистемологического контекста в онтологический, что не позволяло сводить процедуру понимания к чисто иррациональному акту эмоционально-напряженного «вживания» в «чужую» жизнь, как это было у Дильтея³⁵⁷.

Гадамер поддерживает хайдеггеровскую герменевтику, смысл которой заключается в «сращивании» традиций интерпретатора и интерпретируемого³⁵⁸. Это «сродство» делает сам способ постижения историческим, так как, постигая, мы продолжаем живую традицию. Поэтому Гадамер называет сознание историческим не потому, что оно постигает прошлое, но потому что сам способ постижения исторический по сути. Наше сознание ограничено тем, что постигает нечто лишь в соответствии со своими предубеждениями и ожиданиями. Но в этой ограниченности и заключается исторический характер сознания.

Гадамер видел «изъяны» дильтеевской концепции понимания в том, что:

- а) исследователь истории, по Дильтею, имеет дело с объектом уже «вполне настоящим», а потому могущим дать ответы на все наши вопросы, что делает объект исторического познания аналогичным объекту естествознания;
- б) существенным моментом для достижения объективного знания оказывается лишь преодоление субъективности (психологизма), что является одним из главных условий истинного познания также и в естествознании;
- г) признание решающей роли внутреннего опыта познающего субъекта делает понимание релятивным³⁵⁹.

³⁵⁶ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 33.

³⁵⁷ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 77.

³⁵⁸ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

³⁵⁹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

8.4. Проблема понимания в социологическом знании

Рассмотрим некоторые варианты ее решения, как они представлены в анализе, проведенном современным социологом Бауманом:

1. **Понимание как работа истории.** Эту версию реализовали К. Маркс и М. Вебер. Маркс не занимался непосредственно проблемами герменевтики, но, переводя на язык социологии гегелевскую идею истории как прогресса разума в направлении самопонимания; он пришел к выводу: социальная наука сможет достичь истинного и объективного понимания, когда будут созданы с помощью революции «прозрачные» социальные отношения (в понимании Маркса это — коммунизм). Получалось, что сама история в своем объективном развитии делала «прозрачным» прежде «непрозрачный» мир, а потому дорога к истинному познанию «лежит через социальную», а не «методологическую революцию». Что это означало для герменевтики? В ситуации «прозрачности» социальных отношений существование социальной науки с ее проблемами достижения истинного и объективного понимания станет излишним, так как все будет понятно уже на уровне здравого смысла. А это значит, что герменевтика станет не нужна, ибо потребность в ней (как и в социальном знании) существует только потому, что социальные отношения не «прозрачны» и требуют специальных приемов и методов постижения.

Вебер, как и Маркс, связывал возможность объективного понимания социальных процессов с их историческим развитием. Но в отличие от Маркса, он считал, что речь должна идти не об историческом развитии социальных отношений, а о зарождении по мере развития истории «более надежных форм мышления», основанных на рациональных суждениях и рационально-инструментальном поведении агентов капиталистического производства. История порождает новый господствующий способ мышления, инструментальный разум, который может понять все социальные действия. «Понять» социальное явление — значит выразить его содержание в терминах «значащих» категорий человеческого опыта. Так как все социально значимые человеческие действия являются выражением мотивированных психических состояний, то социальные процессы нельзя рассматривать как простые взаимосвязи «внешних» событий, а тем более искать универсальные законы, описывающие эти взаимосвязи. Поэтому социальный ученый может только конструировать «модели мотиваций» («идеальные типы»), приписывая участникам социальных событий мотивы действия, с помощью которых и можно попытаться «понять» их публичное социальное поведение. Гер-

меневтическая методология Вебера не была ориентирована на субъективную мотивацию и субъективные ценности. Он признавал возможность объективного понимания, но притом одновременно признавал неизбежность историчности субъекта и объекта познания, что создавало противоречие его метода³⁶⁰.

2. Понимание как работа разума. Э. Гуссерль, пытаясь очистить понимание от релятивизма, попытался очистить сознание от исторических случайных элементов, т. е. провести феноменологическую редукцию, что позволит сознанию «воспринимать значения в их истинной необходимой сущности». Гуссерль толковал проблему понимания как проблему свободного абсолютного знания, ничем не обусловленного, пребывающего в мире «трансцендентальной субъективности». Но в таком случае понимание как способ получения объективного знания превращалось в процедуру, изолированную от конкретной истории и исторического субъекта, а потому доступную только философам. Бауман в этой связи задает вполне справедливый вопрос: кому нужно такое понимание, зачем оно?³⁶¹

Американский социолог Т. Парсонс (1902–1979), следуя за Гуссерлем, попытался показать, как можно достигнуть объективного, т. е. независимого от социоисторического контекста понимания человеческих действий. Но в итоге он приходит к тем же методологическим выводам, что и Гуссерль, так как, во-первых, рассматривает понимание как деятельность профессионалов — социальных аналитиков, а во-вторых, оставляет без ответа вопрос, каким образом так истолкованное понимание может помочь решить практические вопросы коммуникации и взаимодействия, имеющие отношение к реальным людям³⁶².

3. Понимание как работа жизни. Эту версию понимания, которую мы рассмотрели на примере философии Дильтея и Гадамера, прорабатывал и немецкий философ М. Хайдеггер (1889–1976). С его точки зрения, понимание не есть работа истории (как считали Маркс и Вебер), не есть работа разума (как считали Гуссерль, Парсонс), а есть работа жизни. Поэтому он не принял точку зрения Гуссерля, согласно которой понимание локализуется в трансцендентальной теоретической области, не связанной с миром практической жизнедеятель-

³⁶⁰ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 104.

³⁶¹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 63.

³⁶² Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 11.

ности³⁶³. Хайдеггер считал, что понимание есть способ бытия, а не способ знания: проблема понимания — онтологическая, а не эпистемологическая. Критикуя неисторичность гуссерлевской трактовки понимания, Хайдеггер утверждал, что понимание истории — историческое событие: мы можем понять собственную историю только изнутри ее самой, так как у человека нет возможности выбраться из истории на какую-то «внеисторическую» вершину, с которой вся история окажется видимой и понятой «как она есть на самом деле». Если понимание есть способ бытия, то оно является деянием, которое совершается не только интеллектуальной элитой, но каждым человеком. Жизненный мир — единственное основание и место осуществления деятельности понимания. Сообщество взаимодействующих индивидов — это пространство, внутри которого осуществляется понимание как формирование и интерпретация значений деятельности. Но Хайдеггер не поставил вопроса о понимании в ситуации практической коммуникации, не выделил типы понимания в связи с различными типами межчеловеческих отношений и т. д.³⁶⁴

Эти проблемы исследовал австро-американский философ и социолог А. Шюц (1899–1959) в созданной им феноменологической социологии, в которой он использовал учение Э. Гуссерля о жизненном мире, который есть мир нашей повседневности, единственно реальный, опытно (т. е. непосредственно) воспринимаемый с полнейшей очевидностью всяким человеком³⁶⁵. Гуссерль попытался показать, что жизненный мир есть «забытый смысловой фундамент естествознания». Наука имеет прямое отношение к миру обыденного мышления, и все «первичные понятия», которые «определяют смысл ее предметной сферы и теорий, возникли в наивной установке» повседневности. В повседневной практической жизни люди опытно познают, мыслят, оценивают и действуют, но совершаются эти познавательные процедуры «анонимно»: «познающий ничего не знает об этой работе» опытного познания, «как и о выполняющем эту работу мышлении»³⁶⁶. В мире опытного познания, сопровождающего повседневную практическую жизнь, существует повседневная индукция, к которому принадлежит «и форма простран-

³⁶³ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³⁶⁴ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

³⁶⁵ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 57.

³⁶⁶ Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический проспект, 2011. С. 23.

ства-времени, и все формы организации тел, среди которых мы сами живем в соответствии с телесным способом существования личности». Но в этом непосредственном эмпирическом созерцании физического мира нет ни геометрических идеальных сущностей, ни абстрактного геометрического пространства, ни математического времени. Они формируются на фундаменте опытного познания, сопровождающего повседневную жизнь, «замещающая» единственно реальный для нас мир нашей повседневной жизни. Поэтому «...от объективно-логической самоочевидности... путь ведет назад, к первоначальной очевидности, с которой всегда заранее дан жизненный мир» (Гуссерль)³⁶⁷. Понимание категориального аппарата естествознания невозможно вне его соотношения с жизненным миром, который дан нам непосредственно до всякой установки сознания, и который, в силу этого, мы понимаем, а не объясняем. Категорию понимания Гуссерль употреблял в близком дильтеевском смысле.

Эти идеи Гуссерля Шюц использовал применительно к социологии, заявив, что понимание изначально не является методом социальных наук. Изначально понимание «вплетено» в коммуникацию и язык повседневной жизни. Социальная реальность — это объекты и события в социокультурном мире, воспринимаемые людьми в повседневном опыте, а потому их смысл определяется тем, «как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий»³⁶⁸. Каждый человек воспринимает мир культуры (и природы) не «как свой собственный, но как intersubjectивный, т.е. как общий всем нам, актуально и потенциально доступный каждому»³⁶⁹. С помощью сознания, формирующегося в повседневной жизни, люди познают социальный мир, в котором живут, знают для чего и как функционируют те или иные социальные институты, какие мотивы и цели преследовал тот или другой человек в своих действиях и т.д. Эти знания воспринимаются обыденным мышлением как нечто само собой разумеющееся. А это и есть изначальноное понимание, которое позволяет, несмотря на «разброс» содержания знаний в сфере обыденного мышления, обусловленный наличием различий между индивидами и социальны-

³⁶⁷ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 99.

³⁶⁸ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крынева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 61.

³⁶⁹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 90.

ми группами, «поладить с другими людьми, культурными объектами и социальными институтами, — короче, с социальной реальностью».

А. Шюц выделяет три значения понимания:

- 1) «опытная форма обыденного знания человеческих дел», что определяет способность обыденного мышления ориентироваться в мире повседневности, «прилаживаться» к «чужим» сознаниям, включаться во взаимную коммуникацию и языковое общение, решать проблему интерсубъективности;
- 2) эпистемологическая проблема, предполагающая ответы на вопросы: «как такое понимание возможно?», как и почему в своей повседневной жизни люди осуществляют процедуру понимания, т. е. узнавания смыслов и значений «безо всяких трудностей в любом повседневном действии»? Шюц считает, что такое понимание возможно в силу того, что «человеческие существа рождены матерями, а не состряпаны в пробирках», а потому «опыт существования других людей и значение их действий является, без сомнения, первым и наиболее подлинным эмпирическим наблюдением, сделанным человеком». Понимание, присущее повседневному опыту людей, включает соответствующие обыденному мышлению ментальные конструкторы, процедуры синтеза, анализа, идеализации;
- 3) специфический метод социальных наук, который базируется на фундаменте изначального понимания людьми своей повседневной жизни, а потому является вторичным образованием. Социальная реальность есть, прежде всего, набор идеальных мыслительных и ценностных конструкторов, созданных обыденным мышлением живущих в данном социальном мире людей³⁷⁰. Следовательно, теории, создаваемые социально-гуманитарными (и даже естественными) науками, являются своего рода объяснением «конструкторов здравого смысла с помощью идеальных объектов науки». «...Конструкторы социальных наук являются... конструкторами второго порядка, т. е. конструкторами конструкторов, созданных действующими людьми на социальной сцене, чье поведение социальный ученый должен наблюдать и объяснять в соответствии с процедурными правилами своей науки» (Шюц)³⁷¹. Социальный ученый должен вначале изучить все общие принципы,

³⁷⁰ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

³⁷¹ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 77.

в соответствии с которыми люди в повседневной жизни организуют свой опыт, и на этой основе создавать модель идеального типа социальности.

Бауман считает, что Шюц не исследовал цели изначального человеческого стремления к пониманию, не понял того, что «люди ощущают потребность в понимании тогда, когда их намерения не реализуются, а надежды не сбываются, когда страдание становится необъяснимым. Причем это всегда не абстрактные, а вполне конкретные, мои собственные страдания, мои собственные надежды, мои собственные неудовлетворенные потребности и интересы»³⁷². Практическая задача понимания состоит в освобождении конкретного человека, а не трансцендентального субъекта, «от гнетущего чувства несвободы, порожденного непониманием». Проблема непонимания осталась за пределами «понимающей социологии» Шюца.

Сам Бауман считает, что объективное понимание не может выступать в качестве средства практического контроля над ситуацией, а потому попытки объективного понимания всегда будут повторяться и никогда не будут успешными. Проблема понимания не должна быть особой деятельностью, отличной от общественной жизни.

Критика различения — «наук о природе» и «наук о духе» современной философией прагматизма³⁷³.

Рассмотренные выше версии решения проблемы понимания, так или иначе, признают специфику «наук о духе» в отличие от «наук о природе». Но такое деление наук не признают представители современной философии прагматизма, например, американский философ Р. Рорти (род. 1931)³⁷⁴. Рассмотрим его аргументы. Выделение «наук о природе» и «наук о духе» и поиск соответствующих им методов познания (объяснения и понимания) обусловлены философской традицией, рассматривающей сознание как нечто, что внутри нас, стремящееся «пробыть» к существующей вне сознания внешней реальности и адекватно ее постичь. В этой традиции господствует представление о таком сознании, которое каким-то чудесным образом не зависит от тела и от того мира, в котором существует тело. И «науки о природе», и «науки о духе» стремятся отыскать способы, с помощью которых сознание субъек-

³⁷² История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 33.

³⁷³ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

³⁷⁴ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

та может, во-первых, войти в контакт с внешней реальностью (природой или историей) для «постижения» сущности или смысла, а во-вторых, найти слова, адекватно их репрезентирующие³⁷⁵. Прагматизм отказывается от этой философской традиции. Он исходит из дарвиновского «описания человеческих существ как неких животных, которые стараются как можно лучше приспособиться к окружающей среде, совладать с нею, стараются создать такие инструменты, которые бы позволяли испытывать как можно больше удовольствий и как можно меньше страданий. Слова — это тоже инструменты, созданные этими умными животными». Но тогда невозможно рассматривать сознание «вне контакта с реальностью», а сознанию и языку приписывать репрезентирующие функции³⁷⁶. Рорти ссылается на высказывание австрийского философа Л. Витгенштейна (1889–1951) о том, что нет никакой возможности «проникнуть в зазор между языком и его объектом», а также на идеи современного американского специалиста в области языка и сознания Х. Патнэма (род. 1926), согласно которым то, «что мы называем «языком» или «сознанием», так глубоко проникают в то, что мы называем «реальностью», что замысел представить нас самих как неких «картографов», изучающих нечто, «независимое от языка»,... изначально сомнителен»³⁷⁷. Сознание всегда находится в контакте с реальностью, а предназначение слов состоит в том, чтобы быть инструментами для взаимодействия с окружающей средой. Поэтому задача познания — не искать истину ради нее самой, а «достигать согласия между людьми относительно того, что им следует делать... Познательные усилия, которые не приводят к координации поведения, — это вовсе и не познавательные усилия, это просто игра слов»³⁷⁸. Все теории, созданные как в естественных, так и в общественных науках, являются своего рода инструментами, позволяющими достигать этого согласия: теория микромира и теория политическая предлагают людям определенные планы действия, касающиеся в первом случае технического, а во втором — политического прогресса, а потому «...для прагматистов нет резких водоразделов между естественными науками и науками общественными, между общественными науками и политикой, между политикой, фило-

³⁷⁵ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 74.

³⁷⁶ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование. 2008. С. 70.

³⁷⁷ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крычева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 20.

³⁷⁸ Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008. С. 89.

софией, литературой. Все сферы культуры — это составляющие единого усилия сделать жизнь лучше»³⁷⁹.

8.5. Интерпретация — общенаучный метод и базовая операция социально-гуманитарного познания

Понимание — это форма знания, но чтобы перевести это знание в ранг научного, необходимы некоторые дополнительные искусственные, спланированные исследователем приемы. Одной из них является интерпретация. Интерпретация в социально-гуманитарной сфере (лат. *interpreta* — посредничество, разъяснение) — это когнитивная процедура, имеющая функцию методологического приема, с помощью которого устанавливаются значения и смыслы понятийных вербальных выражений и структур³⁸⁰.

Процедура интерпретации как форма познания сложилась задолго до обсуждения в XX веке познавательных проблем социально-гуманитарного знания. Можно выделить следующие исторические этапы эволюции интерпретации как методологического приема анализа текста:

- 1) в античности интерпретация практикуется неоплатониками для выявления смыслов и значений аллегорий, имевших место в литературе классического наследия;
- 2) в Средние века интерпретация превращается в базовый методологический прием для экзегетики (толкования текстов Священного Писания);
- 3) в Новое время происходит философское осмысление процедур интерпретации и понимания³⁸¹.

Философское осмысление в Новое время принимает различные формы:

а) *философско-герменевтическая трактовка интерпретации* (Шлейермахер, Дильтей), когда интерпретация рассматривается как постижение смысла, объективно заложенного в текст автором. Автор рассма-

³⁷⁹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

³⁸⁰ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 53.

³⁸¹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 90.

тривается как главный источник смысла, поэтому для его интерпретации важно было знать биографию автора, которая помогала постижению смысла его произведений;

б) *структурно-семиотическая трактовка интерпретации*. Текст рассматривается как самодостаточная реальность, а его смысл задается не автором, а факторами объективно-структурного характера, например такими, как «порядок» и «ритмика» организации структуры текста. Структура текста является его объективной характеристикой. Интерпретация в этом случае не нуждается в рассмотрении индивидуально-психологического опыта автора, так как сводится к дешифровке текстового кода, т. е. основных характеристик структуры текста;

в) *постмодернистская трактовка интерпретации*, согласно которой интерпретация — не способ постижения смысла, содержащегося в тексте, а способ наполнения его смыслом. Для постмодернистов текст не имеет никакой объективной структурной организации, а потому проблема поиска смысла текста, как это предполагалось в структурно-семиотической концепции, не имеет смысла. Кроме того, в постмодернистской версии интерпретации акцент переносится с фигуры автора (герменевтическая традиция) на читателя. Читатель становится субъективной предпосылкой интерпретации, которая превращается в процедуру наполнения текста смыслом. Текст не имеет сам по себе никакого смысла: он появляется в процессе чтения, который никогда не является объективным процессом обнаружения смысла, ибо его нет в тексте. Чтение — это «вкладывание» в текст смысла, причем постоянно меняющегося³⁸².

Но если интерпретация имеет дело с текстами, то на каком основании этот методологический прием можно использовать при изучении исторического прошлого, социальной коммуникации и т. д., т. е. проблем социально-гуманитарных наук?

Дильтей, обосновывая гносеологическую претензию наук о духе понимать историю, представил ее в виде истории духа, объективированной в текстах, хранящих смыслы, требующие расшифровки. Если история есть текст как предметная форма объективации мира внутреннего опыта переживания людей, то ее можно понять, как можно понять любой текст. Исторический текст хранит в письменной форме жизненные проявления прошлых людей.

Социально-гуманитарные и исторические науки являются герме-

³⁸² Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 69.

невещескими по определению, так как они имеют дело с текстами (вербальными и невербальными) и их пониманием, считали, например, представители постструктурализма, один из теоретиков которого Ж. Деррида утверждал, что «ничего не существует вне текста». Весь мир есть бесконечный, безграничный текст, «космическая библиотека». Итальянский семиотик- философ У. Эко отождествлял мир со «словарем» и «энциклопедией». Текст выступает как особая реальность и «единица» методологического и семантического анализа социально-гуманитарного знания, что делает возможным применение процедуры интерпретации.

Существуют разные концепции текста и соответственные им толкования процедуры понимания:

1. **Текст содержит лишь те сообщения, которые стремился передать автор** (концепция Ф. Шлейермахера). Отношение «текст-читатель» тождественно отношению «говорящий-слушающий», которое характеризует непосредственное общение собеседников. Возникающее между собеседниками понимание имеет, согласно британскому философу, основоположнику неформальной логики Дж. Остину (1911–1960), три измерения:

- а) буквальное понимание фраз;
- б) понимание выразительности речи, которая передаётся изъяснительным, сослагательным и повелительным наклонениями;
- в) понимание стимулирующего действия сказанного, что проявляется в различных чувствах (страха, удовлетворения, радости и т.д.), которые могут испытать собеседники. Эти же измерения понимания характерны и для ситуации «текст-читатель», хотя письменный текст не способен передать все нюансы живого общения. Понять текст, значит понять его автора — такова главная идея данной концепции текста. Понимание происходит за счет смыслового «выравнивания» между текстом и читателем-интерпретатором, превращение их в абсолютных современников, когда прошлое постигается как настоящее, чуждое — как хорошо знакомое³⁸³.

2. **Текст, согласно позиции французского философа, теоретика феноменологической герменевтики П. Рикера** (род. 1913 г.), является самостоятельной целостностью, наподобие произведения искусства в силу того, что текст неизбежно отстраняется (отчуждается) от авто-

³⁸³ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 78.

ра, утрачивает с ним связь. Текст обнаруживает в своем теле «глубокую семантику», разрушающую ткань авторского повествования, отражающую философский смысл текста, который заключается в попытке дать специфическое решение «пограничных ситуаций» — рождения и смерти, истины и заблуждения и др. Именно «глубокая семантика» устанавливает подлинный объект понимания и «сродство» между текстом и читателем. Понять текст, значит понять автора лучше и глубже, чем тот понимал самого себя, — такова главная идея этой концепции текста³⁸⁴.

Между анализом текстов и исследованием социальных явлений существуют, как считает П. Рикер, параллели:

а) как слова объективируются в письменном тексте, так и человеческие действия объективируются в «летописи» истории. Смысл действия при этом отчуждается от его агента и «осаждается» в социальном времени (истории), которое есть не только длительность социальных и исторических событий, но и «место хранения» смыслов человеческой деятельности. История или социальное время есть особый род «текста», в котором оставляют свой след то или иное социальное действие, те или иные «депсихологизированные» человеческие поступки;

б) подобно тому, как в письменном тексте описываемые конкретные ситуации являются лишь одной из возможных актуализаций «пограничных ситуаций» (глубокой семантики текста), одно и то же историческое действие может происходить в разных социальных контекстах, а потому не только отражать свое время, но и быть образцом возможных действий;

в) как и текст, социальное явление есть смысловая целостность, где различаются главные и второстепенные мотивы действия;

г) подобно тексту социальное явление имеет привилегированных интерпретаторов. Смысл того или иного исторического события не совпадает с субъективными намерениями его участников, а потому носит «открытый» характер. Разные исследователи истории выберут интуитивно в качестве главных разные темы, а потому интерпретации одного и того же исторического события не будут совпадать по смыслу³⁸⁵.

Но выбор требует обоснования, а чтобы это обоснование провести, надо вначале понять общий смысл текста, но этого нельзя сделать до выбора главной его темы. Возникает герменевтический круг, харак-

³⁸⁴ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крынева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 30.

³⁸⁵ Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 92.

теризующий отношение «текст-читатель»³⁸⁶. Герменевтический круг возникает в ходе интерпретации и при решении проблемы соотношения части и целого в структуре текста: интерпретация исторического процесса предполагает выявление его общего смысла, что невозможно без понимания частных, а последние нельзя понять вне контекста общего смысла. Эту ситуацию можно описать так: чтобы понять нечто, надо это нечто уже предварительно понимать.

Выйти из герменевтического круга, как считал Хайдеггер, можно, если признать, что до процедуры исторической, философской или филологической интерпретации существует горизонт некоего первичного дорефлексивного предпонимания, задающего направление нашего восприятия того или иного события-текста. От предпонимания нельзя освободиться, так как оно формируется жизненным миром человека³⁸⁷. Гадамер называл предпонимание законными «предрассудками» и также считал, что именно они задают горизонт восприятия смыслов³⁸⁸. Поэтому, как мы уже писали выше, Гадамер не рассматривал временную дистанцию между текстом и интерпретатором, с его жизненными предрассудками как помеху для процедуры понимания. Хайдеггер и Гадамер «разомкнули» герменевтический круг за счет введения человеческого-бытия-в-мире в пространство работы с текстами. Следует учесть и тот факт, что и Хайдеггер, и Гадамер перестали рассматривать язык как только продукт субъективной деятельности человеческого сознания. Они онтологизировали язык, т. е. приписали ему независимое от субъекта существование. Хайдеггер считал, что язык является делом рук не человека, но Бытия, а человек лишь слушает его³⁸⁹.

8.6. Язык, «языковые игры», языковая картина мира

Вопрос о «чтойности» слова был поставлен еще в античности. Со времен Демокрита (V–IV вв. до н. э.), отделившего слова-имена от вещей, не утихали споры вокруг проблемы: что такое имя вещи? Платон в диа-

³⁸⁶ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. С. 33.

³⁸⁷ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 59.

³⁸⁸ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 111.

³⁸⁹ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 73.

логе «Кратил» сформулировал для последующих поколений философов задачу-вопрос: слово — это результат договора между людьми, т. е. артефакт, или оно принадлежит вещам и его происхождение божественно? Софисты и киники, используя сократический метод, считали, что слово — это «кличка» неведомого, изобретенная людьми, а потому оно никак не связано с содержанием называемого предмета³⁹⁰. Следствием такой позиции явился познавательный релятивизм и скептицизм, который дошел до наших дней. Аристотель, напротив, признавал связь языка с бытием. Он даже вывел онтологию («общие роды бытия» и «общие роды сказывания о бытии»), анализируя античный словарь, утверждая тем самым правомерность репрезентативной функции языка. Позиция Аристотеля получила признание и дальнейшее обоснование в философии Гегеля.

В христианской цивилизации в той или иной форме признавалось существование внутренней связи слова с тем, что оно называет или обозначает. Вл. Соловьев, например, признавая язык одним из основных элементов жизни общества, считал, что его образование «совершенно независимо от сознательной воли отдельных лиц», он не произведен, не выдуман «личною сознательною деятельностью». М. Хайдеггер настаивал на том, что давать слово бытию есть единственное дело мысли, ибо «язык — дом бытия»³⁹¹.

В традиции раннего христианства считалось, что лукавить со словом, плутовать с ним не просто непозволительно, но и греховно. Ссылаясь на свидетельства Василия Великого, А. Кураев пишет, что язычники, как правило, уговаривали христиан: «Только словом произнеси отречение, а в душе имей веру, какую хочешь. Бог внимлет не языку, но мысли говорящего. Так можно будет и судью смягчить, и Бога умилистить»³⁹². Но так как для христианина имена предметов, а тем более имя Бога — не есть произвольное установление или «кличка» неведомого, то они предпочитали смерть словесному отречению, которое означало для них отречение от веры.

Если в слове проявляется бытие сущего, если не мы, люди, именуем вещи, если слово мистично, то у нас нет права произвольно распоряжаться именами-словами. Такое отношение к слову и Слову принуждает человека «вслушиваться» в него, ответственно использовать его

³⁹⁰ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008. С. 78.

³⁹¹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 116.

³⁹² Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 89.

в своем говорении, заставляет говорящего говорить определенным образом, следуя догматическим и лингвистическим нормам³⁹³. Грамматика, в этом контексте, рассматривается не как произвольное установление написания слов и форм их связи, а как необходимо соотношенная с логикой мышления, а следовательно, и с логикой бытия. Известно, что связь грамматики, логики и онтологии была одной из центральных идей Гегеля.

В европейской культуре XX в. возобладали тенденции отхода от онтологии языка, т. е. от признания его «укорененности» в бытии. Опасность такого положения дел осознавали многие отечественные мыслители. Н. Бердяев, называя эту ситуацию болезнью общества, писал: «Мы все уславливаемся, что значат слова, непосредственный смысл которых утерян»³⁹⁴. Слова превратились лишь в названия, пустые звуки, а «пустые, утеравшие реальный смысл слова не подпускают людей друг к другу». Чтобы восстановить реальный смысл слов, следует, по мысли Бердяева, восстановить связь слов со Словом-Логосом. Ноуменально Логос отождествляется с Богом-Отцом («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»). Феноменально — с Богом — Сыном («И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины»)»³⁹⁵. Человеку, в силу его богоподобия, дан дар обладания словом. Такое понимание слова человеческого обуславливало отношение к наскоро изобретенным холодным, бездушным словам как к своего рода богоборчеству. Не случайно Н. В. Гоголь писал: «Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!»³⁹⁶.

Деонтологизация языка способствовала обретению им свободы от репрезентативной функции. В итоге возникла тенденция понимать истину как свойство лингвистических формообразований, в частности, текста. Истине было отказано в праве иметь корреляты вне текста³⁹⁷. Такое понимание слова и истины французский философ, основатель концепции деконструктивизма Ж. Деррида (род. 1930 г.) использовал, например, для дискредитации текста Апокалиптического послания

³⁹³ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование. 2008. С. 73.

³⁹⁴ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 115.

³⁹⁵ Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование. 2008. С. 70.

³⁹⁶ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 45.

³⁹⁷ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 111.

Св. Иоанна и отрицания истинности его содержания. Деррида утверждает, что текст послания есть не Откровение Истины, а произвольное цитирование информации, бродящей по бесконечно переплетающимся каналам коммуникативного пространства. В этом случае слова текста Св. Писания содержательно обесцениваются, но, как считает современный философ и богослов А. Кураев, «цивилизация, для которой слова обесценились, уже не имеет права называться христианской»³⁹⁸.

Классическая рационалистическая установка, согласно которой язык выражает (репрезентирует) реальный мир, а мышление только с помощью языка в состоянии постигать и выражать внутреннюю природу мира и человека, опиралась на представление о божественном творении мира. Действительно, если признавать, что Вселенная есть творение Того (Абсолюта, Бога), Кто имел замысел творения и «записал» этот замысел на языке, на котором говорил Сам, то следует признать:

- а) существование «внутренней» «скрытой природы» всех сотворенных вещей и явлений, подчиняющейся универсальной закономерности,
- б) возможность языка адекватно репрезентировать содержание этого замысла. В контексте идеи творения изобретение новых научных терминов и понятий предстает как «оттачивание языковых средств адекватного постижения реальности, которая предстает в образе Книги природы, написанной Творцом»³⁹⁹.

Признание существования всепроникающего Логоса позволяло осмыслять бытие как имеющее внутреннюю содержательную логику. Эта установка рационалистической культуры получила в постмодернистской философии название «логоцентризма», который и стал одним из главных объектов ее критики. Главные аргументы критики таковы: логоцентризм является формой рационального насилия над миром, акцентирует власть разума, демонстрирует «империализм Логоса» (Деррида), налагающего запрет на свободную ассоциативность мышления⁴⁰⁰. Французский философ М. Фуко (1926–1984) утверждал, что логоцентризм есть форма логофилии, признающей аксиологический приоритет рациональности, логики. Правда, при этом он отмечал, что лого-

³⁹⁸ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 60.

³⁹⁹ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 45.

⁴⁰⁰ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 89.

филия есть следствие скрытой в глубинах рациональной культуры бессознательности⁴⁰¹. Суть ее в том, что логоцентризм (и классическая рациональность в целом) испытывает смутный страх перед возможностью внезапного проявления спонтанности и беспорядочности мышления, когда оно в процессе вербальной объективации своего содержания может выйти за границы установленных грамматических, лингвистических и стилистических норм и законов. Так как такое непредсказуемое поведение мышления ставит под угрозу способ бытия классического типа рациональности, где доминировал Логос, то, утверждает Фуко, всегда существовали специальные приемы, которые «гасили» желание мышления уйти в «буйство», «необузданное бурление» в использовании семантической безграничности⁴⁰². К таким приемам он относил классификацию, упорядочивание, распределение. Помогала этому «обузданию» и строгая установка рациональной культуры на легитимность только «высоких» мыслей, одетых в броню логически-содержательной безукоризненной последовательности. Все, что не укладывалось в прокрустово ложе «высоких мыслей», рассматривалось как разновидность когнитивной шизофрении, т. е. речевого потока⁴⁰³.

Чтобы обесмыслить ту задачу, которую ставит логоцентризм перед мышлением и языком — адекватно дешифровать смыслы, заложенные Творцом, надо разбожествить мир, пришли к выводу философы-постмодернисты. Тогда язык потеряет свою репрезентативную функцию, так как означающее освободится от связи с означаемым. Ж. Делез, например, отказывает языковому знаку в обладании функцией не только репрезентации объекта, но даже указания на его наличие. По мнению другого французского философа-постмодерниста Ж. Лиотара, картину мира можно трактовать только как выдуманное повествование.

Но если язык не является посредником между человеком и объективной реальностью, то не имеет смысла задавать вопросы, которые всегда интересовали философию: «Как соотносится язык с мыслью?», «Способен ли используемый язык адекватно выразить (репрезентировать) подлинную природу реальности?» и т. д.⁴⁰⁴ Отказав вербальному

⁴⁰¹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 119.

⁴⁰² Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 70.

⁴⁰³ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 67.

⁴⁰⁴ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 78.

знаку в возможности репрезентировать объект, постмодернистские авторы вслед за швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром (1857–1913), утверждавшим, что значение не является однозначным соотношением означающего и означаемого, а есть объективный мираж означивания, стали рассматривать язык только как семиотическую систему⁴⁰⁵. В ней языковые структуры не являются заранее определенными, так как не существует никаких схем упорядочивания этих структур. Что же касается реально фиксируемой определенности в языковых структурах, то ее существование обуславливается вовлечением языка в коммуникативные процессы, в которых только и выявляется смысл любого вербального знака. Текст стал рассматриваться как существующий в независимом от автора режиме.

История культуры и смена словарей. Идеи австрийско-британского философа Л. Витгенштейна о том, что «границы языка» есть «границы мира» индивида, а также работы французского психоаналитика Ж. Лакана, который утверждал, что структура личности определяется структурой ее языка, положили начало рассмотрению культуры и общества как явлений, возможных только благодаря языковой практике. Толкование языковых актов как форм социокультурной деятельности повлияло на учение Ф. де Соссюра о произвольности между означающим и означаемым⁴⁰⁶.

Идеи о том, что с изменением словаря, т. е. способа говорения, одновременно происходит изменение ценностных и ментальных установок в культуре, восходят к Ф. Ницше. Эту позицию разделяет современный американский философ Р. Рорти (род. 1931 г.), который приводит следующие примеры связи словаря и культуры:

- 1) существование в словаре таких слов, как «подлинная реальность», «истина», «сущность», «закон» и т. д. свидетельствуют о том, что в этой культуре мир интерпретируется как результат творения Бога, имеющего некий проект, который расшифровывается с помощью языка науки. Но этот словарь, изобретенный Галилеем и Ньютоном, и словарь алхимиков равноправны, ибо ни тот, ни другой не имеют никакого отношения к реальности. Галилею просто подвернулся языковой инструмент, который случайно оказался лучше приспособленным к определенным целям;

⁴⁰⁵ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 111.

⁴⁰⁶ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 90.

- 2) слова Ницше «Бог умер» ознаменовали появление такой культуры, когда люди перестали служить высшим целям достижения Блага, Истины, Красоты, и на смену образа человечества, как постоянно продвигающегося к Истине и Свету (главная идея прогресса), пришел образ «голодных поколений, попирающих друг друга» (Ницше), ни к чему не приближающихся, а просто слепо и случайно сменяющих друг друга⁴⁰⁷.

М. Фуко интерпретировал метафору Ницше «Бог умер» как указание на освобождение пространства культуры и философии от человека: «смерть Бога» есть одновременно и смерть самого человека, «именно в смерти человека и исполняется смерть Бога». Словарь, изобретенный Ницше, позволял, утверждал Фуко, выражать главную ситуацию в культуре: «человек остался без Бога»⁴⁰⁸. Но новый словарь нельзя рассматривать как более адекватный и дающий наиболее адекватную картину мира. Он просто переописывает реальность, а не способствует более полному ее постижению.

Появление нового словаря, как считает Рорти, начинается с изобретения и применения каких-то метафор, созревших в головах отдельных людей. Метафора, используя известные слова непривычным образом, позволяет высветить те аспекты событий и явлений, которые невидимы при обычном словоупотреблении. О метафоре нельзя сказать, истинна она или ложна, приживется она в культуре или нет. Ее невозможно опровергнуть, доказать или обосновать, почему сложилась та или иная метафора в голове ее творца и т.д.⁴⁰⁹. Так, нельзя найти причину возникновения метафорического использования Ньютоном слов «сила», «притяжение», а можно только, считает Рорти, высказать по этому поводу предположения, каждое из которых имеет право на существование: например, воздействие космических лучей на тонкие структуры мозга Ньютона, влияние на его мышление некоторых навязчивых странностей, обусловленных психологическими травмами и т.д. В принципе, как пишет Рорти, неважно, как и почему удалось Ньютону изобрести метафоры. Важно то, что в результате появился инструмент, с помощью которого стали мыслить о природе так, как этого не могли делать раньше.

⁴⁰⁷ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 91.

⁴⁰⁸ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 108.

⁴⁰⁹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 111.

Метафорическая аранжировка реальных событий и явлений широко используется самими постмодернистами, которые ввели в словарь такие метафоры, как «ризом», «складка», «след», «тишина» и т.д. Смысл метафоротворчества они видят, прежде всего, в том, что оно доставляет наслаждение, которое Ж. Лиотар толкует как ощущение победы, «вырванной, по крайней мере, у одного, но грозного соперника — общепринятого языка. Не случайно структуралист Р. Барт (1915–1980) говорил об «эротике языка»⁴¹⁰.

Творцов метафор много, но не все метафоры укореняются в культуре. Ньютону повезло, его метафоры укоренились в культуре XVII в., и на их основе возникли правила научной языковой игры.

«Языковая игра» в науке. «Языковые игры» — понятие постнекласической философии для обозначения речевых систем коммуникации, организованных по определенным правилам. Метафору «языковые игры» ввел Витгенштейн. Она демонстрирует отказ от референциальной (от слова «референт», обозначающего объект, к которому относится суждение) концепции знака. Такой отказ позволяет трактовать вербальную сферу как спонтанную игру означающего, не имеющего референта, а потому находящегося в процессе имманентной самоорганизации. В постмодернистской метафоре «игра» сочетаются две идеи: отказ от Бога и признание фундаментального статуса непредсказуемой случайности⁴¹¹.

Метафора «языковая игра» стала универсальным способом описания всех форм человеческой деятельности, в том числе и науки. Рассмотрим, как толкует понятие «языковые игры» в науке Ж. Лиотар.

Наука строит свои языковые игры, исходя из признания того, что:

- а) мир и человек обладают внутренней сущностной природой;
- б) истина, как и мир, находится по ту сторону от познающего субъекта;
- в) язык занимает срединное место между познающим человеком и миром, репрезентируя мир, каков он есть сам по себе: бытие и познанное бытие тождественны⁴¹².

⁴¹⁰ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 67.

⁴¹¹ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 74.

⁴¹² История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 114.

Поэтому наука выбрала из всех языковых игр одну — денотативные высказывания, которые возможны при наличии следующих условий, являющихся и правилами «языковой игры»:

- а) предметы, о которых строится высказывание, должны быть наблюдаемыми (непосредственно или опосредованно);
- б) должны существовать критерии оценки истинности высказывания⁴¹³.

Лиотар считает, что научная языковая игра претендует на единственно истинную форму коммуникации, что не способствует увеличению пространства социальных связей и социальной свободы.

Наука должна легитимировать правила своей «языковой игры»⁴¹⁴. Ж. Лиотар определяет легитимацию как процесс, в котором некоему «законодателю» разрешено предписывать условия для того, чтобы высказывание воспринималось научным сообществом как научное. Но тогда возникают дополнительные вопросы о легитимации самого «законодателя»: кто решает, каковы должны быть условия научного высказывания и кто знает, что это решение справедливо? Правила научной языковой игры не содержат в самих себе условий собственной легитимации. Она осуществляется извне с помощью философии, которая обосновала, что этим «кто» является разум, обладающий законодательными функциями. Легитимность разума также надо обосновать, что и осуществил Гегель, применив «спекулятивное» обоснование с помощью Абсолютного духа. «Спекуляция» как особая форма философской языковой игры стала формой легитимации научного дискурса, и это способствовало тому, что преподавание философии было общепризнано в качестве фундамента университетского образования, утверждает Лиотар⁴¹⁵.

В начале XX в. начинают разрабатываться проблемы социологии знания и познания (К. Манхейм, М. Шелер, П. Сорокин, Т. Лукман и др.), исследуется влияние на знание и познание экономических потребностей, социальных установок, идеологии, этических, религиозных и эстетических предпочтений исследователя и т. д. В такой ситуации

⁴¹³ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 56.

⁴¹⁴ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 60.

⁴¹⁵ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 78.

научные языковые игры не могли искать условия своей легитимации в спекулятивной философии, рассказывающей о том, как абсолютный дух актуализирует свои возможности познания и обуславливает возможность научных языковых игр. Субъектом знания становится не спекулятивный дух, а конкретно-исторический субъект. Вводится связь знания с обществом и государством. Наука становится средством реализации целей государства и общества. В этом служении целям, намечаемым практическим субъектом, и состоит конечная легитимность науки. Ж. Деррида сформулировал в связи с этим задачу: «Деконструировать все то, что связывает концепты и нормы научности с онтологией, с логоцентризмом, с фонологизмом... Надо одновременно выйти из метафизического позитивизма и сциентизма и акцентировать то, что в фактической научной работе способствует ее избавлению от метафизических гипотез...».⁴¹⁶

Так как «языковые игры» науки используются только профессиональными учеными, а потому имеют ограниченное сообщество ученых пространство своего действия, то более значимыми, с точки зрения постнеклассической философии, являются языковые игры в коммуникативной сфере повседневности, т. е. за пределами рафинированной интеллектуальной рефлексии⁴¹⁷. Язык стал рассматриваться как «воплощенная социальность».

Словосочетание «язык как воплощенная социальность» ввел французский лингвист Э. Бенвенист для обозначения феномена погруженности речи в социальный контекст. Неклассическая лингвистика, а вслед за ней и постнеклассическая философия стали принимать во внимание те параметры языка, которые делают его «существенной составляющей социокультурного взаимодействия»: ритм, семантическая вариативность, эмоционально-оценочная окраска и т. д. Стал осознаваться тот факт, что сам речевой акт является формой социального взаимодействия, так как представляет собой одновременное взаимодействие того, кто говорит, того, к кому обращена речь, а также референта, т. е. того, о чем или о ком нечто говорится. То есть язык конституирует социальную связь, выступая в качестве одной из форм социальной практики. «Социальные связи состоят из языковых ходов» (Лиотар)⁴¹⁸.

⁴¹⁶ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 89.

⁴¹⁷ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 67.

⁴¹⁸ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 111.

Социальная связь основана на речевых «приемах», а «языковые игры являются минимальными отношениями для существования общества» (Лиотар)⁴¹⁹.

Начало рассмотрению коммуникации как комплекса языковых игр, имеющих свои семантико-прагматические правила и ограничения, положил Л. Витгенштейн. До него язык рассматривался просто как средство коммуникации, с помощью которого передается информация. В пространстве языковой коммуникации выделяют денотативные высказывания (высказывания о наблюдаемых предметах); предскриптивные высказывания, имеющие форму приказов, команд, инструкций, рекомендаций, запросов, просьб, прошений и т.д.; перформативные высказывания, в которых высказывание о референте является одновременно осуществлением действия, совпадающего с высказыванием (например, когда министр вооруженных сил произносит «мобилизаций началась», то мобилизация молодых людей в армию начинается в силу того, что о ее начале объявил человек, наделенный властью произносить такого рода высказывания); деонтические высказывания, предписывающие, что нужно делать в отношении предметов высказывания; вопросительные высказывания, оценочные высказывания и т.д.⁴²⁰ Все перечисленные высказывания являются необходимым условием для осуществления в обществе минимума социальной связи⁴²¹. Витгенштейн погрузил саму коммуникацию в структуры языка и стал рассматривать процесс коммуникации как процесс, в котором формируется пространство специфических для каждого общества социальных значений. Это формирование происходит за счет того, что каждый человек всегда выступает или в роли отправителя, или в роли получателя информации о том или ином природном, культурном явлении, другом человеке. Языковая игра, как и любая игра вообще, включает момент противоборства или агонистики а потому получатель сообщения не просто принимает информацию к сведению, но отвечает на нее часто вопреки ожиданиям отправителя информации и тем самым «перемещает» его в иную точку информационного

⁴¹⁹ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 73.

⁴²⁰ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 81.

⁴²¹ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 63.

пространства⁴²². В итоге возникают изменения социальных связей, ведущих к культурным изменениям. Языковые сообщения «связывают» людей⁴²³. Например: любой задаваемый вопрос немедленно выделяет того, кто спрашивает, того, к кому обращен вопрос, и то, о чем спрашивают. Следовательно, вопрос является одной из форм социальной связи.

Языковые игры рассматриваются как фундаментальный способ осуществления социального бытия. Признавая, что «атомы», формирующие материю социальной связи (получатели и отправители информации), находятся в гибких сетях языковых игр, постмодернисты приходят к выводу, что в свободном обществе научные «языковые игры» и свойственные им высказывания не должны быть господствующими⁴²⁴. В свободном обществе не должно существовать тематик и проблем, о которых нельзя говорить. Примером локальной социальной свободы может служить разговор между двумя друзьями, которые используют все виды высказываний, не придерживаясь каких-то строгих установлений по поводу того, что, как и о чем можно (нельзя) говорить. «Языковая анархия» рассматривается как необходимое условие свободы человека в обществе⁴²⁵. Но, как утверждают постмодернисты, пока ни одно общество не готово допустить в коммуникативное пространство столько языков, сколько существует различных желаний к их употреблению. Такого рода «неготовность» обусловлена, по их мнению, двумя причинами:

1) существуют уже сложившиеся социальные институты (от церкви до университетов), где отдается предпочтение только некоторым классам высказываний (например, команда в армии, молитва в церкви, аргументированная речь ученого и т.д.);

2) язык (даже естественный) понуждает говорящего строго следовать грамматическим и стилистическим нормам, обозначать женский, мужской, средний род, строить предложения по определенному правилу и т.д. Чтобы сделать коммуникацию открытой и способствующей со-

⁴²² Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. С. 70.

⁴²³ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 119.

⁴²⁴ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 89.

⁴²⁵ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 170.

циальной свободе, необходимо, считают постмодернисты, ослабить: а) те границы, которые ставят языку различные социальные институты, расширить набор языковых игр в армии, церкви, науке и т.д.; б) властные функции самого языка⁴²⁶. О том, что высказывание обладает специфической властью, неоднократно писал Фуко: «Говорить — значит обладать властью говорить»⁴²⁷. По его совету в 1977 г. в Коллеж де Франс была создана кафедра литературной социологии, главное условие работы которой состояло в преодолении требований строгости знания. Приглашенный на должность заведующего кафедрой Р. Барт пришел к выводу, что главной помехой в этом деле является власть, таящаяся в языке, так как «весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения»⁴²⁸. Власть же языка ограничивает пространство свободы человека, которая есть «не только способность ускользать из-под любой власти, но также и, прежде всего, способность не подавлять кого бы то ни было». Поэтому «свобода возможна только вне языка»⁴²⁹. Освобождение от власти языка следует начинать, считал Барт, с литературы, которая должна подорвать изнутри язык, изобличить его претензии на принуждение путей превращения текста в игру слов, в плутовство со словом, состоящее в постоянном стремлении ослаблять связь слов с тем, что они обозначают. Сделать язык безвластным можно, если «насаждать — прямо в сердце раблепного языка — самую настоящую гетерономию вещей» (гетерономия в данном контексте означает разноименность)⁴³⁰.

Но так можно ослабить власть языка в литературном письменном тексте. А как ослабить власть языка в устной речи, как, например, «держаться речь» перед студентами и вместе с тем ничего им не навязывать?⁴³¹ Барт рекомендует разобщать знаки, используя для этого фрагментацию, бесконечные отступления (экскурсы), сосредоточиваться в преподавании не на знаниях» а на дискурсивных формах, посредством кото-

⁴²⁶ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 90.

⁴²⁷ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 65.

⁴²⁸ Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов (под ред. Лебедева С. А.) Изд. 2-е, испр., доп. М.: Академический проект. 2007. С. 78.

⁴²⁹ Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 89.

⁴³⁰ Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К, 2008. С. 67.

⁴³¹ История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. С. 118.

рых эти знания сообщаются, менять ежегодно интеллектуальные странствия, положив в их основу языковую фантазию. Эта задача, считал он, выполнима, так как языковые практики дают возможность уйти в «бездрежное и бесконечное смысловое творчество и семантическую многозначность»⁴³².

Разрабатывая различные стратегии и тактики освобождения от власти языка, интеллектуалы-постмодернисты считают, что главным условием возможности полной победы над принуждающей силой языка является готовность общества к языковому анархизму, когда будет разрешено употреблять язык, согласно желанию каждого.

Библиографический список

1. Бессонов Б. Н. История и философия науки: учебное пособие. М.: Высшее образование, 2009.
2. Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Высшее образование, 2008.
3. Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007.
4. Войтов А. Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. 4-е изд. М.: Дашков и К., 2008.
5. Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект. 2010.
6. История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010.
7. История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крянева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009.
8. Кохановский В. П., Пржиленский В. И. Философия науки. М.: Март, 2008.
9. Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический проспект, 2011.
10. Никитич Л. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

⁴³² См.: Исаев И. А., Бучило Н. Ф. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2010.

Вопросы для самоконтроля

1. Исходя из каких принципов наука строит свои языковые игры?
2. Как соотносится язык с мыслью?
3. Какие примеры приводит американский философ Р. Рорти связи словаря и культуры?
4. Назовите правила «языковой игры».
5. О каком открытии Ньютона писал Рорти, что в результате данного нововведения появился инструмент, с помощью которого стали мыслить о природе так, как этого не могли делать раньше?
6. Какие две главные традиции по вопросу о природе научного объяснения выделил Финский логик и философ Г. Х. фон Райт?
7. Если интерпретация имеет дело с текстами, то на каком основании этот методологический прием можно использовать при изучении исторического прошлого, социальной коммуникации и т. д., т. е. проблем социально-гуманитарных наук?
8. Кто решает, каковы должны быть условия научного высказывания, и кто знает, что это решение справедливо?
9. Как ослабить власть языка в устной речи?
10. Чтобы сделать коммуникацию открытой и способствующей социальной свободе, что, по мнению постмодернистов, необходимо ослабить?
11. Постмодернисты утверждают, что пока ни одно общество не готово допустить в коммуникативное пространство столько языков, сколько существует различных желаний к их употреблению. Объясните, какими двумя причинами обусловлена эта «неготовность».

ТРЕБОВАНИЯ К СДАЮЩИМ КАНДИДАТСКИЙ ЭКЗАМЕН ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

В соответствии с приказом Министерства образования РФ № 696 и № 697 от 17 февраля 2004 г. утвержден перечень кандидатских экзаменов, сдаваемых соискателями ученой степени кандидата наук и программы кандидатских экзаменов по истории и философии науки. С 1 июля 2005 г. в стране принимается вместо кандидатского экзамена по философии — кандидатский экзамен по истории и философии науки.

Кандидатский экзамен по истории и философии науки сдается по программам, утвержденным приказом Министерства образования РФ по соответствующей отрасли науки согласно действующей Номенклатуре специальностей научных работников.

Работа аспиранта (соискателя) по подготовке и сдаче кандидатского экзамена включает следующее:

- ✓ необходимо прослушать курс лекций по истории и философии науки;
- ✓ подготовить реферат в соответствии с установленными требованиями;
- ✓ изучить предлагаемые вопросы в соответствии с предлагаемым их примерным перечнем.

В процессе написания реферата и подготовки к кандидатскому экзамену проводятся консультации (см. график на кафедрах и в отделе аспирантуры).

Аспиранту (соискателю) на базе прослушанного курса по истории соответствующей отрасли наук или самостоятельного изучения историко-научного материала необходимо представить реферат по истории соответствующей отрасли наук по согласованию с научным руководителем диссертации и кафедрой философии.

Тему реферата необходимо утверждать локальным актом организации (приказом), где выполняется диссертационное исследование.

Проверку подготовленного по истории соответствующей отрасли науки реферата необходимо проводить научному руководителю, который осуществляет первичную экспертизу, а также специалисту по истории от-

расли науки или прошедшему повышение квалификации по дисциплине «История и философия науки», который представляет короткую рецензию на реферат и выставляет оценку по системе «зачтено — незачтено».

При наличии оценки «Зачтено» аспирант (соискатель) допускается к сдаче экзамена по философии науки и по философским (методологическим) проблемам соответствующей отрасли наук.

Реферат представляет собой самостоятельную письменную работу с элементами научного исследования ориентировочным объемом до одного печатного листа (или 40 тыс. печатных знаков, что примерно соответствует 17 стр. печатного текста формата А4, шрифт 14 кегль). Основные этапы работы над рефератом после выбора и утверждения темы включают следующее:

- ✓ подбор литературы (монографической, справочно-энциклопедической, учебно-методической, периодической);
- ✓ изучение литературы по данной теме, что подразумевает:
 - а) изучение состояния исследования данной темы;
 - б) вычленение и постановку главных проблем данной темы;
 - в) определение основных подходов к решению проблем;
 - г) главные полученные результаты;
 - д) проблемы, остающиеся нерешенными до настоящего времени;
 - е) практическое значение данной темы и предлагаемых решений;
- ✓ письменное, логически последовательное и аргументированное изложение состояния исследования данной темы (составляется план работы, включающий введение, основную часть (не более 3–4 вопросов), заключение и список использованной литературы).

Титульный лист реферата оформляется согласно установленным требованиям. Текст набирается, редактируется и распечатывается с помощью компьютера.

Требования к знаниям сдающего кандидатский экзамен:

- ✓ необходимо, прежде всего, знание понятийно-категориального аппарата науки (определение важнейших понятий данной научной дисциплины, истории ее, философии как методологии научного познания и философии науки);
- ✓ необходимо продемонстрировать подготовленность в области истории той научной дисциплины (отрасли научного знания), в сфере которой планируется выполнение научных исследований для получения ученой степени кандидата наук;
- ✓ необходимо подтвердить владение понятийно-категориальным аппаратом данной области научного знания.

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

1. Научная деятельность и ее структура.
2. Научная рациональность: понятие и содержание.
3. Социально-исторические условия возникновения науки в Древней Греции.
4. Сущностные черты классической науки.
5. Неклассическая наука и ее особенности.
6. Постнеклассическая наука.
7. Основные уровни научного знания.
8. Научная теория и ее структура.
9. Гипотеза как форма развития научного знания.
10. Наука как социальный институт.
11. Модели развития научного знания.
12. Свобода научных исследований и социальная ответственность ученых.
13. Типы научной рациональности.
14. Социокультурная обусловленность науки.
15. Философия и наука.
16. Общество и наука: типы взаимодействия.
17. Философские основания науки
18. Наука и глобальные проблемы современного человечества.
19. Роль и функции науки в инновационной деятельности.
20. Философско-правовые аспекты регулирования научной деятельности.
21. Понятие науки. Критерии научного знания.
22. Современная научная картина мира.
23. Функции государства в управлении развитием науки.
24. Наука и политика.
25. Взаимоотношение науки и религии в современной культуре.
26. Философия науки: предмет, метод, функции.
27. Человек как предмет философско-научного исследования.
28. Науки о природе и науки об обществе: сходство и различие.
29. Социальные и гуманитарные науки: общее и особенное.
30. Вненаучное социальное знание и методы его получения.
31. Исследовательские программы социально-гуманитарных наук.

32. Общество знания: понятие и смысл.
33. Научные исследования как условие предотвращения социальных трагедий.
34. Развитие гуманистической традиции в педагогической мысли России.
35. XVIII век в истории российского просвещения.
36. Идеалы социалистического воспитания и гуманистическая педагогика (1917–1921 годы).
37. Демократизм и гуманизм педагогической системы К. Д. Ушинского
38. Наука и философия. Особенности научного познания.
39. Роль науки в современном образовании и формировании личности.
40. Юридическая догма: становление и роль в современном правоведении.
41. Философия права: понятие и место в системе юриспруденции.
42. Проблема автономии теоретического знания в правоведении.
43. Юридическая наука и юридическая практика: вопросы соотношения.
44. Фундаментальные исследования и прикладные разработки права.
45. Проблемы предмета юридической науки.
46. Гносеологические аспекты методологии правоведения.
47. Инструментальные аспекты юридической методологии.
48. Герменевтический подход к праву.
49. Метод юридической науки.
50. Системный подход в юридическом исследовании.
51. Деятельностный подход в правоведении.
52. Условия и критерии научности юридического исследования.
53. Модели в праве и правоведении.
54. Принципы соответствия в юридическом исследовании.
55. Структура предмета научного исследования права.
56. Исследовательские программы юриспруденции.
57. Методология юридического исследования.
58. Развитие философского направления в науке уголовного права России.
59. Основные философские течения в российском уголовном праве.
60. Философские основания уголовно-правовых исследований.
61. Методы науки уголовного права.
62. Философия преступления и наказания.

- 63. История учения о преступлении и наказании в России.
- 64. Причинность, необходимость и случайность в уголовном праве России.
- 65. Основные течения в истории науки уголовного права России.
- 66. Гносеологическая природа следов в криминалистике.
- 67. Методы криминалистической науки.
- 68. Типы уголовного процесса; исторический опыт и действительность.
- 69. Российская дореволюционная наука уголовного процесса.
- 70. Генезис государства и права как предмет научного познания.
- 71. Объективное и субъективное начало в исследовании государственно-правовых явлений: историко-теоретический анализ.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К КАНДИДАТСКОМУ ЭКЗАМЕНУ

1. По теме: Исторические концепции в развитии философии науки

1. Предмет философии науки. Наука и философия как формы теоретического мышления и рационального понимания мира.
2. Наука и миф. От мифа к логосу: становление теоретического знания.
3. Возникновение науки: проблема периодизации истории науки.
4. Роль античности в становлении научного знания. Логос и истина.
5. Естественнонаучная революция Аристотеля. Классификация науки Аристотеля.
6. Научная культура Средневековья: социально-исторические предпосылки и специфические черты развитие логики в схоластике.
7. Возникновение новоевропейской науки. Научная революция конца XVI — начала XVII веков.
8. Ф. Бэкон: становление и сущность индуктивно-эмпирического метода.
9. Рационалистический метод Р. Декарта: аксиоматико-дедуктивная методология.
10. И. Кант. Смысл антропологического поворота в анализе научно-теоретического знания, трансцендентальный идеализм как методологическая установка.
11. Российская наука XVIII века.
12. Концептуально-методологические основания различения наук о природе и наук о культуре (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт).
13. Особенности методологии социально-гуманитарных наук в концепциях М. Вебера, К. Поппера, Г. Гадамера, М. Фуко.
14. Позитивизм как философия и методология науки. Критический анализ.
15. Постпозитивистские модели развития науки и научного познания (К. Поппер, М. Вебер, Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Дж. Холтон).
16. Научные революции и типы научной рациональности: классическая, неклассическая и постклассическая наука.
17. Философия русского космизма и учение В. И. Вернадского о биосфере, ноосфере и техносфере.

18. Основные тенденции и модели формирования науки будущего.
19. Классики естествознания и их вклад в развитие философии науки.
20. Основные концепции современной философии науки.

2. По теме: Философия и методология науки

1. Философия как мировоззренческая и методологическая основа науки.
2. Философия науки: предмет, метод, функция.
3. Структура философии науки как области философского знания.
4. Основания науки. Роль философских принципов в обосновании научного знания.
5. Наука как система знаний. Типология научного знания.
6. Научное и вненаучное знание. Наука и эзотеризм.
7. Критерии научности знания. Идеал научности.
8. Понятие научного закона, его основные типы и виды.
9. Гипотеза как форма развития научного знания. Типы и виды гипотез, методы их обоснования и проверки.
10. Проблема новизны научного знания. Типология нового знания.
11. Понятие научного факта. Структура и типология научных фактов.
12. Проблема, вопрос и задача как формы систематизации научного знания. Типология научных проблем.
13. Научная теория как форма знания, ее структура и виды. Основные функции теории.
14. Язык науки, его особенности и генезис. Программа построения единого языка науки.
15. Эмпирическая и теоретическая стадии в развитии науки, их связь.
16. Методология научного познания и классификация методов науки.
17. Многообразие методов научного исследования, аргументации и доказательства. Виды логик.
18. Необходимые приемы логического доказательства: определение и умозаключение, их разновидности.
19. Анализ и синтез, классификация. Абстрактное и конкретное, модель и ее роль в науке, виды моделей.
20. Сравнение и различение как методы научного познания. Обобщение и типизация. Компаративный анализ.
21. Научное наблюдение и эксперимент. Их виды и значение для научного познания.
22. Индукция и дедукция как методы научного познания. Индукция и вероятность.

23. Идеализация как основной способ конструирования теоретических объектов.
24. Математизация и формализация в научном познании.
25. Виды и роль научных традиций и новаций. Роль интуиции в познании.
26. Научное творчество, его сущность, механизм и основание.
27. Герменевтика как методология социально-гуманитарного познания.
28. Субъект и объект в научном познании. Специфика субъекта и объекта социально-гуманитарного познания.
29. Системность, структурность и функциональность как методологические принципы научного познания.
30. Понятие научной парадигмы. История науки как смена парадигм.
31. Мышление и язык. Роль языка и общения в становлении мышления в научном познании.
32. Понятие стиля научного мышления. Принципы диалектического мышления, их роль в системе научной деятельности.
33. Истоки и смысл классической научной рациональности. Особенности представления бытия и его законов в научно-рациональном мышлении.
34. Рациональное и иррациональное в развитии научного знания. Версии и аргументы иррационализма.
35. Кризис европейского идеала рациональности и его причины в свете глобальных проблем современного мира.
36. Нормы, идеалы, принципы научных исследований. Предметное, операциональное и ценностное знание в науке.
37. Логико-математический, естественнонаучный и гуманитарный типы рациональности.
38. Проблема преемственности в развитии научных теорий. Кумулятивизм и парадигмализм.
39. Соотношение истины и знания. Верификация и фальсификация как подходы к проверке результатов исследований на достоверность.
40. Проблема истины в научном познании. Классическая и неклассическая концепции истины.
41. Понятие пространства и времени, их методологическое значение для новоевропейской науки. Ньютоновское и эйнштейновское представление о пространственно-временном континууме.
42. Фундаментальные и прикладные науки. Их соотношение и роль в познании. Практическая ориентация современных наук.

43. Наука и техника, их соотношение на различных этапах истории познания.

44. Зарождение и развитие синергетики. Возможность методологического применения синергетики в естественных и гуманитарных науках.

45. Традиционный и техногенный типы цивилизационного развития и их базисные ценности. Рациональность как ценность.

3. По теме: Роль науки в развитии общества

1. Наука как социокультурный феномен. Механизмы взаимодействия науки и культуры.

2. Наука как особый социальный институт.

3. Наука как ответ на потребности человека.

4. Науковедение и социология науки.

5. Взаимосвязь науки, образования и производства.

6. Наука и ценности: сциентизм и антисциентизм в оценке роли науки в развитии общества.

7. Наука и гуманистические идеалы общества. Этика науки и ответственность ученого.

8. Этос науки: моральные императивы функционирования научного сообщества. Ученый и научное сообщество.

9. Личность ученого: становление и развитие. Проблема индивидуальности ученого.

10. Ценностная концепция ученого: проблема смысла жизни и свободы творчества.

11. Школы в науке, их роль в организации и динамике научного знания. Невидимый колледж.

12. Философско-методологические проблемы интеллектуальной собственности.

13. Наука как часть инновационной системы общества.

14. Научные коммуникации, их виды и роль в функционировании и развитии наук.

15. Экспертная деятельность в науке и ее значение. Внутренняя и внешняя научная экспертиза.

16. Гуманитарная и экологическая экспертиза научных проектов: состояние и перспективы.

17. Информационная революция, ее влияние на развитие общества.

18. Социально-психологические основания научной деятельности.

19. Взаимоотношение науки и религии в современной культуре.

20. Наука и искусство.

21. Наука и политика.
22. Социально-гуманитарные перспективы современной научно-технической революции.
23. Наука и глобальные проблемы современного человечества.
24. Постмодернизм как состояние культуры и условия современного научного познания.
25. Организационная структура современной науки.

4. По теме: Философские проблемы отраслей научного знания

1. Метатеоретический уровень научного знания, его структура и функции.
2. Иерархия научного знания: исторические варианты классификации наук.
3. Научная картина мира, ее структура и функции в научном исследовании.
4. Дифференциация и интеграция наук: естественные, гуманитарные и технические науки, их соотношение и специфика.
5. Особенности естественнонаучной и гуманитарной методологии.
6. Социально-гуманитарное познание и его специфика
7. Общие и специфические проблемы методологии социально-гуманитарных наук.
8. Предмет философии истории: исторический дискурс и его место в системе философского знания.
9. Философия образования.
10. Философия здоровья.
11. Философия политики.
12. Философия права.
13. Философия экономики.
14. Философия техники и основные концепции методологии научно-технического познания.
15. Техничко-технологическое знание и его особенности.
16. Инженерное проектирование и его сущность и функции
17. Социальные проблемы развития техники.
18. Естественнонаучная и гуманитарная культура их связь и взаимовлияние.
19. Сближение идеалов естественнонаучного и гуманитарного познания на современном этапе.
20. Наука в зеркале социологии и экологии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ АСПИРАНТАМ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К КАНДИДАТСКОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

а) основная литература:

Булдаков С. К. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Альфа, 2013. — 141 с.

Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. — 432 с.

Вальяно М. В. История и философия науки: учебное пособие. М.: Альфа, 2012. — 208 с.

Вечканов В. Э. История и философия науки: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. — 256 с.

Бельская Е. Ю. и др. История и философия науки (Философия науки): учебное пособие / под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Е. Моториной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. — 416 с.

Маринко Е. М., Панина Е. М. История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 2: История и философия наук об управлении. М.: Моск. ун-т, 2009. — 240 с.

История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 3: История и философия социологии / Д. С. Клементьева, Л. М. Путилова, Е. М. Осипов; История и философия политики / Т. П. Лебедева. М.: Моск. Ун-т, 2009. — 288 с.

История и философия науки: учебное пособие: в 4 кн. Книга 4: История и философия экономической науки / Л. А. Тугов, М. А. Сажина; История и философия права / Г. А. Белов; история и философия исторической науки / Л. Б. Логунова, Л. И. Семенникова, А. В. Сидоров. М.: Моск. Ун-т, 2010. — 272 с.

Кохановский В. П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 603 с.

Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. *Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей*. М.: ИНФРА-М, 2012. — 333 с.

б) дополнительная литература:

Бессонов Б. Н. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: Высшее образование, 2009. — 395 с.

Булдаков С. К. *История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук*. М.: Высшее образование, 2008. — 141 с.

Введение в историю и философию науки: Общая история науки; Взаимосвязь философии и науки; Структура и развитие научного знания и др.: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр., доп. М.: Академический проект, 2007. — 384 с.

Войтов А. Г. *История и философия науки: учебное пособие для аспирантов* 4-е изд. М.: Дашков и К., 2008. — 692 с.

Исаев И. А., Бучило Н. Ф. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: Проспект, 2010. — 432 с.

История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проспект, 2010. — 638 с.

История и философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. В. Крынева, Л. Е. Моториной. М.: Инфра-М, 2009. — 335 с.

Кохановский В. П., Пржиленский В. И. *Философия науки*. М.: Март, 2008. — 496 с.

Лебедев С. А. *Философия науки*. М.: Академический проспект, 2011, — 731 с.

Никитич Л. А. *История и философия науки: учебное пособие*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 334 с.

Пржиленский В. И. *Классическая философия науки: хрестоматия*. М.: Март, 2007. — 592 с.

Рузавин Г. И. *Философия науки: учебное пособие для студентов и аспирантов*. М.: ЮНИТИ, 2008. — 183 с.

Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. В. Миронова. М.: Гардарики, 2006. — 456 с.

Степин В. С. *Философия науки*. М.: Гардарики, 2008. — 384 с.

Ушаков Е. В. *Введение в философию и методологию науки: учебник*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2008. С. 592

Философия науки: учебное пособие / под ред. С. А. Лебедева. М., 2007. — 731 с.

Философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. А. И. Липкина. М.: Эксмо, 2007. С. 608.

Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / под ред. Т. П. Матяш. (Высшее образование). Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 442.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Тема 1

ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ	5
1.1. Мировоззрение и философия	5
1.2. Основная проблема философии. Состав современного философского знания.....	7
1.3. Философия в системе духовной культуры.....	19
1.4. Основной вопрос философии и принцип развития.....	21
1.5. Целевая ориентация философствования и ее реализация	25

Тема 2

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ПРЕДМЕТ, МЕТОД, ФУНКЦИИ	28
2.1. Общая характеристика позитивизма.....	29
2.2. Ранний позитивизм	34
2.3. Вторая форма позитивизма: эмпириокритицизм	38
2.4. Неопозитивизм	41

Тема 3

НАУКА КАК СИСТЕМА ЗНАНИЙ	45
3.1. Типология научного знания	45
3.2. Нормы, идеалы, принципы научных исследований	46
3.3. Основания науки	46

Тема 4

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ.....	49
4.1. Проблема критериев научного знания. Разновидности ненаучного знания	49
4.2. Структура научного познания: элементы, уровни научного познания и основания науки	53
4.3. Методы и формы научного знания.....	57
4.4. Научные революции и общие закономерности развития науки	70
4.5. Научные революции и смены типов научной рациональности	75

Тема 5**ПРИРОДА ЦЕННОСТЕЙ И ИХ РОЛЬ****В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ..... 84**

5.1. Понятие «Ценность» 84

5.2. Основные философские теории ценности 87

Тема 6**ЖИЗНЬ КАК КАТЕГОРИЯ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 94**6.1. Социокультурное и гуманитарное содержание
категории «жизнь» 946.2. Культура как одна из форм объективации жизни
во времени 104**Тема 7****ВЕРА, СОМНЕНИЕ, ЗНАНИЕ****В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....117**7.1. Понятия «вера», «достоверность», «сомнение»
в познании117

7.2. Вера и понимание в контексте коммуникации 125

7.3. Вера и истина 136

Тема 8**ОБЪЯСНЕНИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ****В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ..... 145**

8.1. Научное объяснение и его типы..... 145

8.2. Герменевтика — «органон наук о духе»
(В. Дильтей, Г. Г. Гадамер)..... 1528.3. Понимание как метод социально-гуманитарного
познания 156

8.4. Проблема понимания в социологическом знании 160

8.5. Интерпретация — общенаучный метод и базовая
операция социально-гуманитарного познания167

8.6. Язык, «языковые игры», языковая картина мира 171

Требования к сдающим кандидатский экзамен по дисциплине**«История и философия науки» 186****Примерная тематика рефератов по курсу****«История и философия науки» 188**

Примерный перечень вопросов для подготовки к кандидатскому экзамену	191
--	-----

Рекомендуемая литература для самостоятельного изучения аспирантам для подготовки к кандидатскому экзамену по дисциплине «История и философия науки»	196
---	-----

Учебное издание

Матвеева Алла Ивановна

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Подписано в печать 27.04.2016. Формат 60х84/16.

Гарнитура Charter. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типография издательства «Бук»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25